

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK № 86 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ в 1893 г.

В. ВАГА

ПРОБЛЕМА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
ФОРМЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ
АРХИТЕКТУРЕ ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ

ТАРТУ 1960

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
VIINIK 86 ВЫПУСК

В. ВАГА

ПРОБЛЕМА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
ФОРМЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ
АРХИТЕКТУРЕ ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ

ТАРТУ 1960

Редакционная коллегия:

А. Каск, Х. Моосберг, Л. Роотс, И. Сильвет

Отв. редактор Э. Эберберг

Введение

При изучении архитектуры Старой Ливонии XIII—XVI вв. мы очень часто встречаемся с проблемой борьбы между формами базилики и трехнефной зальной церкви. В 1928 году Х. Челлин опубликовал свое исследование о связи трехнефных зальных церквей Эстонии с архитектурой о. Готланда (см. Литературу). В этом труде Х. Челлин старается доказать, что трехнефная зальная церковь получила широкое распространение в Эстонии (и Латвии). Постулат об абсолютном преобладании типа трехнефной зальной церкви в Старой Ливонии был сформулирован О. Фреймутом, который в опубликованной в 1930 году статье пишет: «В связи с этим [т. е. с обследованием развалин тартуского собора — В. В.] удалось поставить вопрос о трехнефной зальной церкви и о базилике на более широкой основе и ... доказать, что за исключением хора Петровской церкви в Риге, базилика в чистой форме в Старой Ливонии вообще не смогла утвердиться, и лишь только в XV веке преобладавшие до этого времени зальные церкви вследствие увеличения высоты среднего нефа получили вид построек, напоминающих базилику»¹.

Безоговорочным сторонником концепций Фреймута является Н. Хольст, который пишет по поводу сооружения базиликального хора Петровской церкви в Риге: «Это было до странности запоздалое вторжение идеи базилики любекского типа в область, где до того времени неоспоримо господствовала форма трехнефной зальной церкви».² Пространственной форме зальной церкви присваивают большое распространение и значение также К. Х. Класен³ и С. Карлинг. В своем исследовании о рижском соборе последний пишет: «По сооружении рижского собо-

¹ «Sellega ühenduses õnnestus kodakirikujärgi ja basiilika küsimuse asetada laiemale alusele ja ... tõestada, et, välja arvatud Riia Peetri kiriku koor, basiilika pole Vana-Liivimaal üldse mitte puhtal kujul läbi lõõnud, vaid et alles XV sajandil seni eranditult domineerivad kodakirikud muudeti nende keskloõvide kõrgendamise teel mingiks basiilika liigiks» (Freymuth, Saavutistest, 116).

² «Es war der eigentümlich spät erfolgende Einbruch des Basilikagedankens lübischer Prägung in ein Gebiet, das bis dahin unbestritten Domäne der Hallenbauform gewesen war» (Holst, 41).

³ Clasen, 433.

ра трехнефная зальная церковь доминирует в церковной архитектуре Прибалтики приблизительно до 1400 года».⁴

С изложенной выше концепцией автор настоящей статьи не согласен. Нам кажется, что все упомянутые выше исследователи сильно переоценили распространение и значение трехнефной зальной церкви в истории развития средневековой архитектуры Латвии и Эстонии.

Церковная архитектура Латвии

С проблемой базилики и трехнефной зальной церкви мы сталкиваемся уже при истории сооружения первой и самой крупной монументальной церковной постройки Старой Ливонии — рижского собора. Утверждение О. Фреймута о том, что рижский собор уже с самого начала был запланирован в виде трехнефной зальной церкви, совершенно ошибочно и опровергнуто другими исследователями, убедительно доказавшими, что строительство собора было начато по базиликальной схеме.⁵ Однако выстроить в форме базилики его не успели, в ходе строительных работ в третьей четверти XIII века отказавшись от мысли построить базилику. Собор был закончен в виде трехнефной зальной церкви. Средний неф подвергся однако впоследствии вторичной перестройке, и лишь в результате этого рижский собор получил вид базилики, который он сохранил поныне. В нижеследующем мы попытаемся проанализировать вопрос о времени этой вторичной перестройки.

Последним трудом о рижском соборе является опубликованное в 1941 году исследование видного шведского искусствоведа, специалиста по вопросам искусства Старой Ливонии С. Карлинга (см. Литературу). В своем труде шведский учёный дает основательный и убедительный анализ отдельных этапов в истории раннего строительства этого наиболее замечательного памятника средневековой архитектуры Латвии и Эстонии. Он показывает, что сооружение рижского собора имело большое значение в истории зодчества Латвии и Эстонии, в частности в строительстве церквей на о. Сааремаа и в западной Эстонии. Карлинг в своем труде ограничивается историей строительства собора в XIII веке. Что касается последующих этапов строительства, то он упоминает еще о сооружении северного притвора в начале XIV века и лишь вскользь указывает на то, что в XV веке собору путем увеличения высоты среднего нефа снова был дан вид базилики.⁶ Карлинг стоит, следовательно, на той же точке

⁴ «Efter Riga dominerar hallen Baltikums kyrkobyggnadskonst ända till omkring 1400» (Karling, Domkyrka, 49).

⁵ Schrader 428.

⁶ Karling, Domkyrka, 49

зрения как В. Нейман⁷, Н. Хольст⁸ и Х. Шраде⁹. Это мнение не разделяет К. Х. Класен, утверждающий, что работы по перестройке собора в виде базилики происходили уже в XIV веке.¹⁰ К сожалению К. Х. Класен не дает ни более детального обоснования своего утверждения, ни точной датировки. Нам кажется, что Класен прав, и мы постараемся уточнить время перестройки собора.

В наружной архитектуре рижского собора бросается в глаза одна особенность: проемы верхних окон среднего нефа здесь круглые; эти круглые окна чередуются с декоративными нишами стрельчатой формы.¹¹ Круглые верхние окна встречаются иногда в романских базиликах Франции и Германии и очень редко в раннеготической архитектуре; в более поздней средневековой архитектуре мы видим их лишь как случайные исключения в небольших провинциальных церковных постройках. В откосе оконного проема имеется валик; такой же профиль имеют откосы оконных проемов внутри собора. Подобные валики в откосе оконного проема характерны для архитектуры романского периода; они встречаются и в раннеготическом периоде. Таким образом мы можем предположить, что эти круглые окна рижский собор получил около 1300 года. Точно такой же валик имеется в северном окне капеллы, пристроенной к северной стороне башни¹², равно как и в южном окне южной капеллы.¹³ Х. Челлин предполагает, что эта часть собора сооружена не раньше 1265—70 гг.,¹⁴ Карлинг датирует ее концом XIII века.¹⁵

Чередующиеся с окнами декоративные ниши состоят из двух стрельчатых частей с круглой впадиной над ними. Это типичная композиция раннеготического окна, бытовавшая в Германии приблизительно до 1300 года.¹⁶ Колонка, разделяющая нишу на две части, имеет капитель. Такая капитель является деталью, характерной для раннеготического окна; впоследствии такие капители исчезают.¹⁷

Обследование и анализ деталей интерьера подтверждают эту датировку. По Карлингу собор был полностью перекрыт сводами не позднее как к 1273 году.¹⁸ Профили нервюр, которые мы видим на сводах сооруженных в третьей четверти XIII века

⁷ Neumann, Dom, 24.

⁸ Holst, 37.

⁹ Schrader, 37.

¹⁰ Clasen, 458.

¹¹ Guleke, F. I, T. IV, c.; Holst, 36; Neumann, Dom, Abb. 65.

¹² Guleke, F. I, T. IV, b; Neumann, Dom, Abb. 65.

¹³ Neumann, Dom, Abb. 62.

¹⁴ Kjellin, 190.

¹⁵ Karling, Domkyrka, 49.

¹⁶ Гартман, I, 213; Ungewitter, II, 526.

¹⁷ Genewein, 66; Ungewitter, II, 525.

¹⁸ Karling, Domkyrka, 48.

боковых нефов, очень разнообразны. Это типичные романские и раннеготические нервюры: валики заостренного профиля, два валика с валиком заостренного профиля между ними, прямоугольная тяга, тяга с выкружкой на углах. Такие же нервюры в виде сравнительно плоских тяг с выкружкой на углах имеются и на сводах среднего нефа. Это убедительно доказывает, что промежуток времени между сооружением сводов боковых и среднего нефа не мог быть продолжительным.

Можно указать еще и на скульптурные украшения на капителях пристенных столбов; эти украшения — растительные мотивы — имеют ясно выраженный раннеготический характер. Их можно тоже датировать приблизительно 1300 годом.

Судя по обмерам Неймана, система конструкции сводов среднего нефа идентична системе конструкции сводов боковых нефов.¹⁹ Надо сказать, что своды среднего нефа имеют сверху такой же облик, как и своды боковых нефов. Кладка сводов боковых нефов концентрическая. Установить же систему кладки сводов среднего нефа невозможно, поскольку они полностью замазаны известью.

Мы видим таким образом, что рижский собор мог существовать в виде трехнефной зальной церкви лишь очень короткое время — может быть только несколько десятилетий. Совершенно очевидно, что в течение такого короткого времени он не мог служить образцом зальной церкви и способствовать распространению такого типа сооружений в Ливонии. Открытым должен пока остаться вопрос о том, почему рижский собор по истечении небольшого срока после окончания его постройки был перестроен.

Три нижних яруса башни и примыкающие к башне с севера и юга капеллы были построены в то же самое время, когда нефы были перекрыты сводами, т. е. до 1273 года. При перестройке собора в виде базилики около 1300 года была увеличена и высота башни — лишь только тогда были сооружены четвертый и пятый ярусы башни. На это ясно указывает то обстоятельство, что начиная с четвертого яруса объем башни немного уменьшается. Важно отметить также, что кирпич четвертого и пятого ярусов по окраске светлее кирпича нижних ярусов и облик стены менее однороден: в массе светлых кирпичей попадаются отдельные темные. Сама работа верхних ярусов кажется менее доброкачественной. Об одновременном сооружении двух верхних ярусов башни и верхней стены среднего нефа свидетельствует то, что крайние декоративные ниши четвертого яруса повторяют форму ниш на наружной верхней стене среднего нефа: как здесь, так и там эти ниши состоят из двух стрельчатых частей с круглой впадиной над ними; нишу разделяет на две части колонка с капителью.

¹⁹ Neumann, *Dom*, Abb. 5, 6; он же, *Riga*, Taf. IV u. V.

Совершенно ясно однако, что сооружение двух верхних ярусов башни должно было произойти очень скоро после постройки нижних ярусов, так как формы ниш и деталей на всех ярусах одинаковые; мы видим в откосах проемов и ниш такие же круглые валики, как и в откосах ниш второго и третьего ярусов башни, равно как и в откосах круглых окон верхней стены среднего нефа и окон пристроенных к башне капелл.

В восточной стене третьего яруса башни имеется такая же система ниш, как и в трех других стенах того же яруса. При перестройке среднего нефа около 1300 года и постройке новой высокой крыши над нефом эти ниши были скрыты крышей. Нижняя часть их была замурована, верхняя же и сейчас видна под крышей.

По-видимому, еще в XIII веке перед северным порталом был сооружен небольшой притвор. Немного позднее к этому притвору с восточной стороны была пристроена так называемая «Капелла жениха». К этому времени относится и первая с востока капелла на южной стороне.

Из всего вышеизложенного явствует, что начатый в 1215 году постройкой рижский собор после изменений композиции плана и перестройки среднего нефа в основных частях был закончен к началу XIV века в виде монументальной базилики с пятирусной башней и с примыкающим к собору с южной стороны крестовым ходом. В XV веке его облик был немного изменен пристройкой двух капелл с южной стороны (рядом с упомянутой выше капеллой) и двух капелл с северной стороны.

Рижский собор, как на это указывал ряд ученых (Х. Челлин, К. Х. Класен, С. Карлинг и др.), служил прообразом и образцом при сооружении других церквей XIII века. Мастера, работавшие или учившиеся при сооружении рижского собора и при его украшении скульптурами, впоследствии привлекались к работам по постройке церковных зданий как в Риге, так и в других местах Старой Ливонии. Таким образом мы имеем право говорить о рижской архитектурной школе XIII века, к которой можно отнести ряд построек в Риге и в северной Латвии, а также в западной и южной Эстонии.

Замечательным памятником школы рижского собора была несомненно рижская Петровская церковь в ее первоначальном виде. На связь с архитектурой собора ясно указывают шесть западных столбов, которые в сечении имеют такую же крестообразную форму, как и столбы собора.²⁰ Совершенно правы П. Кампе²¹ и К. Х. Класен,²² когда они утверждают, что эти столбы принадлежат церкви XIII века, которая позднее была перестроена. Однако никак нельзя согласиться с мнением того

²⁰ Arends, Zeichn. 2; Kiše — Plauciņš, 45. att; Neumann. Ri-ga, Taf. XIII.

²¹ Кампе, 74.

²² Clasen, 462.

же П. Кампе и некоторых других исследователей, считающих эту церковь XIII века трехнефной зальной церковью. Можно решительно утверждать, что это была базилика. Над профилями столбов среднего нефа поднимаются лопатки уступчатого профиля; высота лопаток пять метров.²³ Эти лопатки по существу являются продолжением соответствующих частей столба. Совершенно очевидно, что эти лопатки относятся к XIII веку. Подобный прием мы видим и в других композиционно связанных с рижским собором постройках — в рижской Яковлевской, в цесиской Иоанновской и в пярнуской Николаевской церквях, которые все, как будет изложено ниже, были базиликами.

Петровская церковь была впоследствии совершенно перестроена. Мы не будем здесь анализировать всю историю перестройки, а коснемся лишь вопроса о времени сооружения хора. По мнению всех исследователей хор Петровской церкви был сооружен в 1408—1409 гг. ростокским мастером И. Румешоттелем. С этим утверждением трудно согласиться — вряд ли хор был целиком построен в это время. Можно предположить, что работы по сооружению нового хора начались уже в первой половине XIV века, непосредственно после постройки хора собора в Шверине, хора Мариинской церкви в Ростокке и хора церкви цистерцианского монастыря в Доберане. Однако, по неизвестным нам причинам, строительство хора не было тогда доведено до конца; построить успели, по-видимому, только нижнюю часть стен хора. Лишь много лет спустя, в 1408 году, оказалось возможным закончить работы по сооружению хора. Таким образом Румешоттель не является автором композиции плана хора.

И. Гиргензон опубликовал документы, указывающие на то, что работы при Петровской церкви длились только два года.²⁴ Трудно поверить, что сооружение такой обширной постройки, как хор Петровской церкви, могло быть закончено в такой короткий срок. Эти документальные данные недвусмысленно указывают на то, что в 1408—1409 гг. была построена только верхняя часть стен хора и его своды.

Постройкой школы рижского собора можно полностью считать небольшую Яковлевскую церковь в Риге; в качестве основного признака этой школы мы видим здесь в первую очередь столбы с крестообразным сечением, а равным образом и целый ряд других деталей.

Все исследователи стояли на той точке зрения, что рижская Яковлевская церковь была сооружена в XIII веке в виде трехнефной зальной церкви, но перестроена в XV веке по схеме базилики.²⁵ По мнению этих исследователей три верхних яруса башни тоже сооружены в XV веке.

²³ Agends, Zeichn. 4 u. 11; Guleke, F. I., T. XLV u. XLV, a.; Neumann, Riga, Taf. XVI.

²⁴ Girsensohn, 186.

²⁵ Только Класен (459) считает временем перестройки XIV век.

С такой датировкой автор настоящей статьи не согласен. Более детальное обследование и анализ архитектурной композиции и деталей показывает, что Яковлевская церковь сооружена в XIII веке по схеме базилики; сохранившиеся до наших дней верхние стены среднего нефа и его своды одновременны со стенами и сводами боковых нефов. Что касается башни, то к XV веку относятся только два верхних яруса.

На стенах боковых нефов мы видим фриз из круглых арок.²⁶ Такой же фриз когда-то украшал и верхнюю стену среднего нефа. Этот последний фриз был, по-видимому, уничтожен при ремонтах церкви. Судя по рисунку И. Х. Бротце, этого фриза не было уже в 1785 году.²⁷ Однако небольшой фрагмент фриза в восточной части южной стены был в сохранности еще в конце прошлого века. Этот фрагмент имеется на рисунке В. Неймана 1890 года, изображающем вид Яковлевской церкви с южной стороны.²⁸ На эту деталь Нейман указывает и в главе о Яковлевской церкви в той же книге.²⁹ Мы видим ее и на фотографии церкви, опубликованной в труде Гулеке.³⁰ Уже одна эта деталь указывает на то, что стены боковых нефов и верхние стены среднего нефа сооружены одновременно.

В верхней стене южной стороны расположены два стрельчатых окна, рядом с ними — стрельчатые декоративные ниши, а между теми и другими — небольшие круглые впадины.³¹ Верхняя часть оконных проемов, по-видимому, изменена при ремонтах здания, но нижняя их часть в конце прошлого века была в полной сохранности.³² В откосе окна круглый валик, характерный для романской и раннеготической архитектуры. Такой валик имеется, как мы видели, в откосах верхних окон рижского собора и его башни, такой же валик поставлен и в откосы церкви в Нью-сооруженной, как это достоверно доказано, около 1300 года (см. стр. 31). Таким образом совершенно очевидно, что верхние окна Яковлевской церкви относятся к XIII веку.

Декоративные ниши на верхней стене состоят из двух стрельчатых частей. Мы имеем здесь дело с самой ранней формой готического окна, встречающегося в Германии до 1250 года.³³

Результаты, к которым мы приходим при анализе наружной архитектуры Яковлевской церкви, полностью подтверждаются при более детальном обследовании ее интерьера. И здесь мы видим в откосах окон верхней стены такой же круглый валик, как и в откосе наружной стороны окон. Как там, так и в интерь-

²⁶ Guleke, F. I, T. L, b.; Neumann, Riga, Taf. X.

²⁷ Schröder, Abb. 69; Senā Riga, 47. attēls.

²⁸ Neumann, Riga, Taf. X.

²⁹ Там же, стр. 25.

³⁰ Guleke, F. I, T. L, a.

³¹ Neumann, Riga, Taf. X.

³² Guleke, F. I, T. L. b.

³³ Гартман, рис. 226

ере верхняя часть окон изменена во время ремонтов и поэтому валик в верхней части окон не сохранился.³⁴ Из многочисленных западно-европейских построек, где встречается этот мотив, можно указать на Мариинскую церковь в Рёбеле (Мекленбург), построенную в первой половине XIII века.³⁵

Подпружные арки и нервюры сводов среднего нефа Яковлевской церкви представляют собой прямоугольную тягу с выкружкой на углах. Точно такой же профиль имеют и подпружные арки боковых нефов. Что касается их нервюры, то часть их имеет такой же профиль, некоторые же представляют собой прямоугольную тягу со скошенными углами (т. е. имеют пятисторонний профиль). Мы видим таким образом, что все детали сводов как в среднем, так и в боковых нефях совершенно идентичны и, следовательно, относятся к одному и тому же времени.

Нет никакого сомнения в том, что продольная часть сооружена целиком по одному плану, в течение одного строительного периода в XIII веке. Точно такие же профили мы видим в среднем и боковых нефях рижского собора, относящихся, как мы показали выше, тоже к XIII веку, а также в Иоанновской церкви в Цесисе, о которой будет речь впереди.

Существенно указать также на композицию церкви и на пропорции продольной части.³⁶ Они ясно свидетельствуют о том, что Яковлевская церковь никогда не могла быть зальной церковью. Нам неизвестна ни одна зальная церковь с такими пропорциями.

Судя по обмерам Неймана система конструкции сводов среднего нефа идентична системе конструкции сводов боковых нефов.³⁷

На втором ярусе башни Яковлевской церкви мы видим фриз, состоящий из пересекающихся круглых арочек.³⁸ Фриз этого очень распространенного в романской архитектуре рисунка украшает также трансепт рижского собора.³⁹ Подобная деталь абсолютно немыслима ни в XV, ни в XIV веке: в Германии и Дании она исчезает уже после середины XIII века.⁴⁰ Третий ярус башни украшен фризом из пересекающихся стрельчатых арочек. Такой фриз имеют ворота в Альтентрептове и церковь в Гартце — постройки XV века.⁴¹ В XV веке сооружены, следовательно, только два верхних яруса рижской церкви.

В качестве интересной особенности нужно указать на невысокую полукруглую лестничную башню, пристроенную к запад-

³⁴ Guleke, F. I. T. LI, a.

³⁵ Schlie, V, 479.

³⁶ Neumann, Riga, Taf. XI, Fig. 2.

³⁷ Там же, Taf. X, Fig. 2.

³⁸ Guleke, F. I. T. L, a; Neumann, Riga, Taf. X u. XI.

³⁹ Holst; 34; Karling, Domkyrka, Fig. 4; Neumann, Dom, Abb. 7 u. 72; он же, Riga, Taf. VI.

⁴⁰ Steenberg, 164.

⁴¹ Trost, 68, Taf. XLVII.

1. Рига. Капитель угловой колонки в хоре Яковлевской церкви.

ному фасаду Яковлевской церкви.⁴² Такие же лестничные башни имелись у построенного в XIII веке западного фасада тартуского собора, о котором будет речь ниже.

В отличие от сводов нефов своды хора Яковлевской церкви не имеют нервюр. Однако, в начале, по-видимому, было намерение снабдить и их нервюрами. На это указывают круглые угловые колонки. Базы этих колонок снабжены грифами, а капители украшены растительной орнаментикой (рис. 1—4). Стиль капителей ясно указывает на время, переходное от романского стиля к готическому, и мы можем датировать их концом XIII века.

⁴² Neumann, Riga, Taf. X, Fig. 1; Schröder, Abb. 69; Sēna Rīga, 58. attēls.

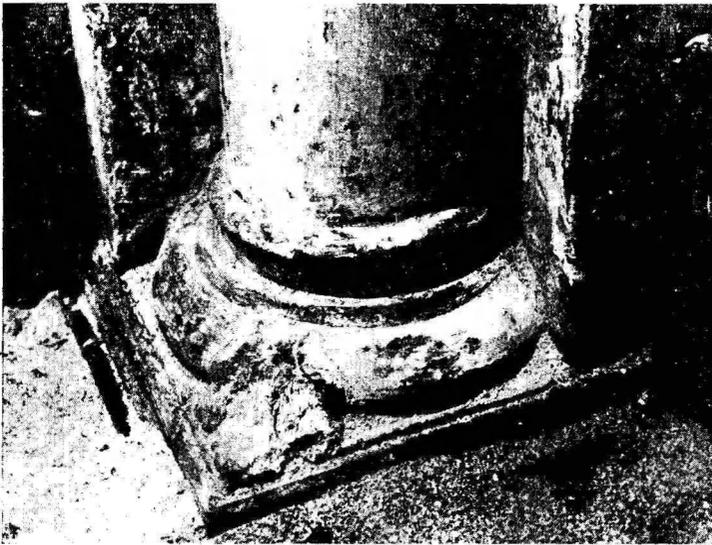
2. Рига. Капитель угловой колонки в хоре Яковлевской церкви.

Таким образом мы имеем все основания отвергнуть теорию о том, что рижская Яковлевская церковь построена в XIII веке в виде трехнефной зальной церкви, а в XV веке путем увеличения высоты среднего нефа получила облик базилики. Все три нефа и два нижних яруса башни сооружены в конце XIII века и в основных частях сохранили свою первоначальную архитектуру до наших дней.

В Риге имеется еще одна трехнефная средневековая церковь. Это церковь бывшего Мариинского женского цистерцианского монастыря, основанного в 1255 году. Церковь, значительно пострадавшая при бомбардировке 1710 года, была реставрирована и основательно перестроена в 1751—61 годах для нужд православного богослужения.

3. Рига. Капитель угловой колонки в хоре Яковлевской церкви.

4. Рига. База угловой колонки в хоре Яковлевской церкви.

С тех пор она стала называться Алексеевской церковью.⁴³ От первоначальной постройки сохранились, по-видимому, лишь стены и квадратные в сечении столбы, да и это все до известной степени получило изменения.⁴⁴ Возможно, что к средним векам относятся и полукруглая лестничная башня. Что касается квадратной башни и хора, то эти части появились в XVIII веке. Никаких документальных данных о постройке церкви не имеется, а сохранившиеся части, к сожалению, тоже не дают надежных оснований для датировки. Ввиду всего этого вопрос о первоначальной пространственной форме церкви Мариинского монастыря должен пока остаться открытым.

* * *

По данным документа 1283 года архиепископ рижский Иоганн I фон Луне и магистр Ливонского ордена Виллекин фон Эндорп основали церкви в Цесисе, Валмиере, Буртниеки и Трикате, пожертвовав деньги на их сооружение.⁴⁵ Совершенно неоспоримо, что эта начатая постройкой в 1283 году Иоанновская церковь в Цесисе в своих основных частях сохранилась до наших дней; на это определенно указывает близость ее архитектуры к рижским постройкам XIII века. По-видимому, около 1400 г. в цесисской церкви происходили какие-то работы; во всяком случае к этому времени относится нынешний (внутренний) западный портал, украшенный типичными для начала XV века плоскостными рельефами.⁴⁶ Однако эти строительные работы не изменили ни продольной части, ни северной капеллы (или притвора): столбы и своды этих частей церкви относятся к концу XIII века. Совершенно ошибочно утверждение о том, что цесисская церковь, сооруженная в XIII веке в виде трехнефной зальной церкви, получила облик базилики в результате перестройки среднего нефа в XV веке. На самом деле цесисская церковь была уже в XIII веке построена базиликой с характерными для рижской школы этого времени крестообразными в сечении столбами (рис. 5).⁴⁷

Подпружные арки в среднем нефе такие же, как и в боковых нефях, — это плоские тяги с выкружкой на углах. Точно такие же подпружные арки имеются в рижском соборе и в рижской Яковлевской церкви — постройках XIII века. Нервюры сводов среднего нефа идентичны подпружным аркам среднего нефа — это тоже плоские тяги с выкружкой на углах. Нервюры сводов боковых нефов — немного заостренные валики такого же типа, как нервюры второй (с востока) траверс северного нефа риж-

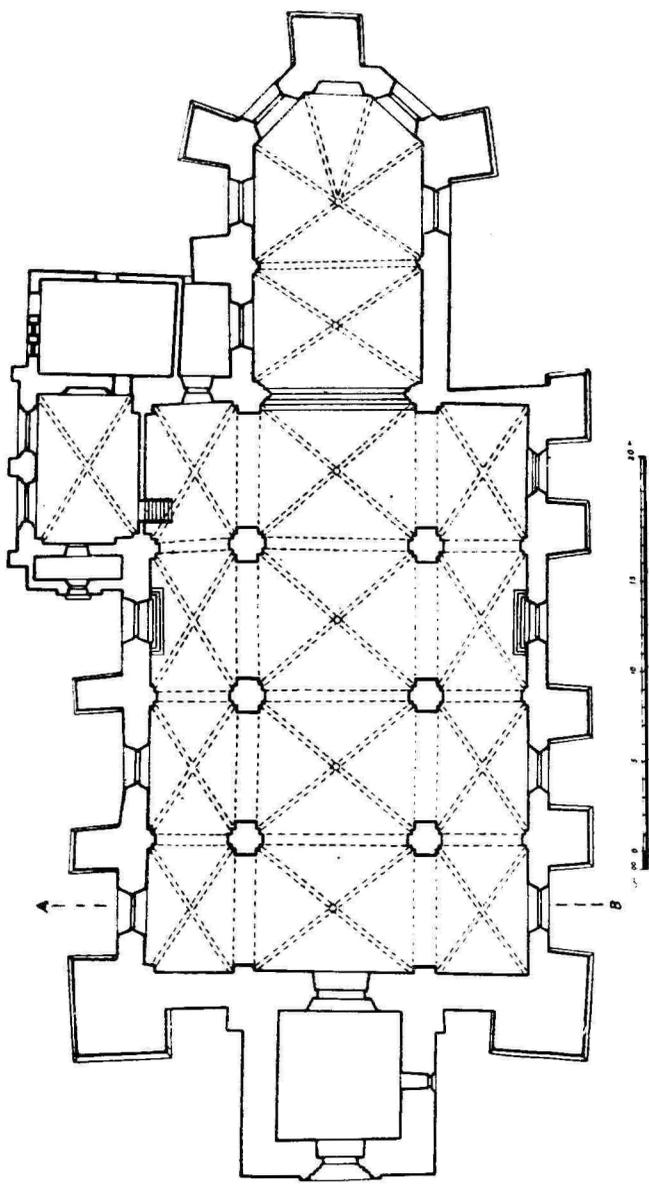
⁴³ Neumann, Riga 31.

⁴⁴ Там же, Fig. 36.

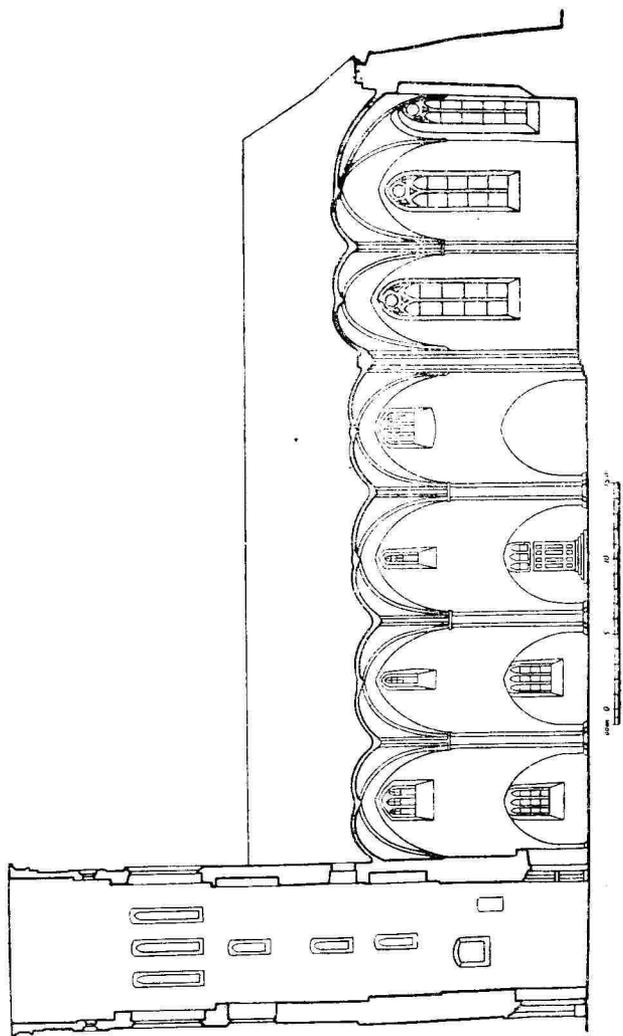
⁴⁵ *Scriptores rerum Prussicarum* II, 50.

⁴⁶ Tuulse, *Steinskulptur*, 39.

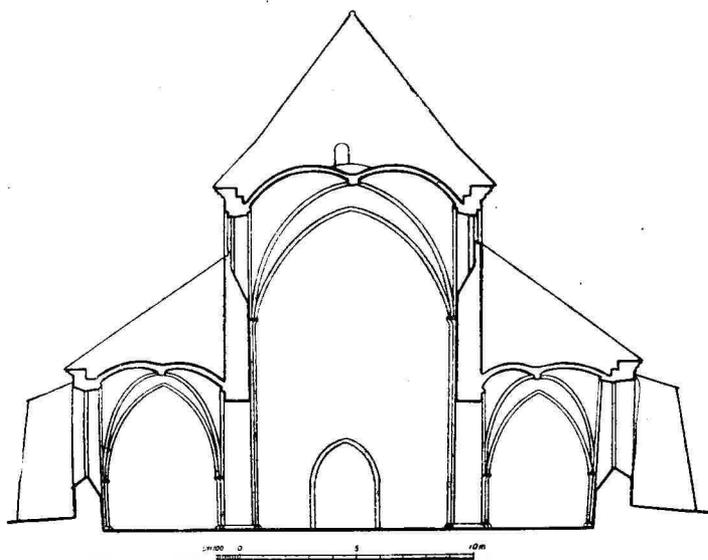
⁴⁷ По Класену (472) цесисская церковь была построена по схеме базилики; однако временем сооружения церкви он считает XIV век.

5. Цесис. План Иоанновской церкви.

6. Цесис. Продольный разрез Иоанновской церкви (обмер А. и Л. Плауциня,
Е. Шмита и В. Закиса).

7. Цесис. Поперечный разрез Иоанновской церкви.

ского собора. Что касается нервюр сводов северной капеллы, то здесь мы видим нервюры в виде тяги со скошенными углами (пятисторонние нервюры). Архитектура рижского собора служила образцом при сооружении в конце XIII века капеллы епископского замка в Хаапсалу.⁴⁸ Там тоже имеются как нервюры с профилем заострённого валика, так и нервюры в виде тяги со скошенными углами.

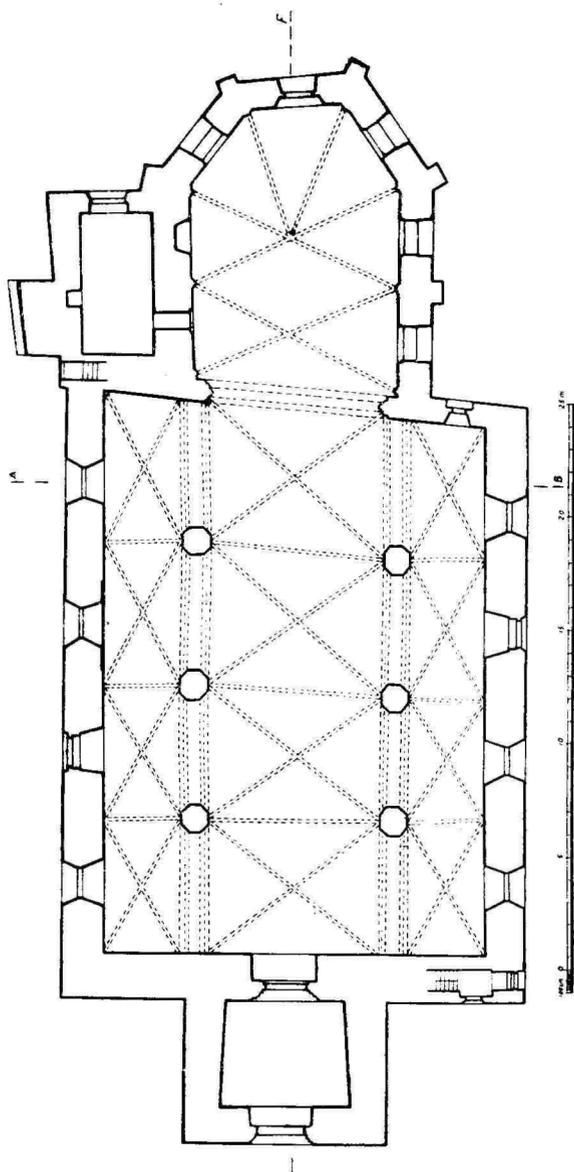
Нужно обратить еще внимание на то, что во всех щитовых арках как среднего, так и боковых нефов мы видим такие же валики, как и в щитовых арках нефов рижского собора.

Что цесиская церковь никогда не могла быть трехнефной зальной церковью, на это указывают незначительная высота аркад — 5,8 м (рис. 6), а также пропорции церкви — соотношение высоты и ширины нефов (рис. 7).

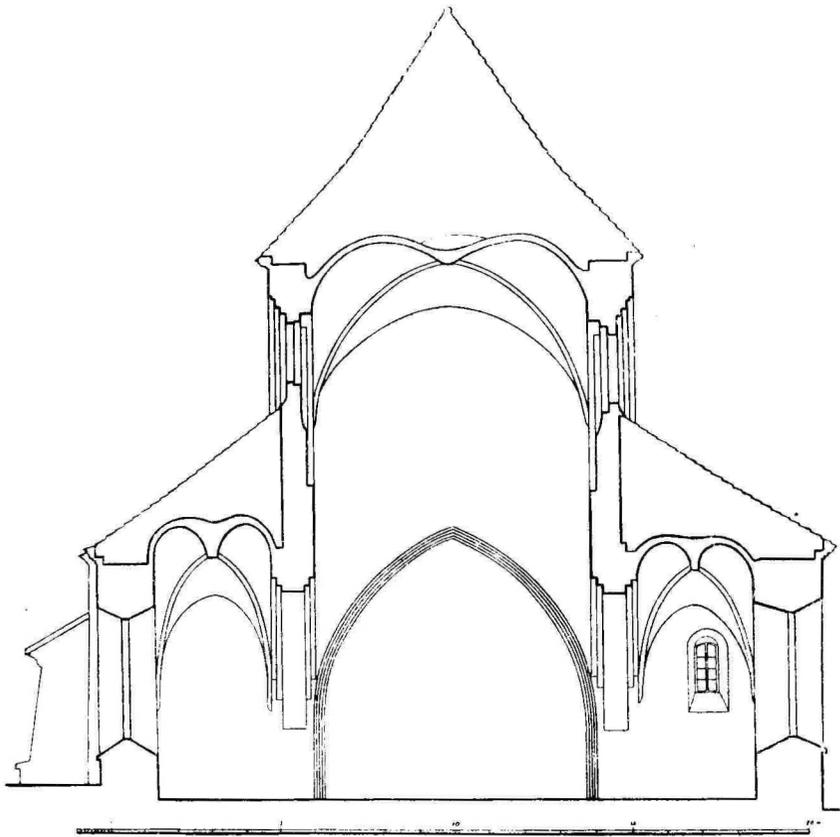
Из всего этого следует, что цесиская церковь была сооружена в конце XIII века базиликой и сохранила до нашего времени свои первоначальные своды во всех нефках.

Основанная архиепископом Иоганнесом I фон Луне и магистром Ливонского ордена Виллекином фон Эндорпом Симеоновская церковь в Валмиере имеет общую внутреннюю ширину в 17 м; ширина среднего нефа 7,8 м, боковых нефов 3,3 м (рис. 8—10). К. Х. Класен утверждает, что церковь в Валмиере была вначале трехнефной зальной церковью, и лишь

⁴⁸ Karling, Domkyrka, 27.

8. Валнера. План Симеоновской церкви (обмер А. Биркхана, А. Плауцня и Е. Шмита).

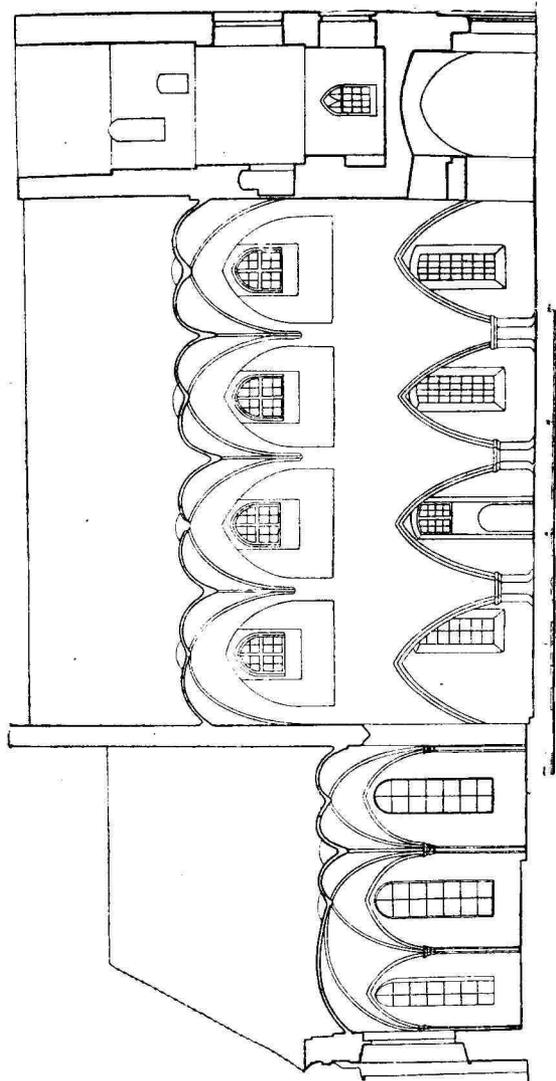

9. Валмиера. Поперечный разрез Симеоновской церкви (обмер Р. Лэгздия, А. Чуйбе и Э. Тедерса).

впоследствии была перестроена в виде базилики. Образцом при перестройке по Класену служила церковь в Цесисе.⁴⁹ С мнением Класена трудно согласиться. Нам кажется, что основанная в 1283 году в Валмиере церковь была сооружена в виде базилики и что продольная часть ее сохранила свой первоначальный облик в основном до нашего времени. На это определенно указывают нервюры сводов, имеющие в среднем нефе такой же профиль в виде валиков, как и в боковых нефвах. Композицию базилики подтверждает и соотношение ширины среднего нефа к ширине боковых, на это указывает и очень незначительная высота аркад (6 м) и боковых нефов (7 м).

Отнести церковь в Валмиере к школе рижского собора трудно. Здесь нет тех элементов, которые типичны для этой школы.

⁴⁹ Clasen, 472.

10. Валмиера. Продольный разрез Симеоновской церкви (обмер Р. Легздина, А. Чубис и Э. Телериса).

В первую очередь нужно указать на устои сводов — очень массивные и низкие восьмигранные столбы, которые являются абсолютным исключением в архитектуре Латвии и Эстонии того времени.

Третья упомянутая в документе 1283 года церковь в Буртниеки тоже, несомненно, относится к этому времени. Это трехнефная постройка с тремя парами четырехгранных столбов, продолговатых по оси с запада на восток (1,91 м × 1,36 м). Ширина среднего нефа 6,5 м, боковых 4 м. Боковые нефы, не сохранившие сводов, имеют деревянное перекрытие. Что касается среднего нефа, то он перекрыт сводом. Однако этот свод не первоначальный; такие своды строились в XVI и XVII вв. Незначительная высота аркад (6 м) указывает на то, что церковь была сооружена в конце XIII века в системе базилики.

Что касается четвертой основанной магистром ордена и архиеписком в 1283 году церкви в Трикате, то она неоднократно перестраивалась и полностью потеряла свой первоначальный облик.

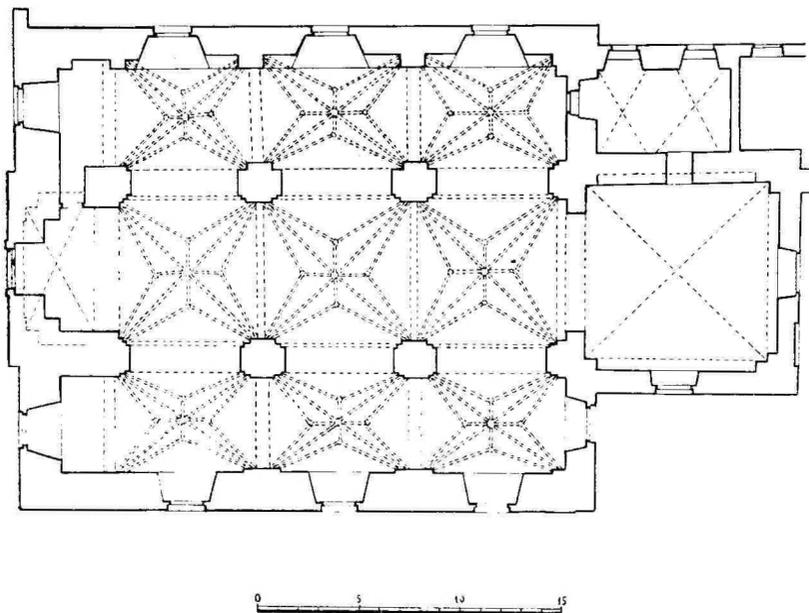
По своей внутренней архитектуре (системе аркад и столбов) к церкви в Буртниеки очень близка церковь в Руене. Она утратила свои своды и имеет плоские перекрытия. Средний неф освещен окнами в верхней стене. Близость ее к архитектуре церкви в Буртниеки указывает на то, что обе церкви сооружены одновременно и, по-видимому, одним и тем же мастером. Церковь в Руене тоже, несомненно, была построена в виде базилики.

Говоря о значении рижского собора, нужно упомянуть еще перестроенную в XIII веке церковь в Икшкиле, формы которой указывают на связь с Ригой.

Значение латвийских (рижских) построек в развитии архитектуры Эстонии

Значение рижского собора как прообраза и рассадника искусства было на территории современной Эстонии не менее велико, чем на территории Латвии. Влияние рижского собора не ограничилось только западной частью Эстонии — на несомненную связь с рижскими постройками XIII века указывает ряд церквей в южной и даже центральной части Эстонии.

Из построек южной Эстонии к школе рижского собора можно отнести Николаевскую церковь в Пярну. Несмотря на то, что эта церковь впоследствии была значительно искажена перестройками, ее первоначальный облик можно в общих чертах реконструировать. Николаевская церковь сильно пострадала во время Великой Отечественной войны и ее развалины были снесены в 1953 году. К сожалению, перед сносом не было сделано ни обследований, ни более детальных обмеров, ни даже снимков. Теперь представление об архитектуре этой церкви

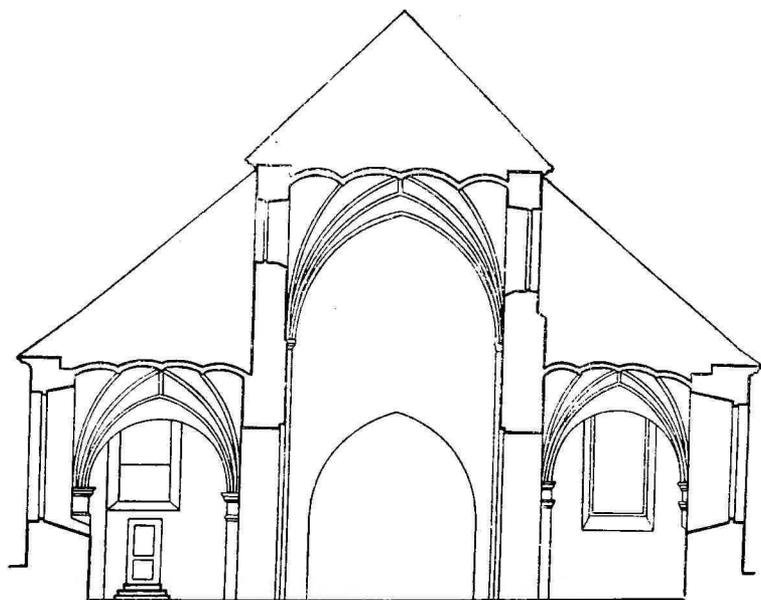

11. Пярну. План Николаевской церкви (обмер Э. Кюпергал).

можно получить лишь на основании немногочисленных поверхностных обмеров и случайных фотографических снимков.

По плану Николаевская церковь в Пярну приближается к квадрату; длина продольной части 25 м, ширина 20 м. Она имела вид трехнефной базилики, средний неф которой имел ширину 7 м, а боковые 5 м (рис. 11 и 12). Траверси среднего нефа были квадратные, траверси боковых нефов — продолговатые в направлении с запада на восток. Особенностью Николаевской церкви было то, что боковые нефы имели с западной стороны неглубокую пристройку (2,8 м), одинаковой ширины с другими траверсиями. Между средним нефом и башней не было стены, так что пространство под башней и средний неф образовали одно целое. Укажем на то, что аналогичный прием композиции интерьера встречается в церкви Олевисте и церкви Нигулисте в Таллине. Эта (первоначальная) башня опиралась на западную стену и на пристроенные к западной стене интерьера массивные столбы. План башни был удлиненным по оси с юга на север. Эта старая башня горела и перестраивалась неоднократно, в последний раз в 1886—1887 гг.⁵⁰ Верхние ярусы последней башни были квадратные.

⁵⁰ Gemeinden, II. Bd., III. 292; Laakmann, 128.

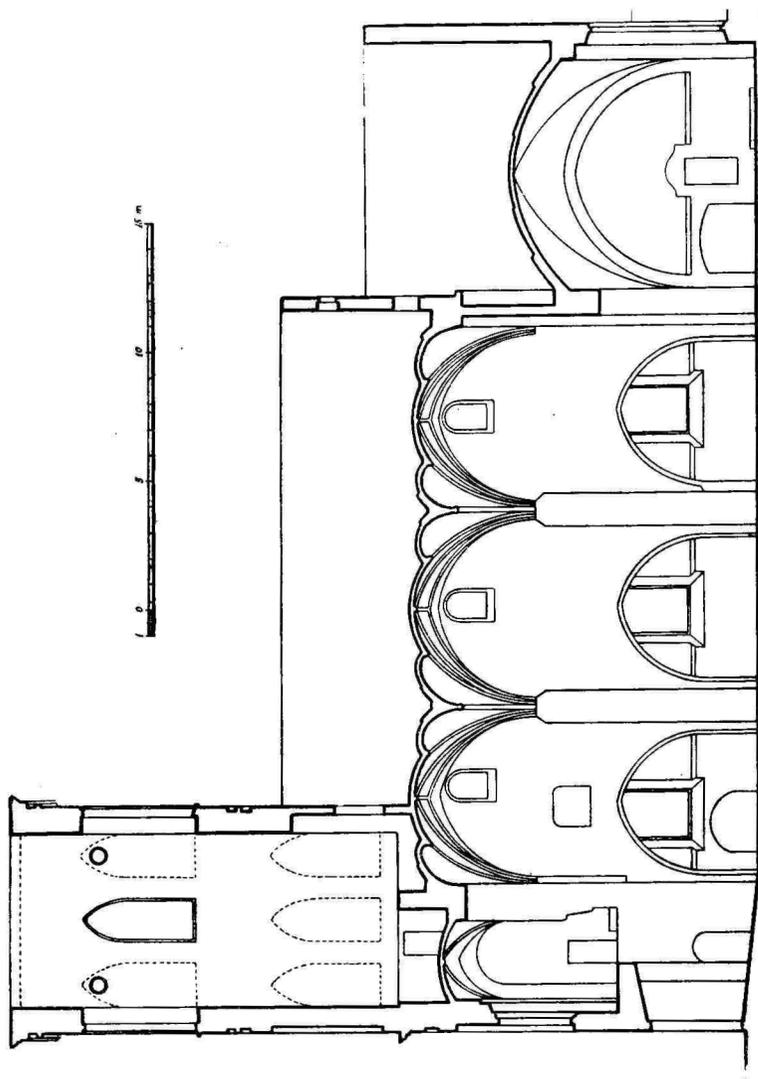
12. Пярну. Поперечный разрез Николаевской церкви (обмер Э. Кюнрета).

Средний неф Николаевской церкви был перекрыт звездчатыми сводами. Такие же своды имелись и в боковых сводах, за исключением узкой пристройки к западной части нефов; эти пристройки были перекрыты цилиндрическим сводом. Судя по обмерам, пространство под башней было перекрыто крестовыми сводами без нервюр. Столбы были крестообразные в сечении и очень массивные — 2,2 м на 2 м (рис. 11 и 13). Стрельчатые аркады нефа были довольно низкие — 5 м (рис. 14). В своде западной пристройки к южному нефу имелось отверстие, через которое можно было подняться в башню и на своды (рис. 15). Квадратный хор был перекрыт восьмидольными сводами без нервюр.

На основании данного здесь описания можно утверждать, что Николаевская церковь в Пярну была в первоначальном виде сооружена в системе базилики в XIII веке, с крестообразными в сечении столбами, какие мы видим и в других относящихся к рижской архитектурной школе постройках. По композиции плана и по конструкции она ближе всего к цесисской церкви, хотя по размерам несколько уступает этой последней (внут-

13. Пярну. Средний неф Николаевской церкви.

14. Пярну. Продольный разрез Николаевской церкви (обмер Э. Кюнерга).

ренная длина цесиской церкви 31,5 м, ширина 21 м). На базиликальность ее системы ясно указывают столбы — необычайно массивные и низкие, снабженные лопатками; они никак не могли принадлежать трехнефной зальной церкви. Это подтверждает (как в рижской Яковлевской и в цесиской церквах) также ширина и высота боковых нефов и их отношение к этим измерениям всего здания, а также незначительная высота аркад нефов.

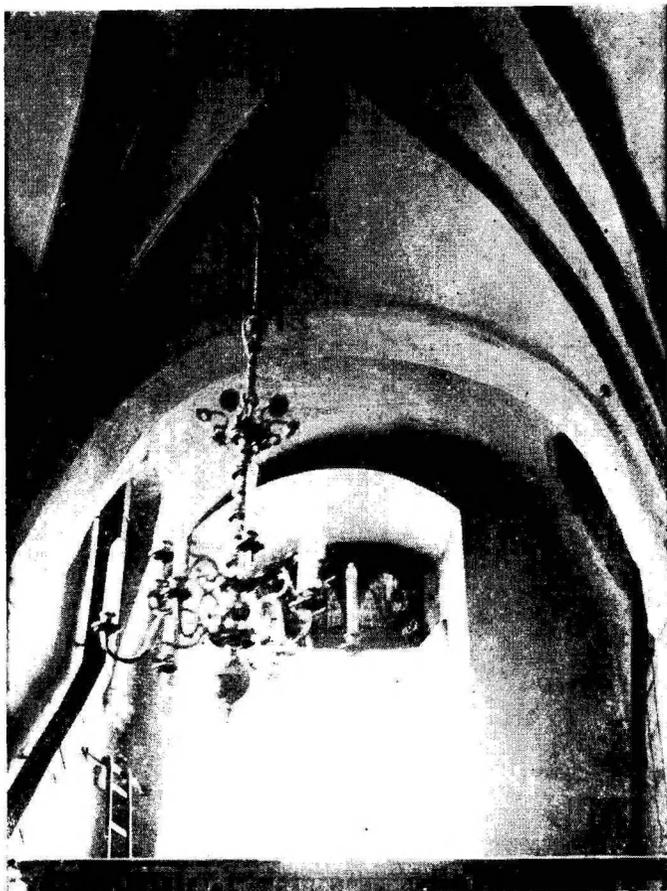
Эта сооруженная в конце XIII века церковь была перестроена в 1524—1529 гг., и ее продольная часть получила тот облик, который она сохранила до разрушения во время войны. Архивные материалы об этой перестройке опубликованы Х. Лаакманном.⁵¹ Башня, как мы уже указали выше, неоднократно перестраивалась и в дальнейшем. Перестройка рубежа 1-ой и 2-ой четверти XVI века не затронула хора, стен башни, южной стены продольной части и устоев; отчасти сохранились и лопатки стен и столбов. Продольная часть получила новые, позднеготические звездчатые своды. Ими были перекрыты все три траверсы среднего нефа и три траверсы боковых нефов. Эта перестройка была сделана довольно небрежно и бессистемно. Новые нервюры не были органически и гармонично соединены с лопатками при помощи горизонтальных членений — капителей или профилей; пята сводов поставили на лопатки, причем концы лопаток срезали, придав им трехстороннее завершение (рис. 13 и 14). В боковых нефвах очень небрежно перестроили стороны столбов; здесь лопатки также плохо связаны с подпружными арками и нервюрами. При перестройке отчасти уменьшили толщину северной стены в ее верхней части. Что касается оконных проемов, то они получили окончатый вид, быть может, еще позднее.

Мы не упомянули еще пристройки к боковым нефам. Можно утверждать, что они сохраняли свои своды XIII века. Как на это указывает А. Туулсе, пярнуская Николаевская церковь была приспособлена к обороне. В своде пристройки к южному нефу существовало, как мы указали выше, отверстие, через которое можно было в случае угрожающей опасности укрыться в помещении над сводами (рис. 15). Враги не имели возможности следовать за укрывшимися, которые поднимали за собой приставную лестницу.⁵²

Невероятно, чтобы это отверстие в сводах было устроено в XVI веке. Ведь в XVI веке город был окружен уже обводной стеной, а рядом стоял мощный орденовский замок. Такая система защиты была необходима в начале, когда город не имел еще крепостной ограды и замок еще не отличался большой мощностью. В Таллине сооружение каменной обводной стены началось около 1265 года и было закончено только к середине XIV

⁵¹ Laakmann, 129.

⁵² Tuulse, Försvarskyrkorna, 254.

15. Пярну. Свод пристройки к южному нефу Николаевской церкви.

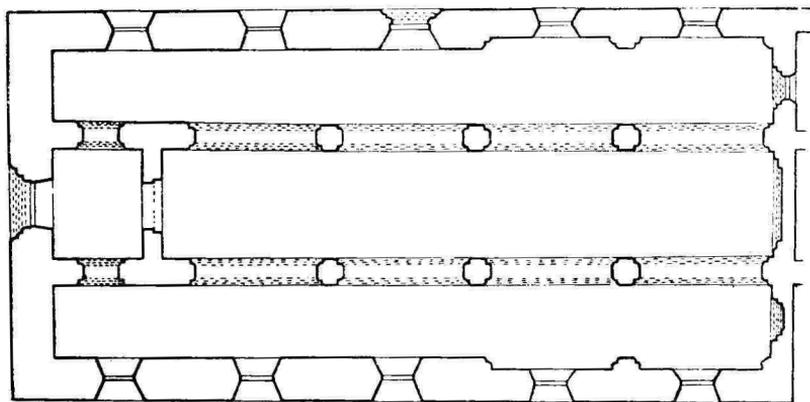
века. Трудно предположить, чтобы городская стена в Пярну была сооружена раньше. Туулсе относит сооружение городской стены к XIV веку.⁵³ Что касается орденского замка, то его упоминают уже в 1265 году,⁵⁴ однако новый замок типа конвентного здания был сооружен лишь в начале XIV века.⁵⁵ Нужно заметить также, что оборонительная система, которую мы видим в пярнуской церкви, совершенно немыслима в XVI веке.

Возникает вопрос, зачем нужно было пристроить к боковым нефам это небольшое помещение. По данным источников из-

⁵³ Tuulse, Burgen, 138

⁵⁴ LUB, I, Nr. 383.

⁵⁵ Tuulse, Burgen, 134.

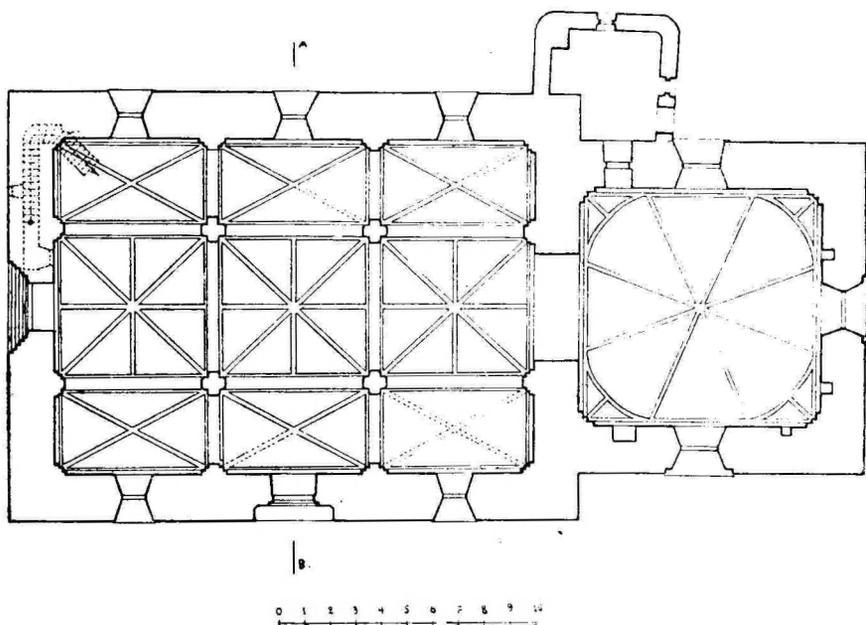
16. Урвасте. План церкви (обмер Е. Саадре).

вестно, что в пярнуской Николаевской церкви, кроме главного алтаря, было еще десять других алтарей. Однако только два из них помещались в особых капеллах. Это были пользовавшиеся особым почитанием алтарь святого креста и алтарь девы Марии.⁵⁶ Нет сомнения, что эти два помещения были капеллами, где стояли указанные особо почитаемые алтари.

Вторая церковь в южной Эстонии; которая тоже имеет какие-то общие черты с постройками школы рижского собора — это церковь в Урвасте (рис. 16). К сожалению, эта церковь неоднократно подвергалась разрушениям, реставрировалась и перестраивалась. Последняя крупная перестройка происходила в 1889 году.⁵⁷ Церковь утратила все своды и архитектурные детали, а все оконные проемы были растесаны. Первоначальная церковь была значительно короче — восточная часть, отвечающая двум последним травеям, новая; она построена в 1889 году. Стены этой новой пристройки отличаются значительно меньшей толщиной, чем стены западной части. Западная стена башни, по-видимому, средневековая. Что касается помещения под башней, то его стены, возможно, относятся ко времени перестройки. Таким образом церковь имела вначале интерьер с двумя парами столбов, и в этом виде она несомненно была построена в XIII веке. На связь с рижской школой указывают крестообразные в разрезе столбы, имеющие здесь скошенные углы. Что касается общей композиции, то она была несомненно бази-

⁵⁶ Hausmann, 162.

⁵⁷ Gemeinden, Bd., II. III, 207.

17. Нью. План церкви (обмер О. Громана).

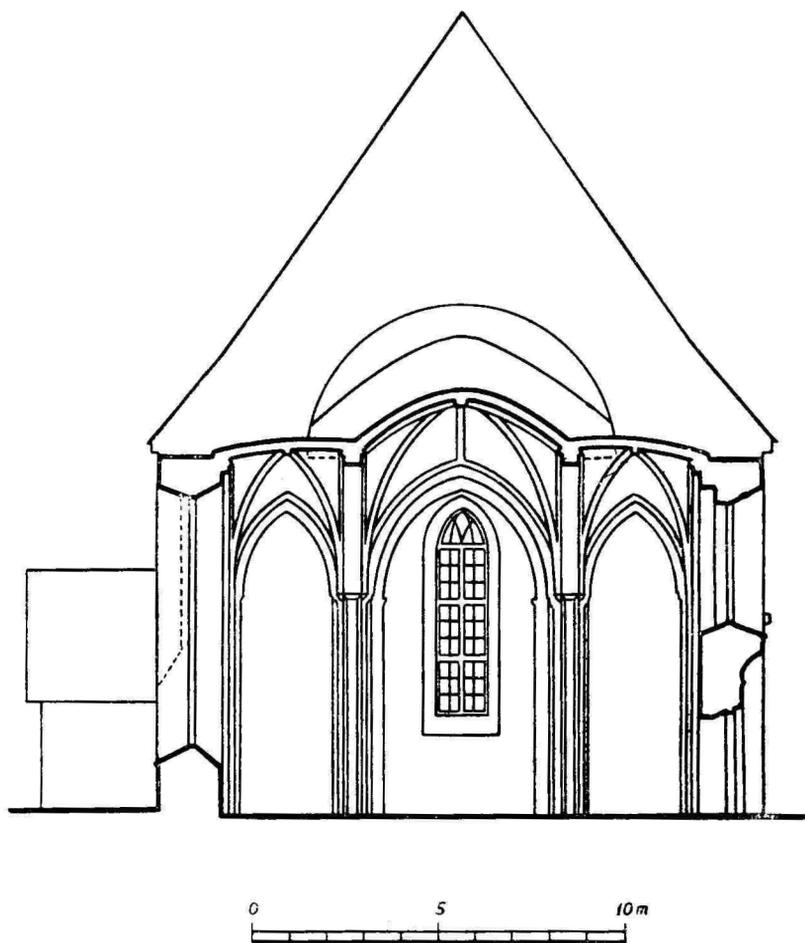
ликальной. На это ясно указывает то обстоятельство, что верхняя стена (под крышами боковых сводов) — древняя: в ней сохранились следы контрфорсов, нужных только при сооружении стен среднего нефа базилики.

Трехнефная зальная церковь в Нью, сравнительно хорошо сохранившая свою первоначальную архитектуру, имеет тоже генетическую связь с рижскими постройками, в первую очередь с собором. Своды церкви в Нью опираются на две пары крестообразных в сечении столбов и на пристенные лизены с приставленными к ним пилястрами. Столбы имеют скошенные углы на подобие столбов церкви в Урвасте (рис. 17).⁵⁸ Своды в среднем нефе куполообразные, восьмичастные, в боковых нефах крестовые (рис. 18). Своды снабжены массивными нервюрами, которые в среднем нефе имеют полукруглое, в боковых нефах почти подковообразное сечение.

Очень оригинальным является свод хора. Это тоже восьмичастный купол, однако расположение нервюр совершенно необычно: они сдвинуты в сторону от осей направления стран света.⁵⁹ Нервюры в хоре — это тяги со скошенными углами; такие же нервюры имеются в Яковлевской церкви в Риге и в Иоанновской церкви в Цесисе.

⁵⁸ Guleke, F. III, T. XX; T. XX b, 7.

⁵⁹ Там же, F. III, T. XIX.

18. Нью. Поперечный разрез церкви (обмер О. Громана).

По-видимому, только западное окно сохранило свой первоначальный облик. В откосах окна имеется круглый валик. Такие валики мы видим также в откосах западного и южного порталов.⁶⁰

О влиянии рижских построек на архитектуру церкви в Нью свидетельствуют в первую очередь крестообразные в сечении столбы. Они дают нам основу для датировки церкви приблизительно 1300 годом. Валики в откосах порталов и западного окна такие же, как и в откосах верхних окон, окон пристроек к башне и декоративных ниш башни рижского собора, а также

⁶⁰ Guleke, F. III. T. XX, a; T. XX, c., 3—6.

в откосах верхних окон Яковлевской церкви в Риге. На время около 1300 года указывают и украшающие своды нервюры со скошенными углами: такие нервюры имеются в Яковлевской церкви в Риге и в Иоанновской церкви в Цесисе.

В архитектуре церкви в Нью имеются детали, которые помогают анализировать более точно генезис стиля постройки и свидетельствуют о том, что связь с Ригой не была единственным определяющим фактором.

Края западного щипца украшены ступенчатым фризом, а на высоте приблизительно двух третей щипца узенькими вертикальными полосками стены, которые образуют подобие зубчатого фриза (рис. 19). По краям восточного щипца церкви тянется фриз из стрельчатых декоративных нишек, а шипец хора украшен тянущимся под карнизом поясом свисающих полуциркульных арок (рис. 20). Декоративные мотивы этого рода встречаются в различных немецких провинциях, но чаще всего в Мекленбурге. Как на примеры построек, где встречается этот мотив, можно указать на Николаевскую церковь в Рёбеле,⁶¹ на церковь в Марзове,⁶² на церковь в Альт-Гаартце,⁶³ на церковь в Камбсе.⁶⁴ Что касается фризов со стрельчатой или полуциркульной аркой, то они имели в то время всеобщее распространение. В этой связи все же важно отметить, что поясок свисающих полуциркульных арок встречается на фасаде построенной в 1292 году церкви Николы на Липне вблизи Новгорода.⁶⁵ Характерно однако, что схема композиции арочного пояса в церкви Николы отличается от схемы в Нью. Прибавим, что наличие такого, типичного для романского периода пояса из полуциркульных арок подтверждает данную выше датировку.

Архитектура портала в Нью тоже имеет аналогии в Мекленбурге. Можно указать на порталы Николаевской и Мариинской церкви в Рёбеле,⁶⁶ церкви в Плау,⁶⁷ в Местлине,⁶⁸ в Зийтове,⁶⁹ собора в Гюстрове⁷⁰ и др. Архитектура западного окна церкви в Нью напоминает окна Николаевской церкви в Рёбеле⁷¹ и Мариинской церкви там же.⁷²

Как ряд других церквей Эстонии, так и церковь в Нью была приспособлена к обороне. Ведущая на своды лестница в западной стене начинается на высоте 3,5 метров от пола (рис. 19).

⁶¹ Schlie, V, 493.

⁶² Там же, III, 91.

⁶³ Там же, III, 507.

⁶⁴ Там же, IV, 21.

⁶⁵ История, 47.

⁶⁶ Schlie, V, 481 и 494.

⁶⁷ Там же, IV, 587.

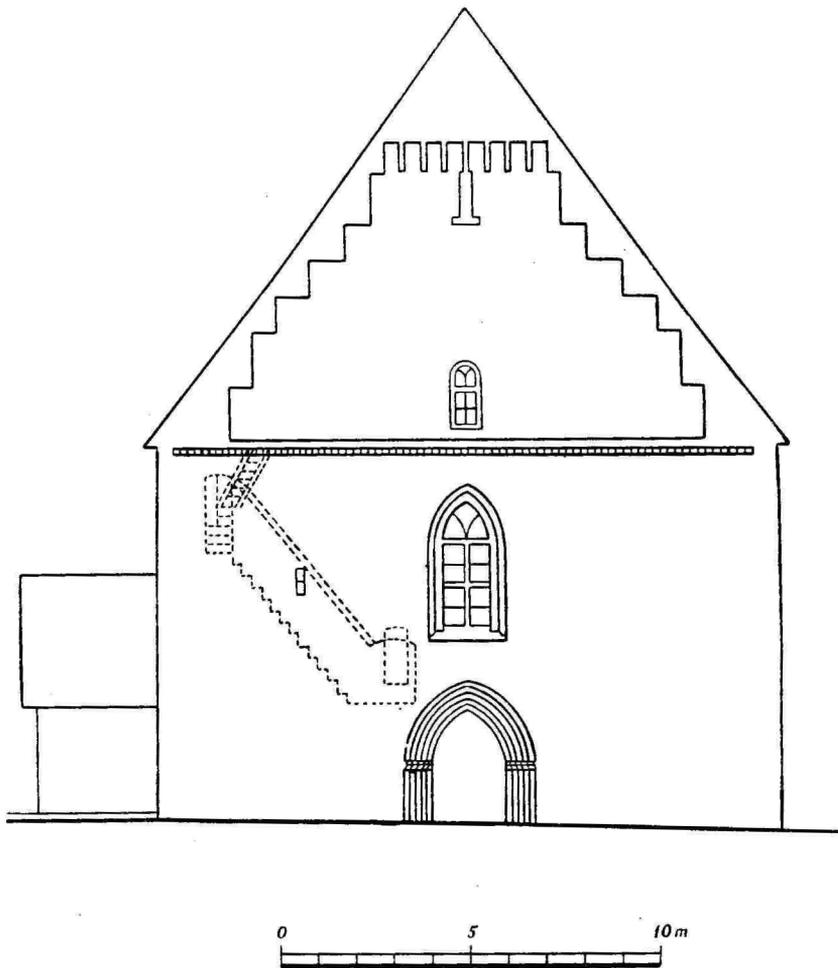
⁶⁸ Там же, IV, 373.

⁶⁹ Там же, V, 439.

⁷⁰ Там же, IV, 197 и 198.

⁷¹ Там же, V, 495 и 496; таблица между стр. 496 и 497.

⁷² Там же, V, таблица между стр. 480 и 481.

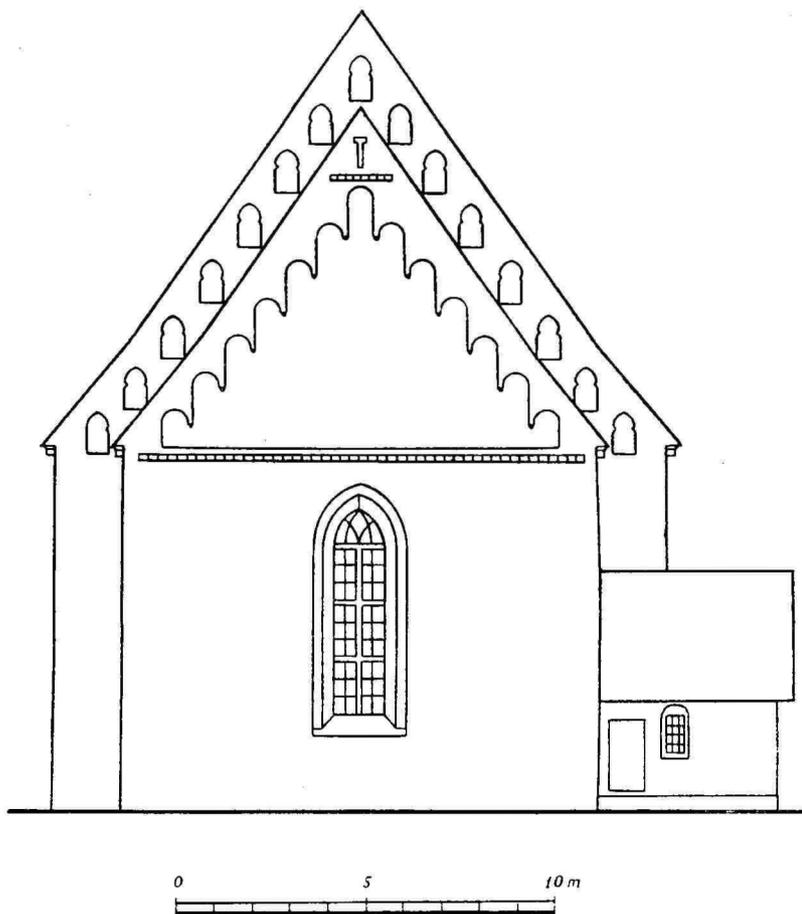
19. Нью. Западный фасад церкви (обмер О. Громана).

Окна значале были расположены на два метра выше, чем теперь;⁷³ можно предположить, что на высоте окон был устроен боевой ход. Два бесформенных кронштейна над южным порталом являются, по-видимому, остатками навесной бойницы или машикули, защищавшей вход в церковь.⁷⁴

Церковь в Нью служила, по-видимому, в какой-то мере прообразом при сооружении некоторых церквей XIV века в южной Эстонии (см. ниже).

⁷³ Первоначальные проемы окон мы видим в труде Guleke, F. III, T. XX, b., 1, 3, 4.

⁷⁴ Tuulse, Försvarskyrkorna, 233, 244, Fig. 7 и 13.

20. Нью. Восточный фасад церкви (обмер О. Громана).

Небольшая, приближающаяся в плане к квадрату церковь в Паламусе пострадала во время войн и неоднократно перестраивалась. Это была несомненно трехнефная зальная церковь. Судя по рисунку Гулке, церковь имела до перестройки две пары крестообразных в сечении столбов,⁷⁵ которые указывают на связь с Ригой.

Церковь в Ярве (бывш. Маарья-Магдалеэна) совершенно перестроена в 1885-1887 гг.⁷⁶ Представление о ней можно получить опять-таки лишь по плану Гулке. Это была трехнефная зальная церковь с тремя парами крестообразных в сечении стол-

⁷⁵ Guleke, F. III, T. V.

⁷⁶ Gemeinden, II. Bd., III, 156.

бов.⁷⁷ Церковь не имела особого хорового помещения. Церковь в Ярве имела такие же пристенные лизены с приставленными к ним пилястрами, как церковь в Нью.

Из памятников южной Эстонии на связь с рижским собором указывает еще замок в Вильянди. Найденные при раскопках замка архитектурные фрагменты и скульптурные детали имеют известную близость к деталям зала капитула и крестного хода при рижском соборе.⁷⁸

Что касается северной Эстонии,⁷⁹ то влияние рижского искусства не ограничилось лишь территорией епископства Сааре-Ляане. На связь с Ригой указывают и две церкви в центральной части Эстонии: церковь в Тюри и церковь в Ярва-Мадисе. Восточный фасад сооруженной в начале XIV века трехнефной зальной церкви в Тюри украшен декоративными нишами. Эти ниши очень близки к нишам северной пристройки к башне рижского собора.⁸⁰ В однефной церкви в Ярва-Мадисе, построенной, по-видимому, тоже в начале XIV века, как подпружные арки, так и нервюры представляют собой тягу со скошенными углами. Такой же профиль имеют, как было указано выше, нервюры в рижской Яковлевской и в цесиской церквах.

По мнению С. Карлинга при сооружении таллинского собора в 70-ых годах XIII века в схеме трехнефной зальной церкви рижский собор мог служить в качестве образца.⁸¹

В своем исследовании о церкви в Карья Х. Челлин указывает на зависимость архитектуры этой церкви от рижского собора.⁸² Однако вряд ли существует какая-нибудь генетическая связь между законченным в первоначальном виде в 1273 году рижским собором и сооруженной в 1330—40 гг. церковью в Карья.

Перечисленными выше постройками ограничивается экспансия рижской архитектуры в Эстонии.

⁷⁷ Guleke, F. III, T. IV.

⁷⁸ Tuulse, Burgen, 144.

⁷⁹ Под южной Эстонией мы подразумеваем здесь ту ее часть, где в качестве строительного материала наряду с валунами применяли кирпич; северной Эстонией мы называем в данном труде область тесаного камня (известняка). Граница известнякового грунта проходит к северу от Тарту и Вильянди, к западу от озера Выртсыярв и выходит к морю севернее Пярну, т. е. приблизительно по линии Калласте — Ярве — Кооги — Олуствере — Тамкюла — Тори — Рейу. Нужно, впрочем, прибавить, что граница известнякового грунта не совпадает точно с границей этих двух материально различных архитектурных областей: часть расположенных к югу от границы известнякового грунта церквей построены в основном из известняка. Сюда относятся церкви в Сууре-Яани, Колга-Яани и Пилиствере.

⁸⁰ Kjellin, Hallenkirchen, 31, Taf. XII; Guleke, F. I, T. IV, b.

⁸¹ Karling, Domkyrka, 49.

⁸² Kjellin, 164.

Церковные постройки Тарту и Вильянди

Какое влияние рижское зодчество оказало на архитектуру Тарту — центра тартуского епископства и главного города всей южной Эстонии — невозможно сказать, так как от архитектуры XIII века в Тарту сохранилось очень мало. Более ясную картину можно получить о строительной деятельности в Тарту в XIV веке. Именно тогда были построены Иоанновская и Мариинская церкви; в XIV веке происходили также работы по реконструкции тартуского собора.

Иоанновскую церковь в Тарту можно бесспорно считать уникальной постройкой среди средневековых памятников Эстонии и Латвии; более того — такого здания мы не встречаем во всей кирпичной готике северной Европы. Внимание заслуживает не только архитектура, но, в еще большей степени, многочисленные скульптурные работы из терракоты.

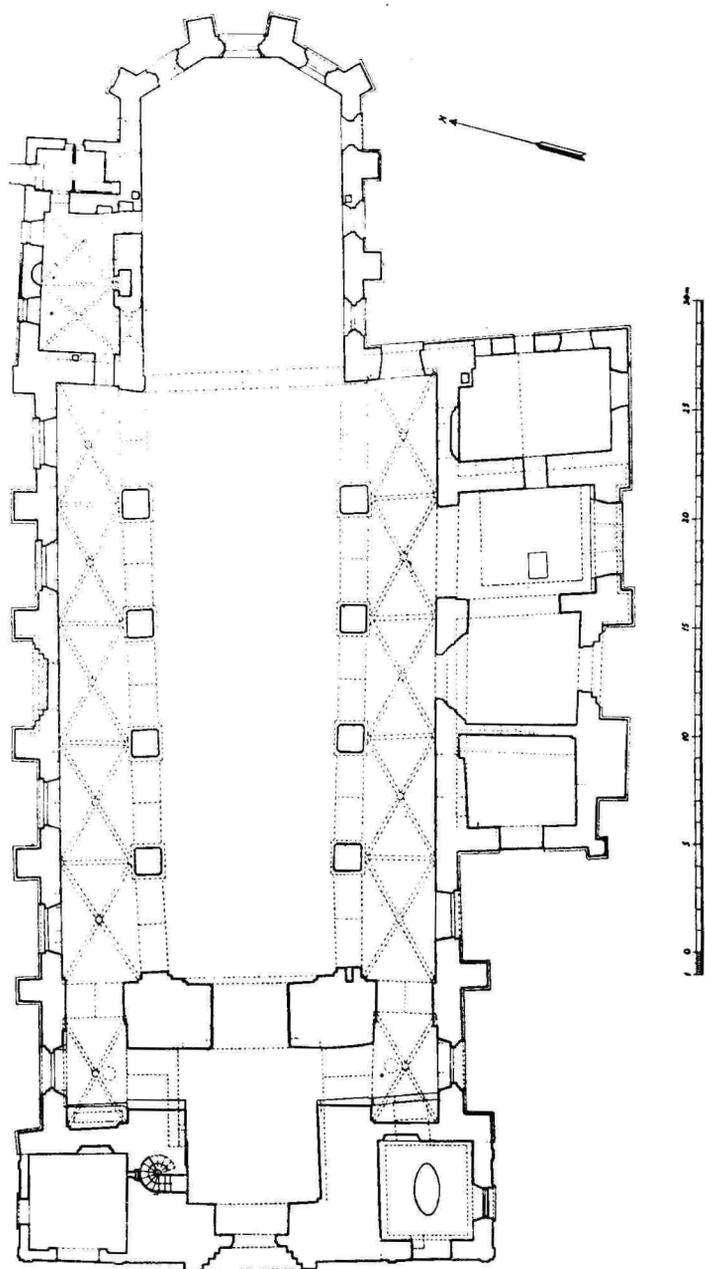
Данных о постройке церкви не имеется, и историю ее сооружения можно выяснить лишь путем изучения и анализа самого церковного здания. Обследование и изучение интерьера оказалось возможным, как мы покажем ниже, лишь после 1944 года. По-видимому, церковь не пострадала существенным образом во время реформации в 1525 г., когда в Тарту вспыхнуло волнение и церкви были разгромлены. Вряд ли и выступления иезуитов в 1590 и 1593 гг. нанесли ей большой ущерб, как предполагает И. Фрей.⁸³ Довольно значительны были разрушения во время военных действий в начале XVIII века. Церковь была восстановлена в 1719—1721 гг. В 1832—1833 гг. были произведены капитальный ремонт и реконструкция церкви; судя по выделенной на работы сумме — 20.000 рублей, — они были довольно обширны.⁸⁴ Военные разрушения нанесли церкви меньший ущерб, чем ремонты, перестройки и неумелая реставрация. В 1899—1907 гг. с наружных стен было сбита штукатурка и слой извести, и в результате этого было обнаружено много скульптурных украшений, скрытых до того времени под слоем штукатурки.⁸⁵ Что касается интерьера церкви, то он сохранял до 1944 года тот облик, который был ему дан во время ремонтов XVIII и XIX вв. В ходе этих работ были значительно переделаны пристройки, изменены проемы окон, заложен северный портал и все декоративные ниши, уничтожено много архитектурных и скульптурных деталей, все сохранившиеся же детали были заштукатурены. При ремонтах погибла также богатейшая декоративная роспись интерьера. Все поверхности интерьера были выбелены, и он получил унылый и прозаичный облик.⁸⁶ Именно благодаря этому и могло возникнуть мнение, что в интерьере Иоанновской церкви мы видим

⁸³ Frey, 10.

⁸⁴ Gemeinden, II. Bd., III, 237.

⁸⁵ Frey, 7.

⁸⁶ Guleke, F. III, T. XVII, b.

21. Тарту. План Иоанновской церкви (обмер Я. и Э. Армолик).

22. Тарту. Капитель Иоанновской церкви.

«тяжелый, строгий стиль таллинских церквей».⁸⁷ Это искажение интерьера церкви было также причиной того, что могло возникнуть ошибочное мнение и о форме ее пространства.

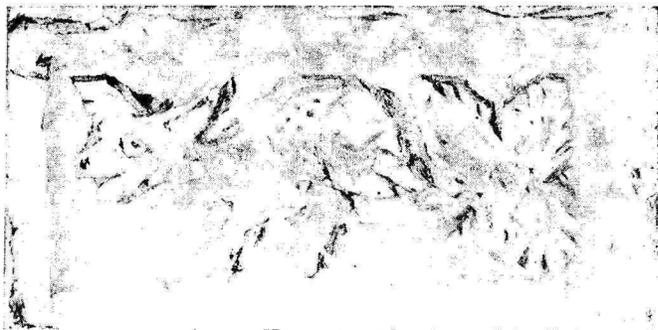
Во время бомбардировки города Тарту отступавшими фашистскими войсками 25. VIII 1944 года Иоанновская церковь сгорела. Отвалившаяся в пламени пожара штукатурка, покрывавшая стены, своды и столбы интерьера, обнажила его первоначальный облик, который оказался еще более богатым в применении архитектурных деталей и скульптурных украшений, чем наружные стены церкви. Обнаружились также фрагменты декоративной росписи интерьера.

Иоанновская церковь — трехнефная базилика с пристроенной к западному фасаду башней и с хором, имеющим ширину равную ширине среднего нефа (рис. 21). План церкви неправильный: средний неф не имеет одинаковую ширину во всем своем протяжении, а расширяется к востоку; ширина нефа у башни 8 м, у триумфальной арки 9,8 м. Соответственно этому боковые нефы суживаются в восточном направлении: ширина их в западной части (не считая узких, примыкающих к башне травей) 3,8 м, в восточной — 3 м. Вследствие этого общая ширина всей продольной части одинакова — около 18 м. Травей среднего нефа продолговатые по оси юг-север, травей боковых нефов — по оси запад-восток.

Опорные столбы, числом восемь, в сечении квадратные; стороны их равняются 1,3 м. Судя по фрагментам, в углах столбов была выкружка с введенным в нее валиком (тягой) заостренного сечения; эти валики уничтожены при ремонтах. Такие же валики имеют углы аркад среднего нефа и ниш псевдотрифория.

Капители состоят из абаки и эхина в виде четвертного вала. Капители всех столбов украшены скульптурными изображениями и орнаментом; встречаются растительные мотивы, очень часто лилия и роза, пальмовая ветка, а также фантастические звери, маски и др. (рис. 22 и 23). На стороне столба, обращенной к среднему нефу, была, по-видимому, небольшая колонна или тяга, которая начиналась приблизительно на высоте двух метров.

⁸⁷ «Den schweren, strengen Stil der Revaler Kirchen» (Clasen, 463).

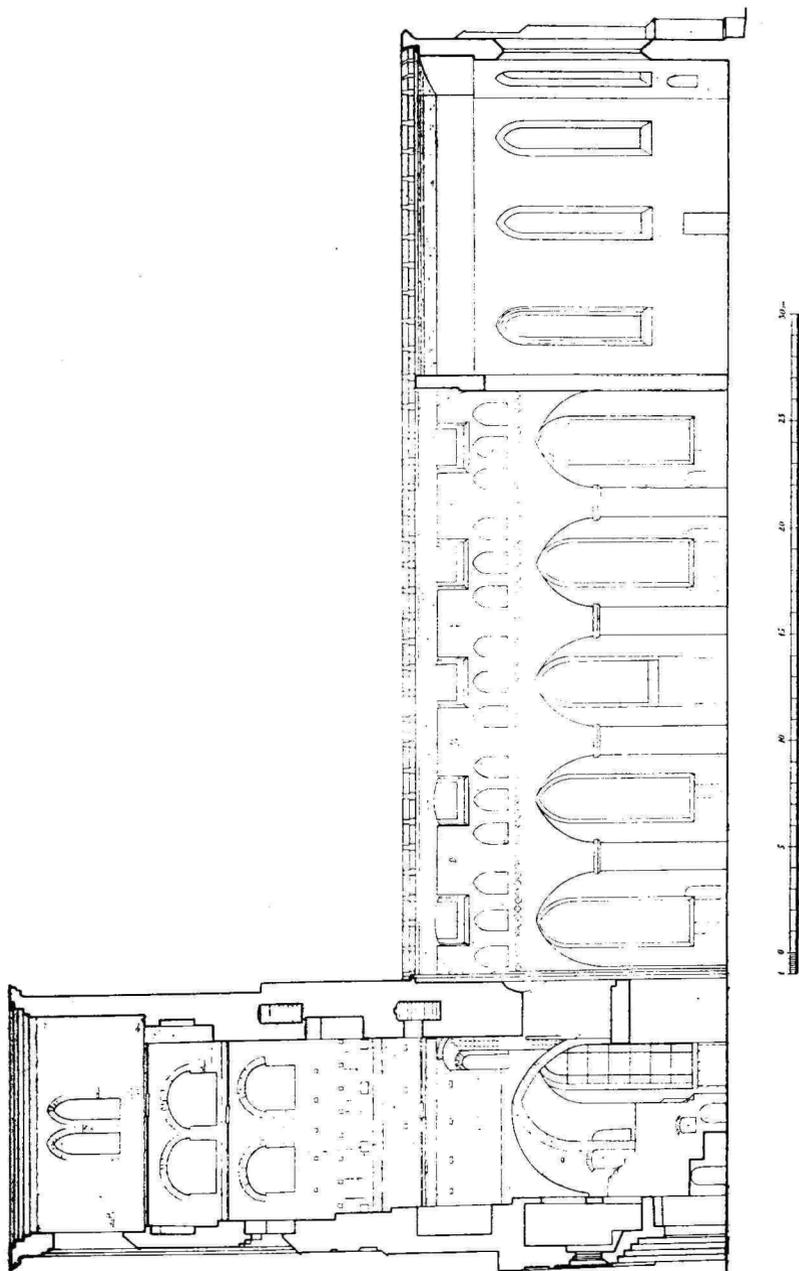
23. Тарту. Деталь капители Иоанновской церкви
(рисунок В. Вага).

О наличии этой тяги, уничтоженной во время ремонтов, свидетельствуют следы на поверхности столба. Опорой тяги, судя по следам, служила консоль или кронштейн. Тяга поднималась до уровня верхних окон; невозможно сказать, какое продолжение имели эти тяги, в виду того, что верхняя часть окон разрушена и своды не сохранились. В том месте капители, где проходила тяга, была консоль. Такая же тяга имелась на стороне столбов, обращенной к боковому нефу.

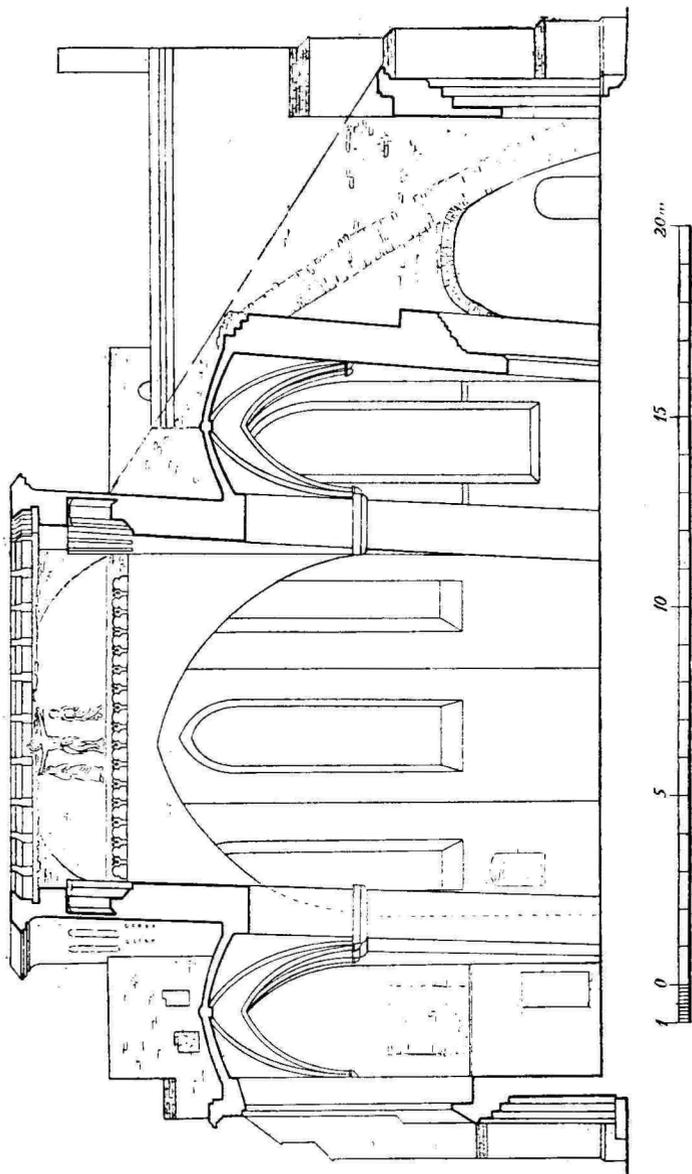
На южной и северной стенах среднего нефа над аркадами тянется фриз из четырехлопастных ниш (рис. 24), в которые поставлены изображения голов. Такой же фриз украшает здание и снаружи. Над фризом имеется ряд стрельчатых декоративных арок, образующих псевдотрифорий. В этих нишах, полностью замурованных при ремонтах, помещены изображения сидящих фигур. Нужно сказать, что подобный псевдотрифорий с фигурами не встречается нигде — ни в кирпичной, ни в архитектуре тесаного камня запада, являясь таким образом совершенно уникальным во всей мировой архитектуре.

Все верхние окна, за исключением двух западных, были заделаны во время ремонтов и освобождены лишь после пожара 1944 года. Как мы уже указали выше, верхняя часть окон уничтожена и первоначальную величину оконных проемов теперь нельзя установить. Своды среднего нефа не сохранились, но щитовые арки указывают на то, что по первоначальному плану средний неф должен был быть перекрыт сводами.

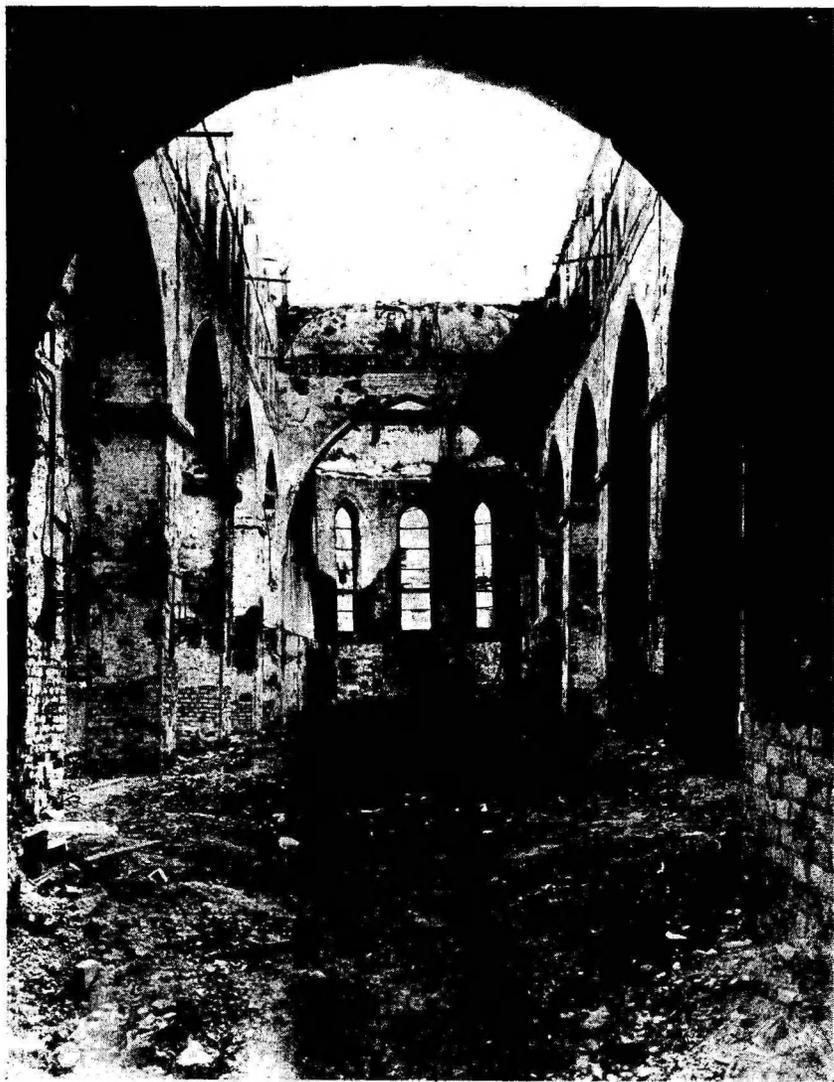
На откосах аркад сохранились следы старинной росписи; яснее всего они видны во второй аркаде с запада. Роспись сделана черной краской и состоит из небольших кругов по краям и больших квадратов, поставленных углом один над другим. Следы росписи имелись и на северной стене между верхними окнами.

24. Тарту. Продольный разрез Иоанновской церкви (обмер Я. и Э. Армолик).

25. Тарту. Поперечный разрез Иоанновской церкви с видом к востоку (обмер Я. и Э. Армолик).

26. Тарту. Вид среднего нефа Иоанновской церкви к востоку после пожара 1944 года.

На восточной стене среднего нефа, над триумфальной аркой, на уровне окон боковых нефов имеется фриз из ниш с трехлопастным завершением (рис. 25 и 26); в нишах помещены терракотовые фигуры. Над фризом терракотовая группа, которая изображает распятого Христа, Марию и Иоанна (рис. 27).

В западной стене среднего нефа имеется большая полуциркульная арка, над ней большая стрельчатая арка, в объеме кото-

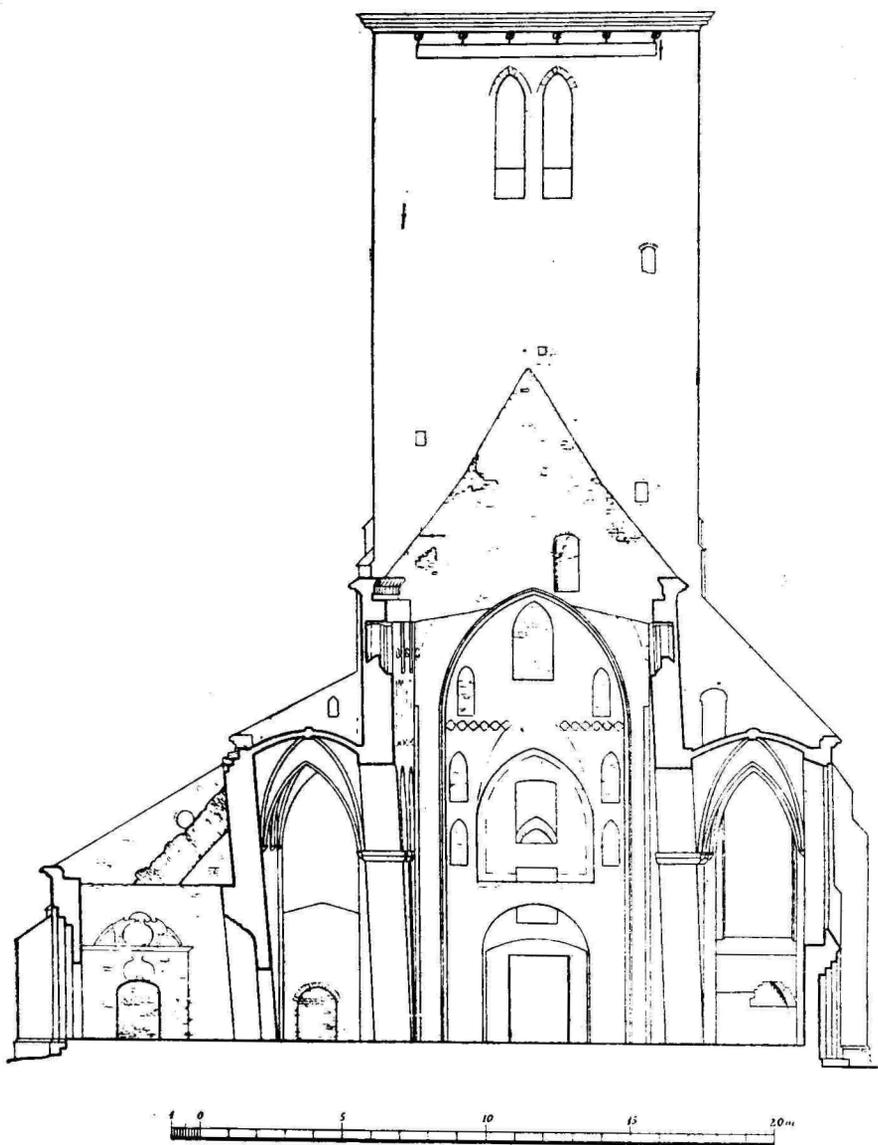

27. Тарту. Распятие над триумфальной аркой Иоанновской церкви.

28. Тарту. Вид среднего нефа Иоанновской церкви к западу после пожара 1944 года.

рой помещался орган (рис. 28 и 29). Над этим проемом расположен не сохранившийся полностью фриз из четырехлистников с изображением голов, совершенно идентичный фризу на продольных стенах среднего нефа. Выше мы видим расписной фриз наподобие зубцов пилы, исполненный красной и черной красками. Следы росписи сохранились и на верхних углах западной стены. В ней имеется еще семь замурованных ниш, из которых

29. Тарту. Поперечный разрез Иоанновской церкви с видом к западу (обмер Я. и Э. Армолик).

шесть расположены по сторонам и одна, большая, в середине, над фризом. Судя по следам, в этих нишах тоже были поставлены терракотовые скульптуры. Вся западная стена представляет собой огромную плоскую нишу со стрельчатым завершением; она образует нечто вроде рамы для системы меньших ниш. Следует сказать, что такое устройство западной стены с нишами, в которых находятся скульптуры, тоже очень своеобразно и, кроме Тарту, нигде не встречается.

В северном боковом нефе своды сохранялись до 1952 года, когда они обрушились вместе с северной стеной и столбами. Отчасти сохранились своды южного нефа — крестовые своды с нервюрами, имеющими разнообразные профили; часто встречаются профили из двух валиков. Нервюры опирались как на консоли на стенах боковых нефов, так и на приставленные к капителям консоли, о которых говорилось выше. Из настенных консолей в северном нефе сохранились только три. Они украшены реалистически трактованными дубовыми листьями и желудями (рис. 30 и 31). Судя по следам, капители опирались на приставленные к стене тяги.

В стене северного нефа имеется шесть окон (рис. 21 и 32). Из них, по-видимому, только одно — третье с восточной стороны — сохранило свою первоначальную высоту; под этим окном расположен портал, замурованный при перестройке церкви. Что касается других окон, то их проемы увеличены в нижней части. Под окнами расположен ряд ниш; их верхняя часть оказалась срезанной при этом увеличении. Совершенно очевидно, что окна вначале были расположены на два метра выше, т. е. подоконники находились на уровне карниза или пояса. Небольшие ниши под окнами (за исключением первой с запада) расположены попарно, но асимметрично по отношению к оконным проемам; эти ниши тоже замурованы. Все окна северного нефа расширены. Под заложением теперь в его восточной стене окном устроен вход в расположенный под ризницей подвал. Заложение окно имеется и в западной стене северного нефа.

В стене южного нефа сохранились два оконных проема — первые с запада (рис. 33 и 34). Проемы этих окон увеличены при перестройке церкви; на это указывает замурованная ниша под западным окном, верхняя часть которой была срезана при его увеличении. Остальные три окна южной стены замурованы. Почти на всем протяжении южной стены виден пояс или карниз, отмечающий линию подоконников. Окно в западной стене заложено. В восточной стене оно сохранилось, но проем его тоже увеличен при перестройке. В стене второй с востока трапезной устроен проем с большой стрельчатой аркой — вход в пристроенное с юга помещение. В стене второй с востока трапезной находится полуциркулярная арка южного портала.

В хоре своды не сохранились, но щитовые арки (и контрфорсы) указывают на то, что он вначале был перекрыт сво-

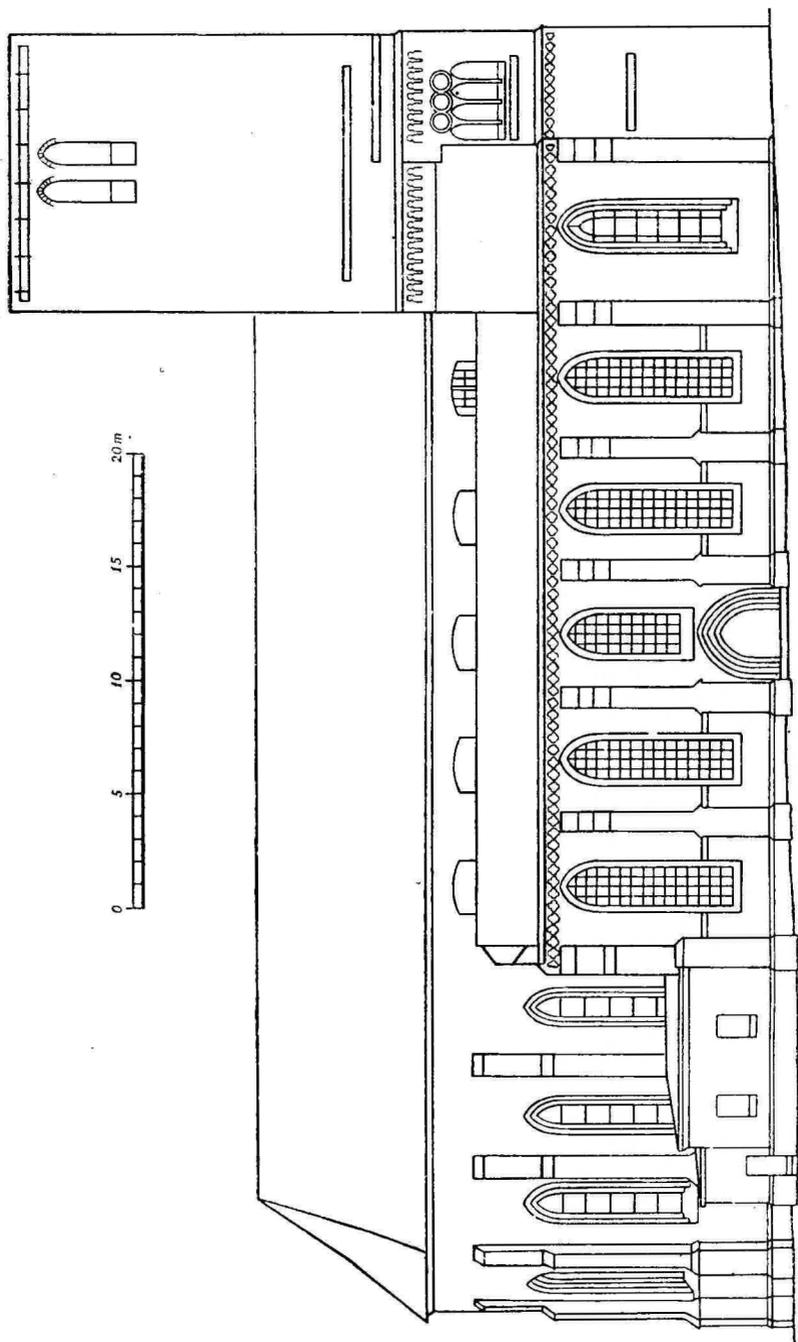
30. Тарту. Капитель в Иоанновской церкви.

дами. К северной стене хора пристроена небольшая низкая ризница. Она имеет длину двух приближающихся к квадрату травей и перекрыта крестовыми сводами, имеющими нервюры с профилем из сдвоенных валиков. В шельге сводов видны замковые камни, из которых западный украшен мотивом розы, а восточный — изображением агнца. В толще стены (налево от входа в ризницу) имеется лестница, ведущая в помещение над ризницей; это помещение не сохранилось. Восточная пристройка к ризнице новая.

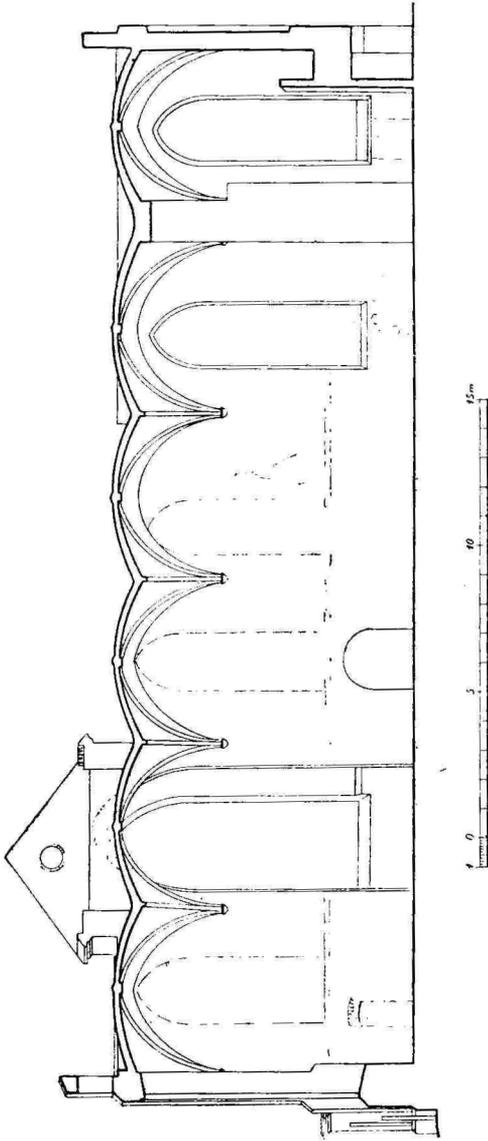

31. Тарту. Капитель в Иоанновской церкви.

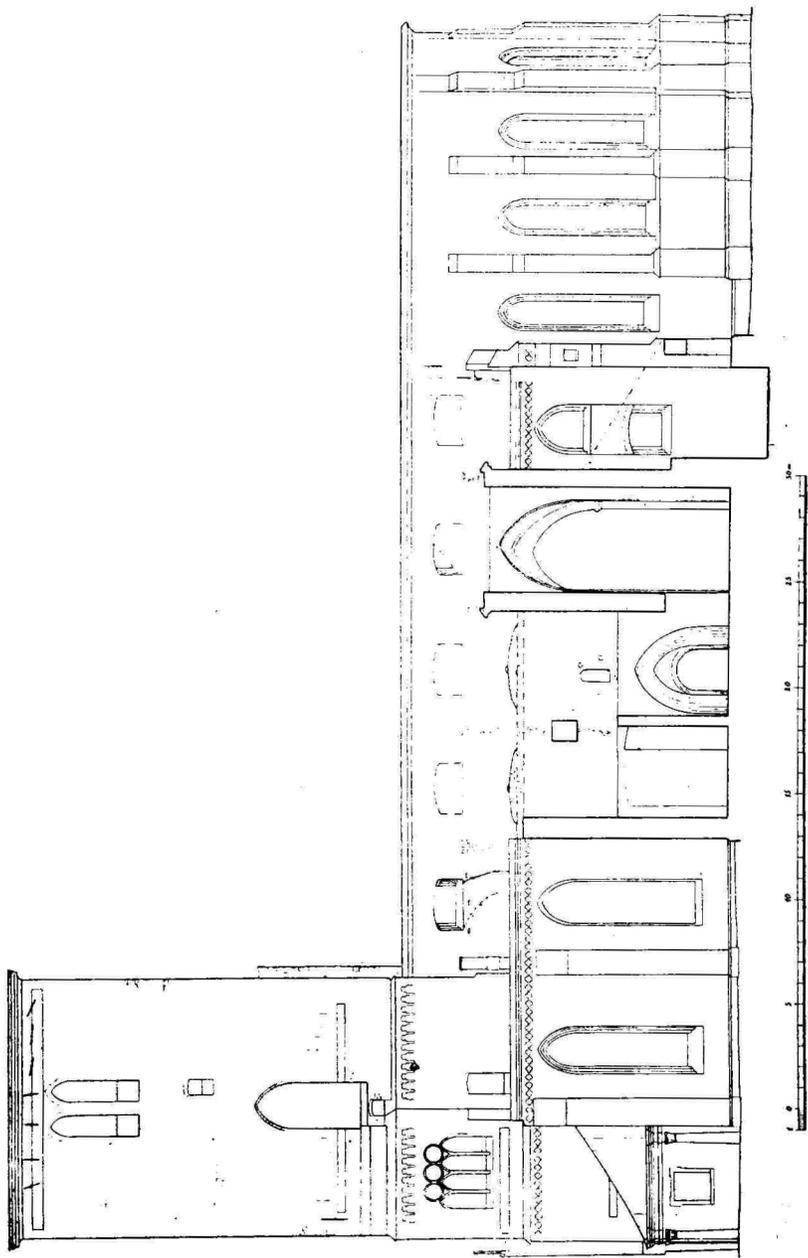
Башня в плане прямоугольная. Полы на всех этажах были деревянные. Сводов в башне никогда не было, хотя, по-видимому, и было запроектировано перекрытие нижней части сводом (на уровне аркад среднего нефа); на это указывают видимые здесь щитовые арки, а также выступающие в углах в виде зубцов камни. В толще западной стены над проемом портала находится узкое помещение, которое освещается небольшим окном, расположенным в щипце вимперга. В северной стене башни имеется полу-

32. Тарту. Северный фасад Иоанновской церкви (обмер А. И. Эрмолик).

33. Тарту. Продольный разрез южного нефа Иоанновской церкви (обмер Я. и Э. Армолик).

34. Тарту. Продольный разрез южных пристроек Иоанновской церкви (обмер Я. и Э. Армолик).

циркулярная дверь; здесь начинается винтовая лестница, которая ведет на второй этаж. Со второго этажа на верхние этажи можно пройти по прямой лестнице в толще восточной стены.

Внутри башни, в северной и западной стене, на высоте около 17,5 м видны вертикальные швы (рис. 24). Такие же швы имеются в южной наружной стене башни (рис. 34).⁸⁸ Здесь они расположены на высоте 20 метров. А. Туулсе утверждает, что Иоанновская церковь была приспособлена к обороне. Башня была по его мнению до перестройки в XV веке значительно ниже и имела верхнюю боевую площадку с зубчатым парапетом; видные теперь швы — следы заложенных амбразур.⁸⁹ Правильность этого утверждения вызывает сомнение вследствие того, что швы, видные внутри башни, не расположены на одной высоте со швами на наружной стене. Чередования внутренних и наружных швов не находятся в соответствии, и вообще они не отвечают системе амбразур. Неясно также, каково было устройство боевой стенки, имея в виду толщину стены башни — 1,9 м.

Монументального облика башня имеет высоту каменной части 35 м. Стоит она не вполне вертикально, а имеет небольшой наклон к юго-западу. Башня не одинакового объема во всей своей высоте, а как бы поднимается ярусами, которых всего три (рис. 35 и 36).

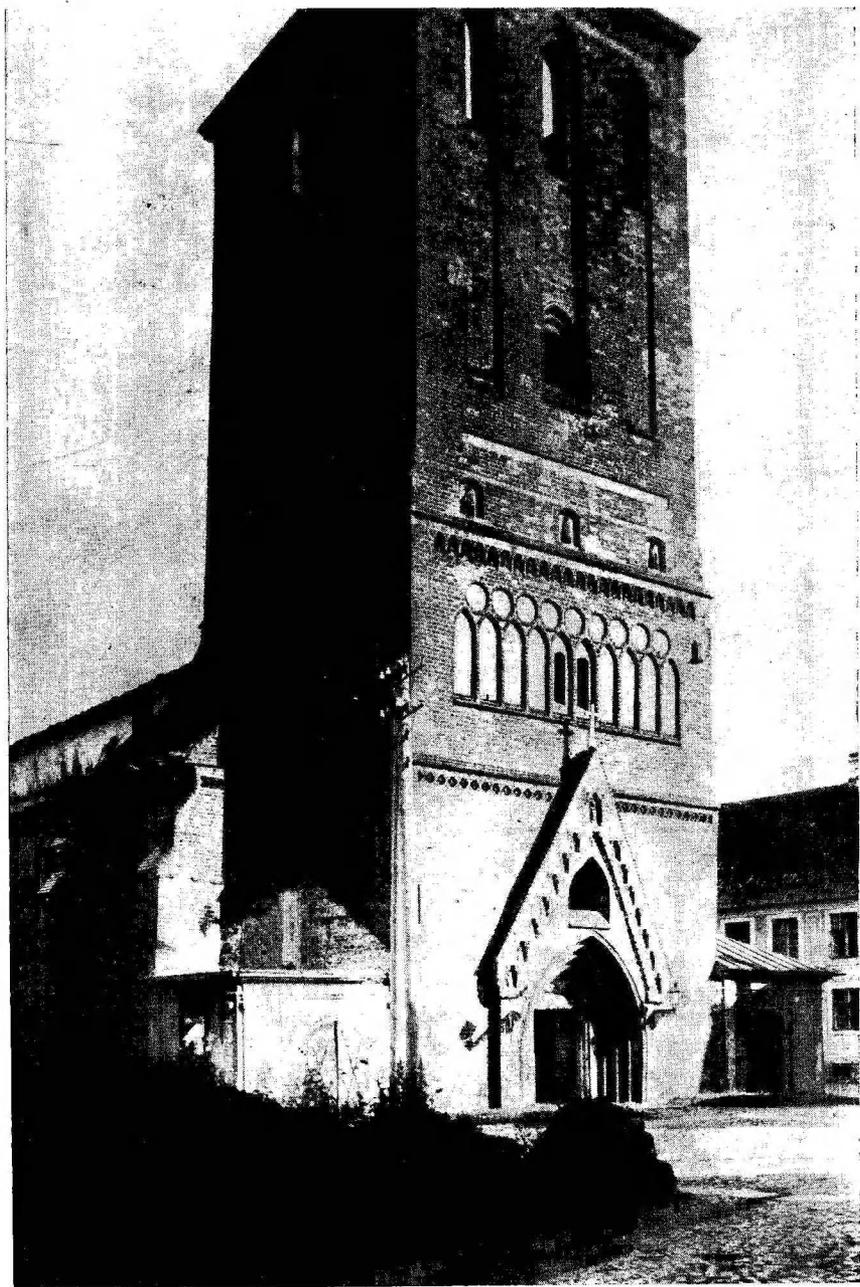
Главный портал расположен в западной стене башни (рис. 37). Это богато профилированный перспективный портал, с валиками и выкружками в откосах и архивольте. Откосы не имеют ни капителей, ни импоста. Проем портала носит следы изменений нового времени — часть проема заложена. Над порталом устроено стрельчатое окно.

Проем портала декорирует вимперг, щипец которого опирается на подобие капителей или кронштейнов. Эти кронштейны состоят, как и капители столбов среднего нефа, из абак и четвертного вала, украшенных, на подобие капителей столбов, орнаментальными мотивами (рис. 38). В вимперге имеются пятнадцать ниш с трехлопастным завершением, с поставленными в них фигурами из терракоты, из которых по шесть нижних на каждой стороне — сидячие; седьмые фигуры на левой и правой сторонах — коленопреклоненные. Верхняя фигура в мандорле с поднятой правой рукой держит в левой руке чашу. Эти пятнадцать фигур являются, по-видимому, изображением композиции «страшного суда»: верхняя фигура — образ Христа-судьи, нижняя фигура налево от него — Мария, направо — Иоанн Предтеча, остальные — фигуры апостолов. Часть фигур пострадала, а фигура Христа новая: она поставлена во время ремонта церкви.

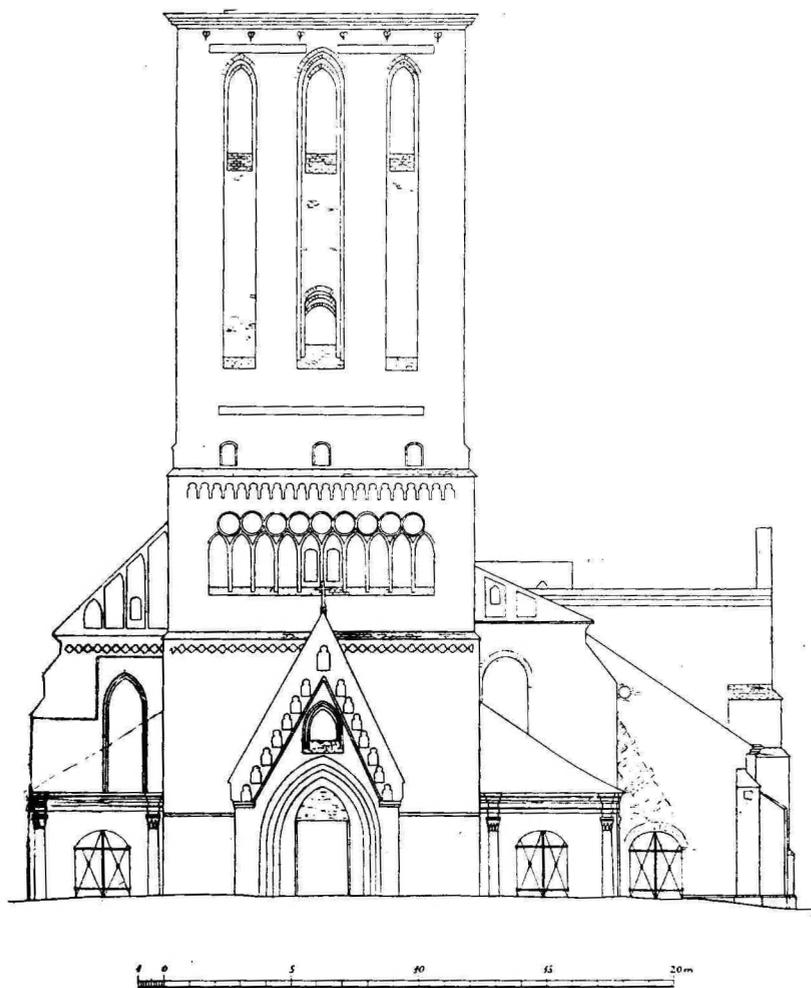
Под карнизом первого яруса западного фасада башни тянется фриз из четырехлопастных ниш с изображением голов, совер-

⁸⁸ Guleke, F. III. T. XVI. a.

⁸⁹ Tuulise, Försvarskyrkorna, 234.

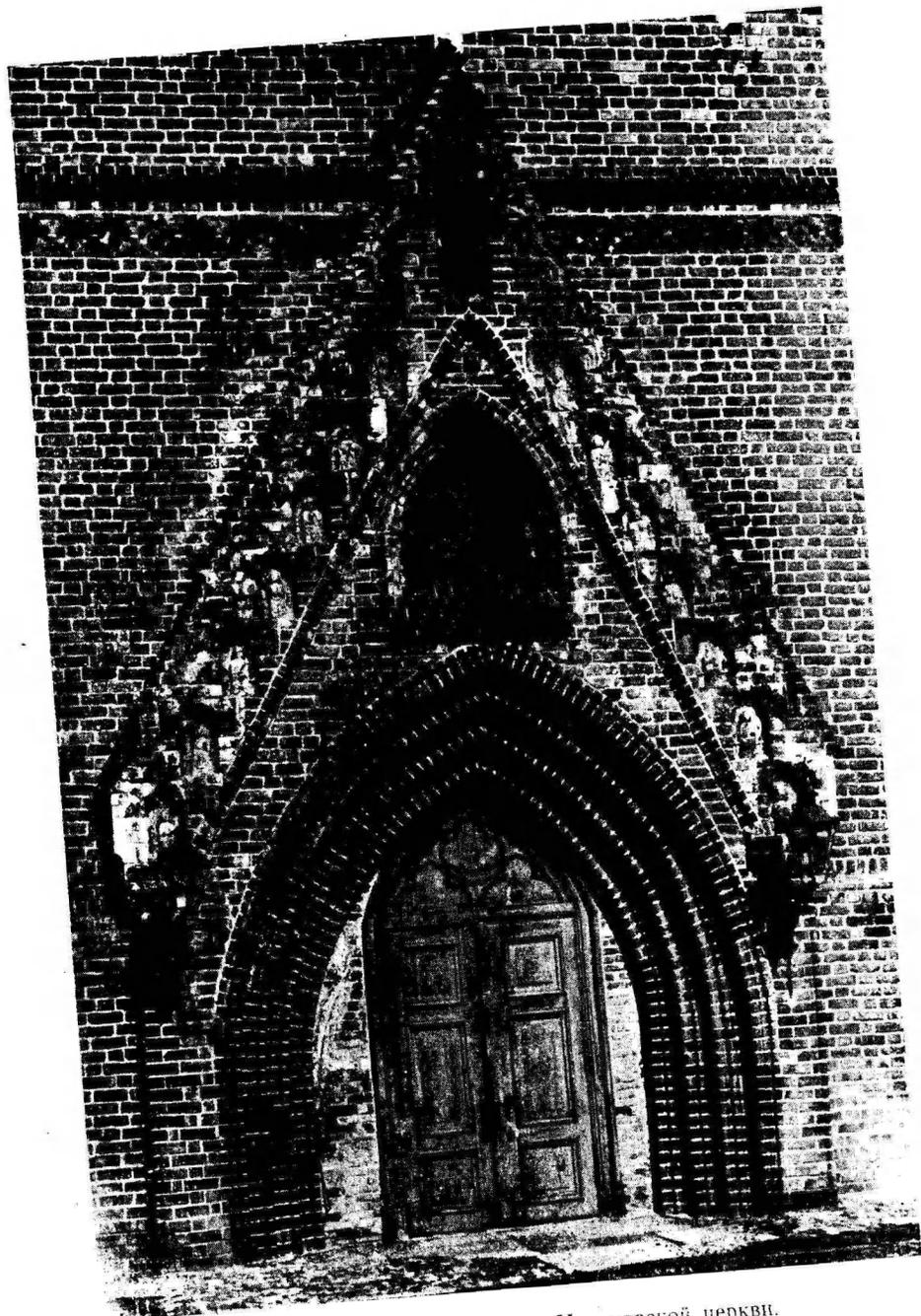

35. Тарту. Вид Иоанновской церкви с северо-западной стороны.

36. Тарту. Западный фасад Иоанновской церкви
(обмер Я. и Э. Армолик).

шенно идентичный нишам над аркадами среднего нефа и на западной стене интерьера. Второй ярус украшен десятью стрельчатыми декоративными арками, над ними девять круглых ниш. Под карнизом второго яруса находится фриз из высоких ниш с завершением в виде трехлопастной арки. Этот фриз, в котором поставлены терракотовые полуфигуры с лентами в руках (рис. 39), идентичен фризу на восточной стене среднего нефа, над триумфальной аркой. В нижней части западной стены третьего яруса устроены три большие арочные ниши с сидячими терракотовыми

37. Тарту. Западный портал Иоанновской церкви.

38. Тарту. Деталь портала Иоанновской церкви.

фигурами, из которых средняя в облачении епископа. Большую часть верха фасада третьего яруса занимают три высокие стрельчатые проема.

Под карнизом первого яруса северной стороны башни имеется фриз из четырехлопастных ниш с головами. Второй ярус декорирован наподобие второго яруса западной стороны. Южный фасад башни оформлен почти совершенно одинаково с северным. Он отличается лишь тем, что в нижней части имеется большая стрельчатая декоративная арка.

Заложенное окно в западной стене северного нефа обрамлено прямоугольником. Фриз из четырехлопастных ниш продолжается и на этой западной стене нефа. В верхней ее части имеются четыре бленды, завершающая часть которых срезана при перестройке церкви.

Стену северного нефа подпирает семь контрфорсов с уступами. В первом контрфорсе с востока устроены небольшие ниши с терракотовыми фигурами. Под карнизом северной стены имеется фриз из трехлопастных ниш, продолжающий здесь фриз башни.

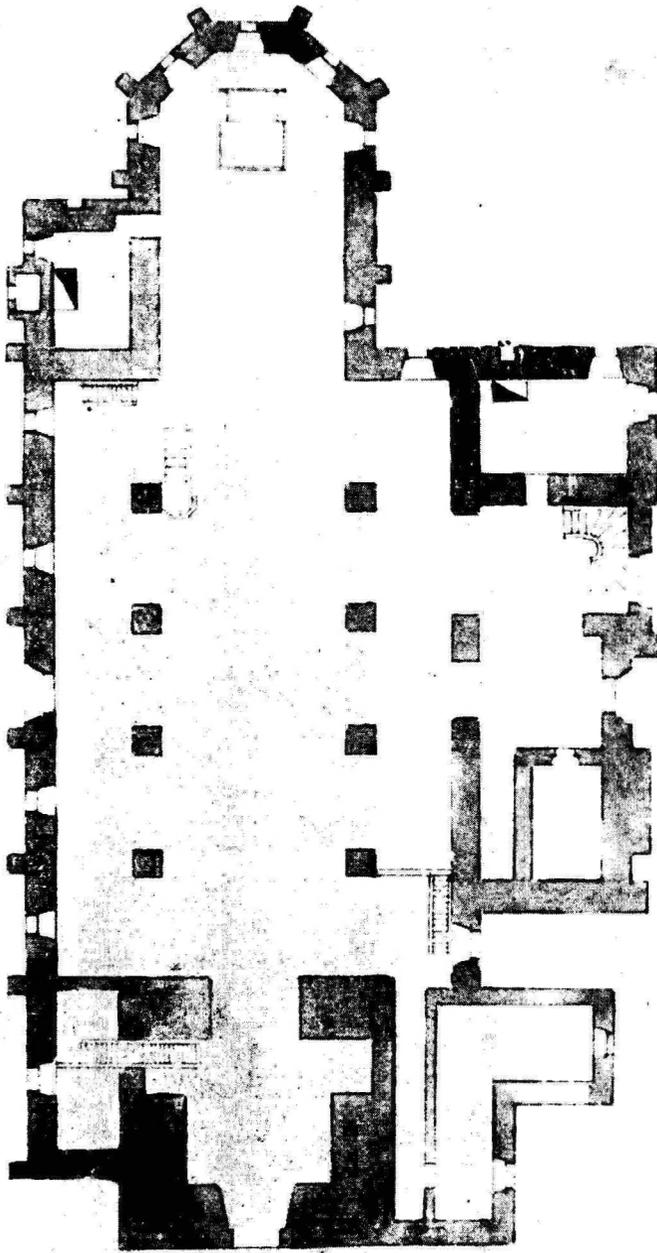
39. Тарту. Терракотовая скульптура с фриза на западном фасаде Иоанновской церкви.

При описании северной стороны Иоанновской церкви важно обратить внимание на верхнюю стену среднего нефа, обрушившуюся, как мы указали выше, в 1952 году (рис. 40). По-видимому, вначале было намерение пристроить к стене контрфорсы. На это указывают выступающие из стены ряды кирпичей, которые должны были перевязать кладку стены с запроектированными контрфорсами. О причинах, побудивших отказаться от сооружения контрфорсов среднего нефа, мы скажем ниже.

Пристроенная к хору ризница тоже украшена фризом из четырехлопастных ниш со скульптурами голов; фриз этот полностью идентичен фризу на башне, на стенах боковых нефов и в интерьере церкви.

40. Тарту. Вид Иоанновской церкви с северной стороны.

41. Тарту. План Иоанновской церкви по рисунку П. Х. Бропце.

Фриз из четырехлопастных ниш прерывается на западной стене южного нефа. Он был, по-видимому, уничтожен при реставрации. При этом пострадали и декоративные ниши верхней части стены — их завершения как бы срезаны.

Фриз из четырехлопастных ниш имеет продолжение в западной части южной стены. Эту стену подпирают два контрфорса без уступов.

У третьей травеи начинается ряд пристроек. В западной стене первой пристройки имеется дверь с коробовой аркой и небольшим круглым окном над ней. Здесь мы видим встроенный в толщу стены контрфорс, наклоненный под углом на 30°, несомненно с целью лучшей опоры кренящейся наружу южной стены нефа. В углу этой пристройки также есть контрфорс, имеющий как с южной, так и с западной стороны по одной нише с терракотовой головой. Для подпора с южной стороны пристроен очень широкий и массивный контрфорс.

Рядом с контрфорсом имеется стрельчатый портал. Эта западная часть южной пристройки разделена стеной на две половины, из коих западная служила, по-видимому, могильным склепом известного деятеля эпохи Петра I — Б. К. Миниха. Вход в склеп из восточной части был оформлен в виде барочного портала. На плане Иоанновской церкви 1741 года в материалах бывшего тартуского городского архива стена склепа еще не нарисована (Миних умер в 1767 году). Он имеется уже на плане, нарисованном в 1797 году И. Х. Бротце в его рукописи, но здесь он имеет вид помещения, встроенного в юго-западный угол притвора (рис. 41).

В притворе южный портал церкви, который был замурован и сильно искажен, расположен по оси северного портала. К западу от портала имеется лестница, ведущая из притвора в южный неф через пробитую стену. Она обозначена на плане 1741 года, но впоследствии была заложена.

К востоку от притвора находится высокая пристройка. В западной ее стене имеется также подобие встроенного в массив стены наклонного контрфорса; и здесь целью его сооружения в таком виде было — придание максимальной устойчивости южной стене. Эта высокая пристройка немного выступает и на углах имеет контрфорсы с тремя уступами. В южной стене есть обширное стрельчатое окно, другое несколько меньшее — в восточной стене. Нужно сказать, что эти южные добавочные сооружения, по-видимому, часто перестраивались и потеряли свой первоначальный облик.

К описанным здесь пристройкам примыкает с востока еще одно низкое помещение — бывшее жилье церковного сторожа. Это — постройка нового времени.

Восточный фасад имеет ступенчатый верх с небольшим трехлопастным проемом.

Фриз из четырехлопастных ниш, прерванный пристройками, появляется вновь под карнизом восточной части южного нефа

и имеет продолжение на его восточной стене. Следует отметить, что фриз на южной стене расположен несколько выше, чем на северной.

На южной верхней стене среднего нефа мы видим такие же, как и на северной стороне, выступающие из стены ряды кирпичей для перевязи с запроектированными, но не сооруженными контрфорсами.

Уже поверхностное ознакомление с архитектурой тартуской Иоанновской церкви показывает, что все три ее нефа, хор, ризница и нижняя часть башни построены как единое целое в течение одного строительного периода. Об этом в первую очередь ясно свидетельствует расположение и характер скульптурных украшений. Фриз из четырехлопастных ниш с головами украшает первый ярус башни, карниз боковых нефов и ризницы; он тянется и над аркадами среднего нефа, что указывает на сооружение всех этих частей по единому плану и в течение одной строительной кампании; об этом свидетельствует и однородный стилистический характер всех скульптур. Что касается хора, то и он построен одновременно с башней и нефами: над триумфальной аркой мы видим точно такой же фриз из ниш с трехлопастным завершением, какой имеется и на карнизе второго яруса башни. Мы указали в начале, что средний неф не имеет одинаковой ширины на всем протяжении, а расширяется по направлению к востоку (рис. 21). Совершенно ясно, что это расширение не является чем-то случайным; оно было предусмотрено с самого начала. Цель, которую при этом преследовали, состояла в том, чтобы средний неф был совершенно органически связан с хором и образовал бы с ним неразрывное целое. Хор хотели построить просторный и широкий; дать среднему нефу такую же ширину на всем протяжении было, однако, нецелесообразно, так как в таком случае нужно было башню построить очень массивной.

Мы указали выше, что запроектированные вначале для подпирания сводов среднего нефа контрфорсы не были построены. Вследствие этого возникает вопрос, был ли средний неф вообще перекрыт сводами. Поперечный разрез постройки показывает, что как южная стена среднего нефа, так и стена южного бокового нефа имеют большой наклон наружу, доходящий в первой из них до 1,2 м. Довольно значительный наклон имеет и северная стена (рис. 25). Таким образом совершенно ясно, что здание уже в самом процессе постройки начало давать осадку; это не должно удивлять, так как город Тарту основан на болотистом месте.⁹⁰ Постройку стен и столбов все же довели до конца, после того

⁹⁰ Об этом свидетельствует даже старое название улицы, которая проходит к северу от церкви — «Quappenstrasse» по немецки. Слово «Quappe» или «Quabbe» в данном случае означает не «налим», а «болото», «трясина».

Другим примером оседания является построенный в начале XIX века дом (бывший фельдмаршала Баркляя де Толли) на площади Ньюкугоде вьяльк № 18.

как процесс оседания приостановился. Теперь, по-видимому, оказалось возможным перекрыть сводами боковые нефы; это не представляло опасности ввиду того, что их пролеты были незначительны (3—3,8 м), высота сводов здесь небольшая (10 м до шельги) и распор их слабый. Вопрос о том, был ли средний неф тоже перекрыт сводами, должен пока остаться открытым.

Что касается пристроек с южной стороны, то они (за исключением жилого помещения сторожа) воздвигнуты, по-видимому, непосредственно после окончания постройки нефов, или, вернее, в процессе окончания работ по постройке продольной части. В третьей и четвертой с запада травее мы видим два заложённых окна. Таким образом совершенно ясно, что вначале не было намерения воздвигнуть пристройку к этой части стены, и она появились уже после окончания постройки стены с этими двумя оконными проемами. Сооружение пристройки было продиктовано желанием создать лучшую опору стене именно здесь, у третьей, четвертой и пятой травее, где осадка была наиболее значительной.

Нужно надеяться, что детальное изучение архивных документов, относящихся к перестройкам и ремонтам XVIII—XIX вв., даст окончательный ответ на вопрос, был ли средний неф Иоанновской церкви перекрыт сводами или нет.

Тартуская Иоанновская церковь построена в готическом стиле. Более точная ее датировка возможна на основании анализа скульптурных деталей. Стиль скульптур реалистический, характерный для готики. Здесь можно указать в первую очередь на украшающие консоли северного нефа дубовые листья и желудуди. Большую помощь при датировке оказывают фигурные изображения. Все многочисленные мужские лица изображены без бороды. Как известно, бороду не носили с 1200 по 1330 год.⁹¹ Таким образом периодом постройки тартуской Иоанновской церкви можно считать время около 1330 года. Что касается башни, то она свою окончательную высоту получила, по-видимому, в XV веке.

Анализ архитектуры и скульптурных украшений Иоанновской церкви с полной ясностью указывает на то, что она была построена в самом начале базиликой и все время сохраняла свой базиликальный облик. Мнение, что она в начале была трехнефной зальной церковью и потом перестроена в виде базилики, могло возникнуть у К. Х. Класена конечно лишь вследствие того, что ему были неизвестны архитектура и скульптурные украшения интерьера, скрытые под штукатуркой и побелкой.

Тартуская Иоанновская церковь является весьма оригинальным и самостоятельным памятником самобытной местной архитектурной школы. Ни в немецкой, ни в датской кирпичной готике нет ни одной постройки, на которую можно было бы указать, как

⁹¹ Schmitt, I, столб. 1471 сл. сл.

на прообраз этой церкви. Никаких прямых аналогий нельзя найти и для деталей, как архитектурных, так и скульптурных. Нужно особо подчеркнуть важное значение скульптур Иоанновской церкви; в кирпичной готике Дании и северной Германии нет ни одной постройки, так богато украшенной скульптурами снаружи и изнутри.⁹²

Укажем здесь на особо оригинальные части и мотивы. К ним относятся псевдотрифорий с поставленными в нишах фигурами. Это единственный во всей европейской архитектуре пример подобного оформления псевдотрифория. Нужно сказать что псевдотрифорий вообще очень редко встречается в кирпичной архитектуре северной Европы. Его имеют Яковлевская церковь в Ростокке,⁹³ церковь в Белитце (Мекленбург)⁹⁴ и церковь в Бартошиче в Ольштынском воеводстве в Польше.⁹⁵ Ни в одной из этих церквей нет, однако, поставленных в ниши скульптур. Совершенно уникальной является архитектура западной стены среднего нефа с системой ниш и со скульптурами в этих нишах. Весьма замечателен западный портал церкви. В больших французских готических соборах изображение страшного суда обыкновенно украшало средний портал западного фасада. В Германии этот мотив, как известно, большого распространения не получил; он встречается лишь как исключение в западно-германских постройках. Тартуская группа — один из редчайших скульптурных примеров этого мотива в средней и восточной Европе. Мастера тартуской церкви, по-видимому, прекрасно были знакомы с архитектурой не только Германии, но и Франции.

Совершенно ясно, что тартуская Иоанновская церковь не является каким-то случайным сооружением в истории архитектуры Эстонии. Самобытные черты в архитектуре этого здания, неповторимость его композиционных и декоративных приемов не могли конечно возникнуть внезапно. Все это было безусловно результатом более или менее длительного развития. Мы можем смело утверждать, что и в Тарту образовалась своя местная архитектурная школа наподобие того, что произошло в Риге в XIII веке. К сожалению, вопросы процесса формирования и дальнейшего развития этой тартуской школы, также как и распространения приемов этой школы в архитектуре южной Эстонии остаются открытыми, так как большинство монументальных построек (как культового, так и другого назначения) в городах южной Эстонии (Тарту, Вильянди, Пярну) разрушено, а немногочисленные приходские церкви данного периода сильно перестроены.

⁹² Что касается иконографической системы скульптурных украшений Иоанновской церкви, то она нуждается еще в детальном анализе.

⁹³ Schlie, I, Табл. между стр. 76 и 77.

⁹⁴ Там же, I, табл. между стр. 474 и 475.

⁹⁵ Ulbrich, Abb. 13.

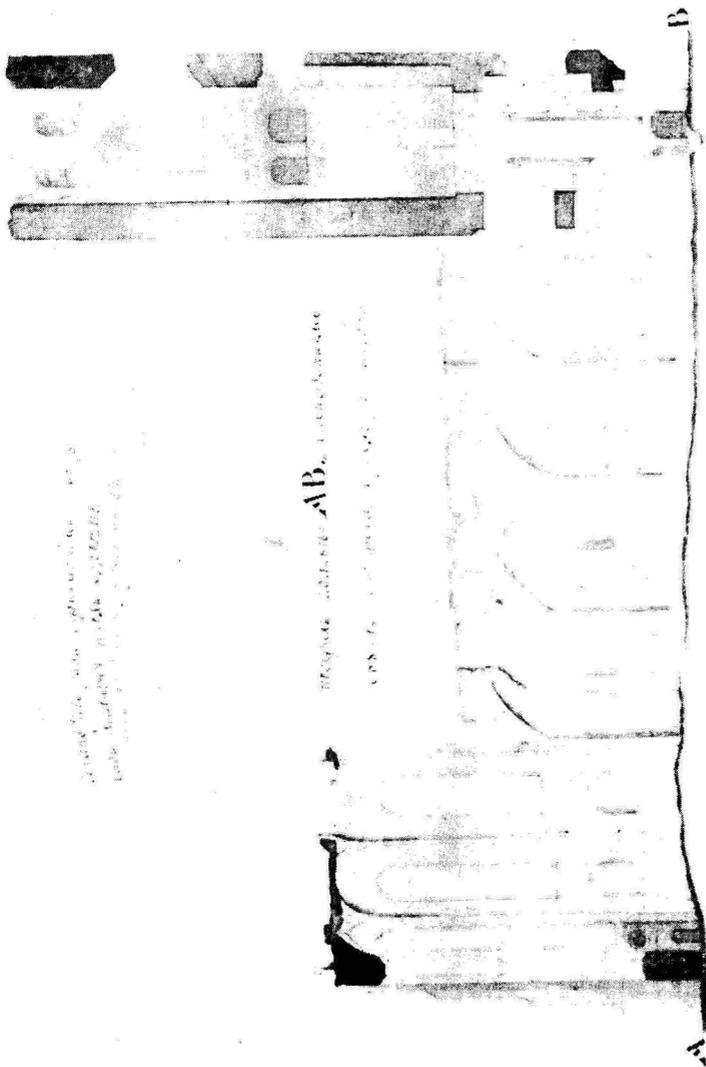
Для выяснения истории сооружения тартуской Маринской церкви данных не имеется. Однако на основании некоторых планов и рисунков XVII и XVIII вв. можно получить известное представление об общем облике церкви в средние века. Из планов XVII века можно указать на хранящиеся в Стокгольмском Военном архиве планы города Тарту 1675 и 1683 гг. Однако самыми ценными документами являются нарисованные в 1763 году инженерной команды капитан-поручиком Матвеевым и хранящиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве план и два продольных разреза церкви.⁹⁶ Они снабжены масштабом и представляются довольно точными (рис. 42—44).

Маринская церковь, которая была расположена на месте южного флигеля нынешнего главного здания университета, упоминается впервые в источниках в 1316 году. В начале XVIII века церковь сгорела и с тех пор стояла в развалинах. В конце XVIII века развалины были снесены и материал использован для новостроек. В 1804—1809 гг. на месте развалин профессором архитектуры И. В. Краузе было построено поныне стоящее главное здание университета.

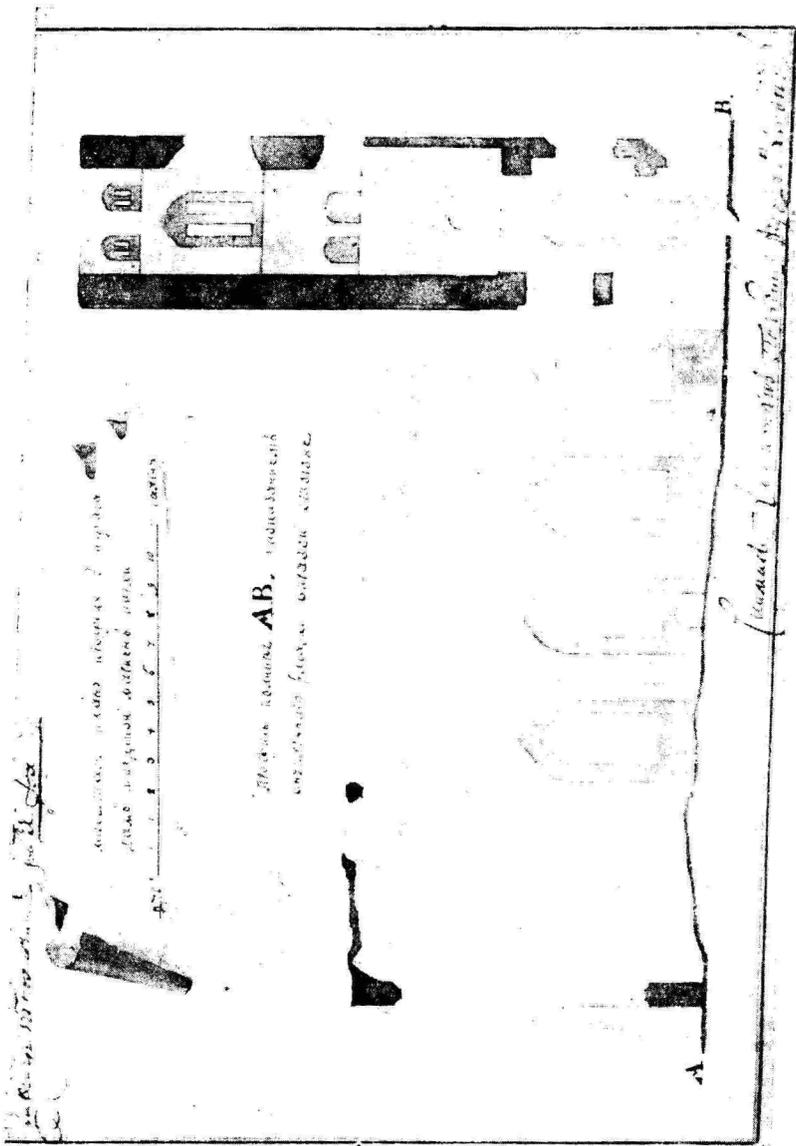
Как видно из рисунков 1763 года, тартуская Маринская церковь представляла собой трехнефную базилику. Средний неф состоял из четырех травей, которые были удлинены по направлению с юга на север. Из шести подпиравших своды столбов в 1763 году были в сохранности лишь три северных. Ширина боковых нефов была вдвое меньше ширины среднего нефа. С запада была пристроена четырехгранная башня, ширина которой соответствовала ширине среднего нефа. Башня была встроена в массив здания, лишь немного выступая из фасада. Хор имел удлиненную форму и был одинаковой ширины со средним нефом; он имел завершение в виде трех сторон восьмиугольника. Стены апсиды подпирались снаружи контрфорсами с четырьмя ступами.

Мы видим таким образом, что архитектура Маринской церкви в основном почти совершенно идентична архитектуре Иоанновской церкви. Можно просто говорить о двух вариантах одной и той же композиции. Что касается аналогий в деталях, то можно указать на четырехгранные столбы. На основании общих черт в архитектуре этих двух зданий мы можем отнести их к одной и той же школе — тартуской школе XIV века. Маринская церковь по объему немного превосходит Иоанновскую церковь. Можно предположить, что она была сооружена немного раньше Иоанновской церкви и что упомянутая в источниках под 1316 годом постройка является именно той Маринской церковью, которая сохранилась до XVIII века.

⁹⁶ ЦГВИА, ф. 3, оп. 12, д. 4656.

43. Тарту. Пролонгальный разрез Мариинской церкви по рисунку 1763 года (вид южной стѣны среднего нефа) (ЦГВИА, ф. 3 л., оп. 12, 4656).

44. Тарту. Продольный разрез Марининской церкви по рисунку 1763 года (вид северной стены среднего нефа) ЦГВИА, ф. 3 л., ол. 12, 4656).

Как на южной, так и на северной стороне церкви на протяжении всей длины нефов находились пристройки, о времени сооружения которых, равно как и о их назначении трудно сказать что-нибудь определенное. В интерьере обращает на себя внимание довольно своеобразное оформление верхней стены. В северной стене над аркадами имеются ниши, по пяти в стене каждой трапезы. Небольшие оконные проемы имеются только в каждой средней нише, в верхней ее части большей площади, в нижней — меньшей. Ничего вполне аналогичного в немецкой или польской кирпичной готике нам неизвестно. Некоторое сходство имеется, быть может, лишь с Мариинской церковью в Старгарде, где аналогичные ниши (но без проемов) имеет боковой неф.⁹⁷

Фасад по своему оформлению напоминает в какой то мере Мариинскую церковь в Висмаре. На углах западного фасада церкви имелись небольшие многогранные башни с винтовой лестницей в каждой. На плане 1763 года отмечена лестница только в северной башне, в южной она не нарисована, так как, по-видимому, была уже совершенно разрушена ко времени составления плана. Такие расположенные на углах фасада многоугольные башни имеет церковь Юргена в Висмаре.⁹⁸

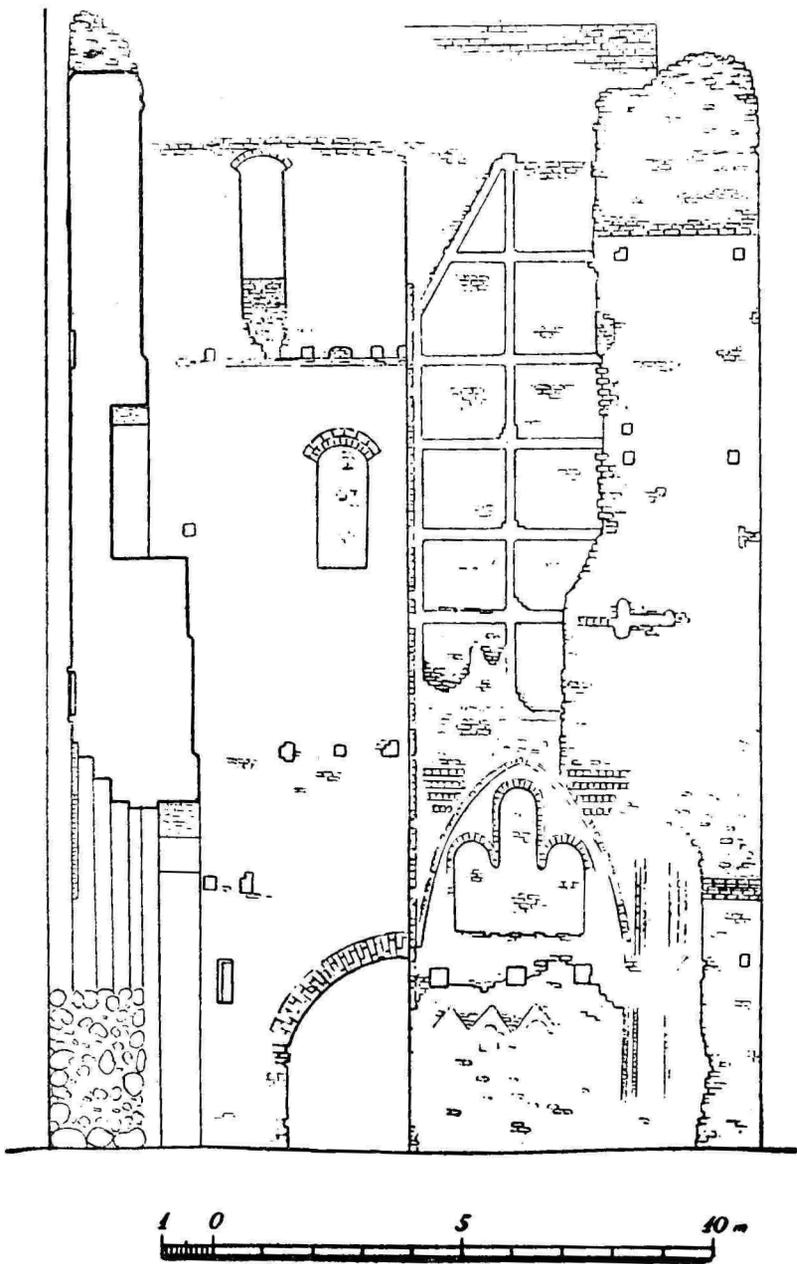
В истории сооружения тартуского собора еще очень много неясного. В его строительстве можно в общем различить четыре основных этапа. В сохранившихся развалинах есть еще части, которые можно датировать приблизительно концом XIII века. Сооруженный тогда собор не имел еще монументальных башен. К западной стене были пристроены четыре мощных контрфорса. Между двумя средними контрфорсами было нечто вроде открытого притвора, который, по-видимому, был перекрыт сводом.⁹⁹ Здесь был главный выход с порталом; до наших дней сохранились части профилированных откосов этого портала. Как в северной, так и в южной стене открытого притвора была декоративная ниша с завершением из средней высокой и двух боковых низких полуциркульных арок (рис. 45). Этот характерный для романской архитектуры мотив и дает возможность отнести эти части руин к XIII веку.

Интересной особенностью западного фасада были небольшие полукруглые башни с винтовой лестницей. Одна из этих башен (северная) находилась в углу между западной стеной фасада и северным контрфорсом. От этой башни сохранилась только верхняя часть над аркой, открывающейся в северный неф; низ башни был разобран в XV веке, когда был пробит проем этой арки и сооружена новая, монументальная башня. Южная башня не была симметричной — она была пристроена ко второму (с

⁹⁷ Burmeister, илл. 106.

⁹⁸ Schlie, II, 168.

⁹⁹ Guleke, F. III, T. III, рисунок справа.

45. Тарту. Продольный разрез западного притвора собора. Вид северной стены (обмер Я. и Э. Армолинк).

южной стороны) контрфорсу. От этой башни ничего не сохранилось. Она фигурирует, однако, на плане собора, нарисованном Р. Гулке в конце прошлого века.¹⁰⁰ Нам теперь неизвестно, откуда Гулке получил данные о существовании этой полукруглой южной башни; однако при раскопах в существующей южной башне в 1926 году О. Фреймутом были обнаружены остатки фундамента в виде полукруга тех же размеров, что и полукруглая башня у северного контрфорса.¹⁰¹

О продольной части этого собора XIII века мы ничего не знаем — существующие теперь нефы и примыкающие к ним с юга и с севера капеллы сооружены, по-видимому, в течение второго этапа в истории строительства собора — в XIV веке. К. Х. Класен считает началом строительства конец XIV века. Прообразом по его мнению служила Мариинская церковь в Гданьске, к сооружению которой приступили около 1350 года.¹⁰² Построенная в схеме базилики продольная часть этой церкви была закончена в 1379 году.¹⁰³

Устои в тартуском соборе — восьмигранные столбы с круглыми в сечении служебными колонками (тягами) на углах (рис. 46). Из церкви XIV века, кроме Мариинской церкви в Гданьске, такие столбы имеют начатая строительством около 1330 года церковь монахов-отшельников августинского ордена в Вене,¹⁰⁴ сооруженная около 1360 года продольная часть собора в Квидзыни,¹⁰⁵ сооруженная приблизительно в то же самое время продольная часть Екатерининской церкви в Гданьске,¹⁰⁶ законченная до 1382 года Мариинская церковь в Штральзунде,¹⁰⁷ построенная в конце XIV века продольная часть церкви францисканского монастыря в Ангермюнде.¹⁰⁸ К. Х. Класен указывает еще на церковь в Хелмно. Однако эту церковь нельзя отнести к перечисленной выше группе памятников, поскольку здесь на углах столбов не круглые тяги, а комбинация из углов и валиков.¹⁰⁹ Из скандинавских церквей такие столбы имеются в соборе в Вестеросе.¹¹⁰

Нужно сказать, что расположение столбов в Тартуском соборе отличается от расположения столбов в перечисленных выше церквях: столбы в Тарту обращены к нефам не своими сторонами, а углами. Пропорции столбов тоже немного отличаются от столбов в некоторых из упомянутых церквей.

¹⁰⁰ Guleke, F. III, T. III (рисунок справа) и T. VII (рисунок слева).

¹⁰¹ Freymuth, Löringianne, 101.

¹⁰² Clasen, 461.

¹⁰³ Gruber u. Keyser, 40.

¹⁰⁴ Schmitt, II, столб. 419/420, рис. 21.

¹⁰⁵ Dehio, Handbuch, II, 293.

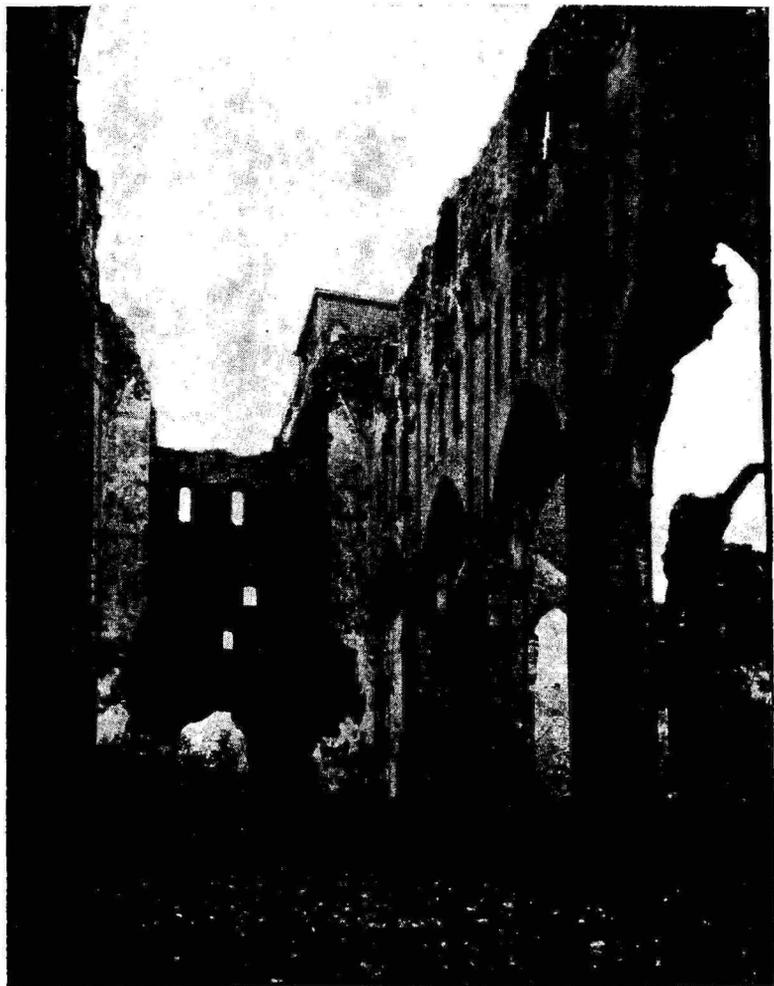
¹⁰⁶ Gruber u. Keyser, 19.

¹⁰⁷ Dehio, Handbuch, 420.

¹⁰⁸ Eichholz — Норре, II, 29.

¹⁰⁹ Захватович, рис. 74.

¹¹⁰ Lundberg. 186.

46. Тарту. Вид среднего нефа собора.

Такие же устои, как столбы тартуского собора, имеются в хоре самой монументальной средневековой культовой постройки Финляндии — собора в Турку. По мнению Ю. Ринне при сооружении нового хора этого собора за образец брали тартускую постройку; эту точку зрения разделяет и А. Туулсе.¹¹¹ По И. Крунквисту новый хор туркуского собора был готов в 1370 году, может быть даже еще раньше — в 1366 году.¹¹² Если к пе-

¹¹¹ Tuulise, Estland-Finland, 35. Нужно, однако, отметить, что и в туркуском соборе столбы обращены к нефам своими сторонами, а не углами, как в тартуском соборе.

¹¹² Krunqvist, 53.

рестройке продольной части тартуского собора приступили лишь в конце XIV в., как думает К. Х. Класен, она не могла служить прообразом хора туркусского собора.

Если хор собора в Турку был готов уже в 1366 году, почему и тартуский собор не мог быть перестроен к тому же времени? Можно предположить, что работы по перестройке собора в Тарту начались уже в первой четверти XIV века и происходили очень долго. В архитектуре нефов имеются части и детали, которые несомненно относятся к ранне-готическому периоду. В южном и северном нефе, а также в западной стене продольной части сохранились лизены, которые имеют приставные колонки круглого сечения, а по сторонам — такие же колонки меньших размеров. Некоторые колонки имеют капители из тесаного камня с орнаментальными мотивами; две капители сохранились в южном нефе, две другие — на западной стене среднего нефа. Эти орнаментальные украшения имеют ясно выраженный готический характер; мы видим листья клена, расположенные свободно, асимметрично и трактованные в реалистической манере,¹¹³ Отнести эти капители к концу XIV века невозможно. Очень близки к тартуским капителям орнаментальные мотивы третьего столба (с востока) в сооруженной в начале XIV века церкви цистерцианского монастыря в Хорине.¹¹⁴

Начатые, по-видимому, уже в первой четверти XIV века работы по сооружению продольной части тартуского собора длились — может быть, с перерывами — до второй половины того же века. В ходе работ произошли изменения в композиции плана и в характере архитектуры: архитектура столбов отличается от архитектуры боковых нефов и от деталей западной стены интерьера.

На капителях боковых нефов, а также на капителях приставленных к западной стене интерьера колонок мы видим четырехугольные призматические части высотой в 1,2 м (рис. 47). По теории О. Фреймута первый собор был построен в схеме трехнефной зальной церкви в XIV веке; эти призматические части на капителях появились по его мнению в начале XV века, когда приступили к реконструкции продольной части в виде базилики.¹¹⁵ С теорией О. Фреймута согласиться невозможно: эти призматические части конечно одновременны с пристенными колонками и их капителями. Дело в том, что такую же четырехугольную призматическую форму имела нижняя часть пристенного столба в седьмой (с запада) травее северного нефа, перестроенной в 1927 году.¹¹⁶

Интересной особенностью архитектуры среднего нефа является мотив псевдотрифория (рис. 46 и 48). Как мы на это ука-

¹¹³ Guleke, F. III, T. XIII.

¹¹⁴ Eichholz — Hoppe, III, 58, Abb. 42.

¹¹⁵ Freymuth, Ulevaade, 14.

¹¹⁶ Guleke, F. III, T. VIII, b.

47. Тарту. Деталь западной стены среднего нефа собора.

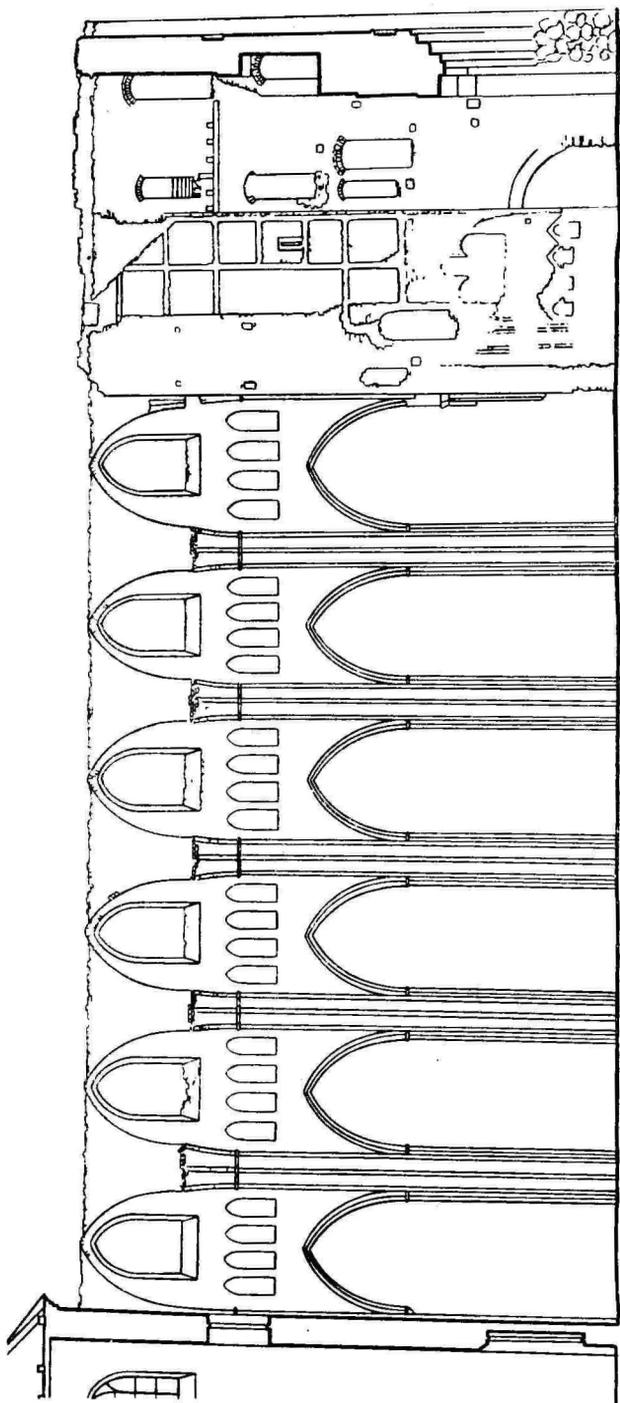
зали выше, псевдотрифорий (с помещенными в нишах фигурными изображениями) имеется и в тартуской Иоанновской церкви.

Следуя, по-видимому, теории О. Фреймута, Н. Хольст указывает на то, что пристроенные к фасаду круглые лестничные башни тартуского собора были сооружены по образцу церквей в Оливе, Пельплине и Кроне.¹¹⁷ С этим нельзя согласиться: сооружение церкви в Пельплине было окончено к 1350 году,¹¹⁸ приблизительно около этого года приступили к реконструкции пострадавшей в пожаре церкви в Оливе;¹¹⁹ церковь в Кроне по-

¹¹⁷ Holst, *Deutsche Kunst*, 10.

¹¹⁸ Gruber u. Keyser, 18.

¹¹⁹ Gruber u. Keyser, 19.

48. Тарту. Продольный разрез среднего нефа собора (обмер Я. и Э. Армолик).

строена в XIV веке.¹²⁰ Совершенно ясно, что мощные высокие многогранные башни в Пельплине и в Оливе не могут иметь абсолютно ничего общего с небольшими полукруглыми лестничными башнями в Тарту. Эти башни построены несомненно еще в XIII веке, одновременно с сооружением всего фасада и открытого притвора первого по времени собора. Таковую же башню имеет, как мы видели, сооруженная в конце XIII века Яковлевская церковь в Риге.

Третий этап в истории строительства собора — сооружение обширного нового хора. В отличие от продольной части хор этот был построен по схеме трехнефной зальной церкви; он имеет ширину, равную ширине трех нефов западной части.¹²¹ Столбы в хоре имеют такую же форму, как и столбы нефов. Хор значительно искажен перестройками и приспособлением для нужд университетской библиотеки.

При датировке хора тартуского собора все исследователи обыкновенно указывают на опубликованный Р. Гаусманном документ 1477 года, в котором говорится о «новом хоре, когда он будет окончательно выстроен».¹²² Таким образом временем сооружения хора следовало бы считать время около 1480 года. Однако несмотря на недвусмысленные данные документа, очень трудно поверить, что хор построен так поздно. Интересной особенностью хора тартуского собора является то, что в его восточной части по средней оси стоит не интерколумний, а столб. Этот мотив не встречается в кирпичной готике, но такое устройство хора имеют церкви в южной Германии и в Чехословакии. Церкви с такой композицией хора были построены знаменитым мастером П. Парлером в третьей четверти XIV века, несколько храмов такого типа построил и Г. Штетхаймер в конце XIV и в начале XV века. Композиционная близость хора тартуского собора к этим постройкам Чехословакии и южной Германии указывает на то, что соорудивший его мастер несомненно был знаком с ними. Возможно даже, что строитель хора был приглашен из Германии или Чехословакии. В связи с этим интересно указать на то, что тартуским епископом с 1379 по 1400 год был бывший тайный секретарь императора Карла IV, Дитрих III Дамеров.

Как бы то ни было, сооружение хора с такой плановой композицией в 1480 году кажется в высшей степени странным, даже если учесть обычную для Ливонии отсталость и консервативность. Несмотря на ясное указание документа 1477 года, хор нельзя отнести к концу XV века; временем его сооружения было, по-видимому, начало XV века.

¹²⁰ Dehio, Handbuch, 226.

¹²¹ Guleke, F. III, T. III, IX и X.

¹²² «In den nyen kore, so de vollenbracht utbuen sall» (Hausmann, Monstranz, 186).

Последним — четвертым этапом в истории строительства тартуского собора является сооружение двух башен в семидесятих годах XV века, по-видимому, под руководством мастеров, перестроивших мощный замок в Вастселийна.¹²³

От церкви доминиканского монастыря в Тарту до наших дней ничего не сохранилось, но она нарисована на планах XVII века; самое ясное изображение имеется на плане 1675 года. План церкви опубликован Р. Отто в его исследовании о тартуских монастырях и монастырских церквах.¹²⁴ Никаких документальных сведений о времени сооружения церкви не имеется. Контрфорсы указывают на то, что это было перекрытое сводами помещение. Контрфорсы имелись и у торцовых сторон — ясное доказательство того, что церковь была трехнефной. Она несомненно была трехнефной зальной церковью; на это ясно указывает отсутствие особого хорового помещения. По аналогии с церковью бригиттинского монастыря в Таллине можно предположить, что церковь тартуского доминиканского монастыря построена в начале XV века.

* * *

От бывшей городской церкви в Вильянди не осталось и следа. Однако известное представление об архитектуре этой церкви можно получить по планам города, нарисованным в XVII веке.¹²⁵ Судя по ним, вильяндская церковь была трехнефной постройкой, с башней, большая часть которой была встроена в продольную часть церкви. Она имела хоровую часть с многоугольным завершением и с пристроенной к северной стене небольшой ризницей. Южную и северную стену церкви поддерживали контрфорсы. По плану вильяндская церковь полностью идентична тартуским церквам — Иоанновской и Мариинской. Возможно, что она была построена работавшими в Тарту мастерами, которые соорудили и вильяндскую церковь в системе тартуских базилик. Можно предположить таким образом, что мы имеем здесь дело с одним из памятников, относящихся к тартуской архитектурной школе, о которой говорилось выше.

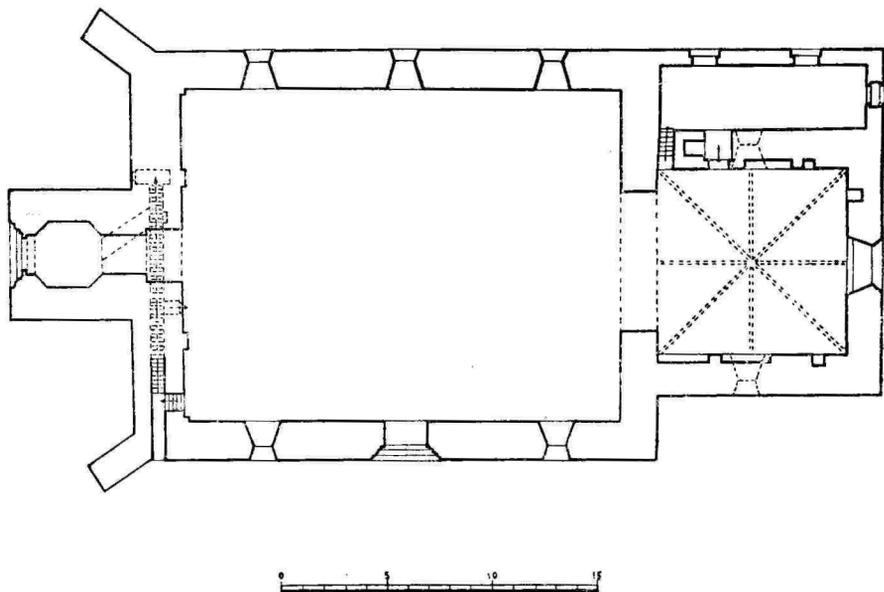
Приходские церкви южной Эстонии

Приходские церкви южной Эстонии сохранились плохо и получить ясное представление об их архитектуре невозможно. Среди церквей XIII века имелась только одна базилика — уже упомянутая выше церковь в Урвасте. Другие — церковь в Нью и церковь в Паламусе — были трехнефные зальные церкви; последняя была перестроена в XV веке.

¹²³ Tuulse, Burgen, 307.

¹²⁴ Otto, Tafel III.

¹²⁵ Löwis of Menar, Nr. 26.

49. Пайсту. План церкви (обмер Е. Саадр).

Церкви XIV века пострадали во время войн и были перестроены, однако уже по сохранившимся частям можно сказать, что за исключением сооруженной в начале XIV века однонефной церкви в Колга-Яани это были трехнефные зальные церкви. В церкви в Пайсту своды сохранились только в хоре (рис. 49). Ширина продольной части указывает на то, что здание представляло собой трехнефную зальную церковь. В западной стене интерьера сохранились нижние части пристенных столбов. В западных углах имеются столбы с простыми капителями, эти капители по стилю напоминают консоли в хоре. Хор в церкви в Пайсту квадратный и перекрыт высоким куполообразным восьмичастным сводом с нервюрами в виде валиков. Интересно отметить, что диагональные нервюры здесь более крупные, чем другие — деталь, которая имеется и в церкви в Нью.

О церкви в Пайсту говорится в составленном около 1366 года докладе о ссоре между рижским архиепископом и ливонским орденом; в докладе описываются события 1329 года, когда литовцы ограбили церковь в Пайсту,¹²⁶ о событиях 1329 года идет речь и в приложении к хронике Германа Вартбергского.¹²⁷ Эти сведения безусловно относятся к той церкви, части которой со-

¹²⁶ LUB, II, 1036, 8.

¹²⁷ *Scriptores rerum Prussicarum*, 64.

хранились до наших дней. Сходство композиции и деталей церкви в Пайсту с таковыми церкви в Нью дает основание предположить, что первая из них сооружена по образцу второй. Считаясь с известной схематизацией, можно говорить, что церковь в Пайсту построена несколько позднее церкви в Нью, т. е. приблизительно в начале XIV века.

Церковь в Тарвасту была совершенно перестроена в 1892—93 гг.¹²⁸ Известное представление о первоначальном облике церкви дает нарисованный Р. Гулке до перестройки план.¹²⁹ Судя по этому плану церковь в Тарвасту была одного типа с церковью в Пайсту, но менее широкая. Как и церковь в Пайсту, церковь в Тарвасту пострадала во время похода литовцев.¹³⁰ Эти церкви можно считать построенными одновременно.

Церковь в Хельме сильно искажена перестройкой, но сохранившиеся части свидетельствуют о ее композиционной близости к церкви в Пайсту (рис. 50). Планы этих церквей в точности совпадают (как и церкви в Нью), причем церковь в Хельме несколько больше. Своды утрачены, но хорошо сохранились пристенные столбы, похожие на таковые в Пайсту. Как и в этой последней, в церкви в Хельме имеется лестница в западной стене. По сравнению с Пайсту здесь заметно известное редуцирование форм, что позволяет датировать церковь в Хельме несколько более поздним временем.

Церковь в Сангасте построена в 1742 году на фундаментах средневековой церкви, которая, по-видимому, была похожа на церковь в Нью.¹³¹ По размерам и пропорциям хор церкви в Сангасте отвечает хору церкви в Нью. Можно предположить, что она была построена по образцу церкви в Нью, но немного позднее.

Из приходских церквей XV века ни одна не сохранилась полностью и выяснить их первоначальный облик невозможно. По сохранившимся частям можно все же констатировать, что постройки эти имеют какие-то общие черты. За исключением сооруженной в 1499 году однефной церкви в Пухья все они были несомненно трехнефные зальные церкви с очень короткой продольной частью. Одна из них была приспособлена к обороне. Ввиду плохой сохранности приходских церквей южной Эстонии невозможно установить, существовала ли какая-нибудь связь между ними и монументальными постройками Тарту или Риги.

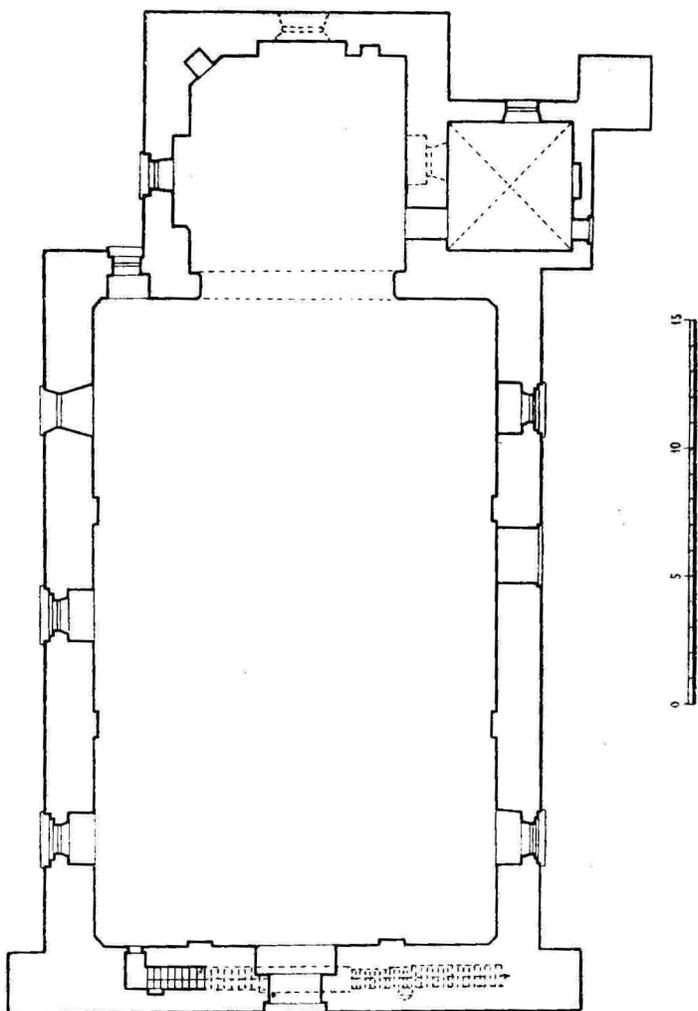
От церкви в Ранну сохранились только стены, западный портал и консоли нервюр свода, что дает возможность реконструировать первоначальный план церкви (рис. 51). Особенностью композиции этого плана является то, что отдельные нефы состояли только из двух травей; вследствие этого план приближался

¹²⁸ Gemeinden, II Bd., III, 278.

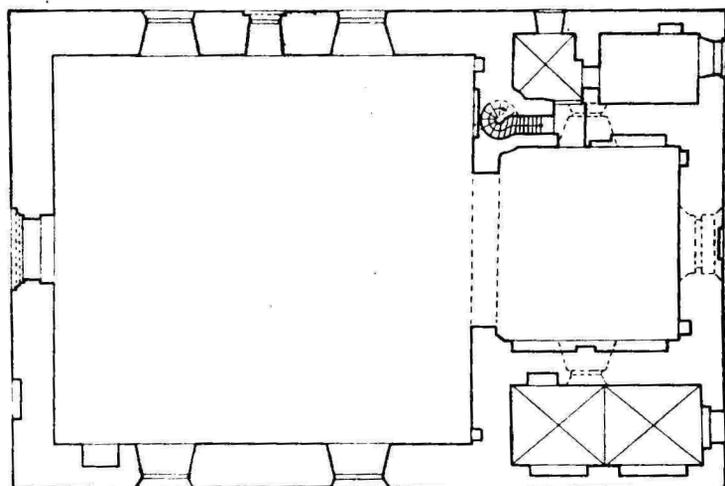
¹²⁹ Guleke, F. II, T. III.

¹³⁰ Scriptorum rerum Prussicarum, 64.

¹³¹ Guleke, F. III, T. V.

50. Хельме. План церквин (обмер Е. Саадре).

51. Ранну. План церкви (обмер Е. Саадре).

к квадрату (длина 18 м, ширина 17 м). Что касается хора, то здесь ширина превышает длину (7 м на 6,5 м). Реконструировать церковь в виде трехнефной зальной церкви можно на основании консолей, сохранившихся на западной и восточной стене церкви. Расположение этих консолей показывает, что средний неф был значительно шире боковых.

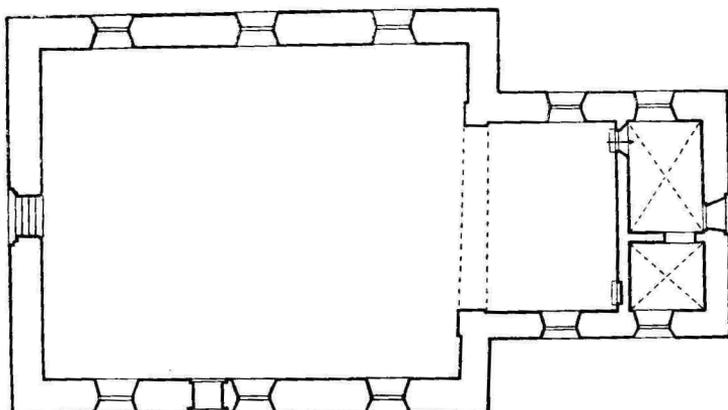
Очень интересное оформление, по-видимому, имело помещение хора. Сохранившиеся в углах хора консоли опираются на висячие колонки, которые служили опорой для нервюр, числом трех. Судя по фрагментам нервюр хор был перекрыт звездчатыми сводами.

В западной наружной стене церкви устроена большая ниша с выдолбкой для мытья рук.

Все сохранившиеся архитектурные детали указывают на то, что раннуская церковь построена в первой половине XV века.

От церкви в Карула сохранились только стены (рис. 52). По плану церковь представляет прямоугольник, близкий к квадрату (длина 21 м, ширина 17,5 м). На основании пропорций, а также на основании расположения окон можно предположить, что церковь в Карула была трехнефной зальной церковью, стремя травеями в каждом нефе. Ширину нефов установить невозможно. В углах хора сохранились следы крестовых сводов.

В стене северо-западного угла церкви устроена лестница, которая вела на своды. Она начинается на высоте пяти метров от

52. Карула. План церкви (обмер Е. Саадре).

пола. Это обстоятельство указывает на то, что в случае опасности помещение над сводами могло служить убежищем.

Как в раннуской, так и в карулаской церкви во внешней стене западного фасада имеется ниша с выдолбкой для мытья рук. Сходство с раннуской церковью указывает на то, что и церковь в Карула сооружена в первой половине XV века.

Церковь в Пыльва подверглась основательной реконструкции в 1841—45 гг., когда к существовавшему зданию была пристроена обширная новая часть.¹³² От первоначальной церкви сохранились однако башня, западный фасад, а также северная и южная стена продольной части. На основании обследования сохранившихся частей можно все же дать общую реконструкцию плана и системы постройки. Система окон продольной части старая, хотя оконные проемы значительно расширены. Продольная часть имела вид прямоугольника, очень близкого к квадрату (длина 13 м, ширина 12 м). Следы на западной стене указывают на то, что это была перекрытая сводами трехнефная зальная церковь.

В отличие от церквей в Ранну и Карула церковь в Пыльва имеет средневековую башню. Эта небольшая башня опирается своей главной массой на западную стену. В плане она не квадратная, а удлиненная с севера на юг. Особенностью башни является высокая и глубокая ниша в нижней части фасада (рис. 53). Такие башни имеют сооруженные около 1500 года однеф-

¹³² Ederma — Jaik, 121.

53. Пыльва. Западный фасад церкви.

ные церкви на о. Хийумаа и в западной части Эстонии (в Кяйна, Мартна, Кирбла и Ноароотси); такую башню получила около 1500 года и сооруженная уже раньше (в конце XIII века) церковь в Карузе. По аналогии с этими церквями сооружение церкви в Пыльва нужно отнести приблизительно к 1500 году. Что касается прообразов таких башен с глубокими нишами, то их, по-видимому, нужно искать в Вестфалии. В первую очередь надо указать на так называемую «Малую церковь» в Бургштейнфурте.¹³³

Церковные постройки Таллина и Нарвы

Таллин — центр северной Эстонии (т. е. области тесаного камня) приобрел большое значение уже в XIII веке. В середине этого века здесь началась напряженная творческая работа, в итоге которой росли и множились местные архитектурные кадры. О значении Таллина как художественного центра свидетельствует тот факт, что таллинские мастера уже в XIII веке приглашались на работу в Финляндию.¹³⁴ В XIII веке в Таллине были сооружены собор, церкви Нигулисте, Олевисте и мо-

¹³³ Ludorf — Döhmann, Taf. 11.

¹³⁴ Tuulise, Estland-Finland, 27.

настырь доминиканцев. Однако все они были позднее перестроены, так что об архитектуре XIII века в Таллине мы имеем очень смутное представление. Не лучше обстоит дело и с архитектурой XIV века. Достоверно известно лишь, что в конце XIV века церковь Пюхавайму подвергалась коренной перестройке и получила облик двухнефного помещения. В начале XIV века был построен восточный флигель женского цистерцианского монастыря, во второй половине XIV века двухнефная церковь и ряд других помещений того же монастыря.

Чрезвычайно интенсивной была строительная деятельность в Таллине в XV веке и в начале XVI века. Предпосылкой для расцвета архитектуры был рост благосостояния господствующего класса в этот период. Именно теперь почти все старые церковные постройки подверглись коренной перестройке и было сооружено новое монументальное здание монастыря св. Бригитты в Пирита.

По мнению некоторых ученых, таллинские церкви были перестроены в XV веке потому, что они пострадали во время пожара 1433 года. Как известно, 11 мая этого года в Таллине вспыхнул пожар, в котором по некоторым сведениям сгорел весь город.¹³⁵ По-видимому, мы имеем здесь дело с очень большим преувеличением. В пожаре 1433 года не пострадали ни здание Большой Гильдии, ни здание Гильдии Олеви, ни здание ратуши, ни женский цистерцианский монастырь, ни монастырь доминиканцев. Все эти постройки в 1433 году уже существовали. Как будет ниже доказано, в пожаре не пострадали ни церковь Нигулисте, ни церковь Олевисте. Ни в коем случае не мог пострадать расположенный на Тоомпеа собор.

Судя по документам в опубликованной А. Плэстерером книге о рентах, а также по данным опубликованной Е. Нотбеском книги о наследствах, экономическая жизнь города развивалась после 1433 года в прежнем темпе. Если предположить, что весь город сгорел до тла (или очень сильно пострадал), то возникает вопрос, где могли потерявшие все свое имущество и богатство, совершенно обедневшие горожане получить те громадные средства, которые понадобились для восстановления (или правильнее — для перестройки в гораздо более широком масштабе) сгоревших построек? Именно то обстоятельство, что город еще в первой половине XV века мог приступить к реконструкции монументальных построек и к сооружению новых зданий, указывает на то, что пожар 1433 года не мог причинить очень большого ущерба. К реконструкции, перестройке церквей в более монументальном виде (и в новом стиле) приступили потому, что существовавшие церкви XIII века, сооруженные еще в стиле, переходном от романского к готическому, казались устаревшими,

¹³⁵ Источники, в которых имеются сведения об этом пожаре, приведены в статье Н а u s t a n n, Silberschatz, 216.

старомодными, тесными, невзрачными, темными. Растущее благосостояние горожан создало благоприятные условия для этих обширных работ. Нужно указать еще и на то, что в XV веке велись очень интенсивные работы и в области крепостного строительства, также строились многочисленные жилые дома.

Нужно сказать, что позднеготическая архитектура Таллина несет печать неоспоримой самобытности. В церковной архитектуре, также как и в других областях строительства XV и начала XVI века, как при разработке плановой композиции, оформлении фасадов, решении проблем пространственной композиции и объемов, так и создании деталей и декоративных элементов мы видим известные особенности, которые характерны только для таллинских построек. Мы имеем полное право говорить о таллинской архитектурной школе, о специфическом таллинском стиле.

В части композиции плана и распределения помещений можно отметить в качестве особенности таллинских церквей наличие капеллы на юго-западном углу; такую капеллу имеет большинство таллинских храмов того времени (собор, церковь Нигулисте и церковь монастыря св. Бригитты в Пирита). Интересной особенностью интереса в некоторых церквях является высокая арка в восточной стене башни; пространство под башней представляет собой таким образом продолжение среднего нефа.¹³⁶

Уже во второй половине XIV века в качестве внутренних устоев в церквях северной и центральной Эстонии начинают встречаться стройные восьмигранные столбы, которые получают особое распространение в первой половине XV века. Эта форма указывает на связь со среднегерманской и западногерманской архитектурой,¹³⁷ а также с архитектурой Немецкого ордена.¹³⁸ Однако начиная со второй трети XV века в таллинской архитектуре начинают доминировать четырехгранные столбы, которые можно считать специфической особенностью таллинской школы.

Большого внимания заслуживают порталы. Характерными для таллинской готической архитектуры являются порталы, где ни отдельные колонки, ни углы откоса не имеют капителей, вместо которых мы видим импост, занимающий всю ширину откоса. Такая прямая полочка (с декором или без него) между архивольтом и профилировкой откоса впервые встречается при построенном около 1300 года северном портале церкви Нигулисте. Таллинские мастера заимствовали этот мотив из архитектуры Готланд.¹³⁹ Однако портал такого типа был полностью освоен таллинскими мастерами, прочно внедрился в таллинской архитектуре, получил многостороннее развитие и подвергся оригинальной переработке, вследствие чего его можно причислить к

¹³⁶ Tuulse, Monument, 148.

¹³⁷ Он же, Burgen, 383.

¹³⁸ Karling, Baltikum, 29.

¹³⁹ Karling, Gotland, 106.

характерным особенностям таллинской архитектурной школы. Черты самобытности очень ярко проявляются в оформлении баз и профилей порталов.

Совершенно оригинальными являются выработанные в Таллине формы консолей, а также подпружных арок и нервюр. Подпружные арки состоят иногда из двух валиков заостренного профиля, иногда же между заостренными валиками имеется круглый валик; самобытным элементом таллинской архитектуры являются также выдолбки для мытья рук, так называемые лаватории.¹⁴⁰

Выработка собственных форм не ограничилась только областью архитектуры в узком смысле: в XV и XVI вв. в Таллине и в северной Эстонии развивается местная школа декоративной скульптуры, имеющей совершенно определенные самобытные черты. По характеру она почти всегда плоскостная, сухая, четкая, иногда с оттенками жесткости и угловатости. Скульптура впрочем применяется в это время редко; это обстоятельство является также одной из особенностей таллинской школы.

Мы указали здесь только на самобытные черты культовой архитектуры; не менее ярко эти черты выступают и в других областях — в архитектуре жилых домов, общественных зданий, городских укреплений.

Выработанные в Таллине приемы композиции, формы и мотивы таллинской архитектуры мы встречаем и в приходских церквях северной и центральной Эстонии. Мало того, таллинская архитектура распространилась и за пределами Старой Ливонии. В зависимости от Таллина находилась в первую очередь Финляндия, и до некоторой степени Швеция.¹⁴¹

Строители памятников XV и XVI вв., творцы специфической таллинской архитектурной школы, были в основном местные, таллинские мастера. Центральной фигурой, ведущим мастером в начале XV века был, по-видимому, высокоодаренный и оригинальный архитектор Генрих (Хинрик) Свальберг (Свальберх, Свальбарт), которому принадлежат, кроме монастыря в Пирита, ряд других построек в Таллине (см. стр. 106). Свальберга можно считать самым значительным и влиятельным строителем Таллина, игравшим быть может ведущую роль при выработке специфических черт таллинской архитектурной школы. Одновременно со Свальбергом в Таллине работал мастер Симон, который фигурирует в списке таллинских горожан под 1411 и 1413 годом.¹⁴² Сведений о его постройках в Таллине не имеется. Можно предположить, что это был тот самый мастер Симон, который в 1431 году был приглашен в Финляндию руководить постройкой нового здания на месте сгоревшего доминикан-

¹⁴⁰ Kronqvist, Kirkkokaluston, 69.

¹⁴¹ Tuulse, Burgen, 391; он же, Estland-Finland.

¹⁴² Greiffenhagen, 2 и 3.

ского монастыря в Турку.¹⁴³ По-видимому, он принимал участие и в реконструкции собора в Турку.¹⁴⁴ Таллинский мастер Андреас фигурирует в исторических источниках в качестве строителя приходской церкви в Раквере.¹⁴⁵ Возможно, что это тот самый Андреас, который значится в списке граждан под 1411 годом.¹⁴⁶ Очень видным мастером был, по-видимому, работавший в начале XVI века Ниггельс (Никельс, Никлас, Николаус), который перестроил башню «Длинный Герман» таллинского замка, построил башню «Ландскроне» того же замка и ряд башен таллинской крепостной ограда, а потом (до 1515 года) руководил реконструкцией рижского замка.¹⁴⁷

В источниках XV и XVI вв. сохранились имена многих мастеров, но об их деятельности мы пока ничего не знаем.

Церковь Нигулисте, построенная в первоначальном виде во второй половине XIII века, была впоследствии перестроена и пострадала от военных действий в 1944 году. Облик, который церковь имела до пожара, она получила (если оставить в стороне верх башни и две капеллы северной стороны) в XV веке. Частичное восстановление первоначального облика церкви возможно все же благодаря произведенным в 1926 раскопкам и начатым в 1955 году реставрационным работам. В 1926 г. в церкви были предприняты работы по устройству центрального отопления. Раскопки, обнаружившие фрагменты фундамента первоначальной церкви, показали, что восточная часть церкви имела в XIII век другой план; хор имел ширину среднего нефа и был, следовательно, сходен с хором собора. Имел ли хор абсиду, установить не удалось. С северной стороны к хору примыкало небольшое четырехугольное помещение (ризница?). Эти раскопки показали также, что первоначальная церковь не имела узкой пристройки у третьей и четвертой травей северного нефа (рис. 54).

В ходе начатых в 1955 году реставрационных работ была удалена штукатурка внутренних стен. При этом на южной и северной стенах, а также в северной части западной стены были обнаружены следы щитовых арок, расположенных приблизительно на 3 метра ниже щитовых арок, существующих теперь. Что касается западной стены южного нефа, то здесь были обнаружены следы большой арки, указывающие на то, что вначале между нефом и пристроенной к башне капеллой не было стены. При обследовании западной стены здесь были обнаружены также остатки кронштейнов, расположенных на уровне пяты старых щитовых арок. Эти находки показывают, что построен-

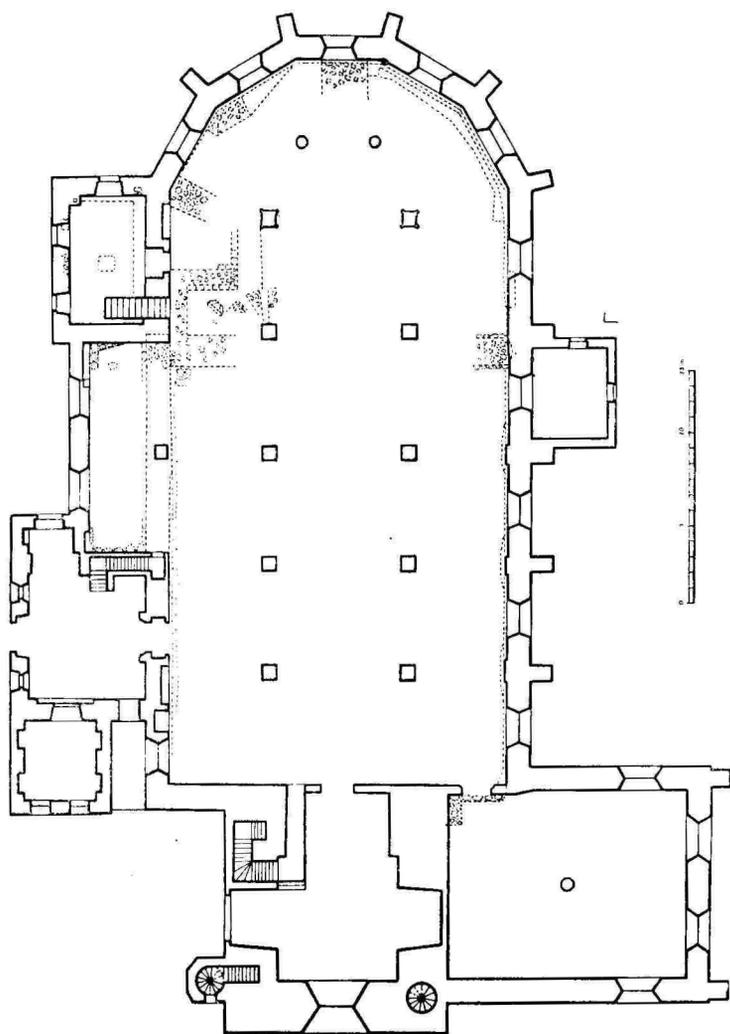
¹⁴³ LUB. VIII, 347, 436.

¹⁴⁴ Tuulse, Estland-Finland, 35.

¹⁴⁵ LUB. VII, 619, 629.

¹⁴⁶ Greiffenhagen, 2.

¹⁴⁷ LUB, Zweite Abteilung. Band 2, Nr. 642; Band 3, Nr. 116; Tuulse, Burgen, 331.

54. Таллин. План раскопок в церкви Нигулисте (обмер Н. Паульсена).

ное в XIII веке здание было довольно низкая, но необычайно широкая зальная церковь.

Сооруженная в XIII веке церковь Нигулисте служила также оборонным целям: в западной стене, на высоте приблизительно четырех метров мы видим узкое отверстие — вход на расположенную в стене лестницу, по которой можно было пройти на своды, служившие убежищем в случае опасности. Мы имеем здесь следовательно дело с очень распространенной в Старой Ливонии системой приспособления церкви к обороне. Такое устройство имеют церкви в Саласпилсе в Латвии, в Вальяла, в Каарма, в Кихельконна на о. Сааремаа, в Пюхалепа на о. Хийумаа, в замковой церкви в Хаапсалу, в Михкли, в Мярьямаа в западной части Эстонии, в Нью, в Сууре-Яани, в Пярну,¹⁴⁸ в Карула в южной Эстонии. В боковых стенах, над сводами были, по-видимому, амбразуры. Приспособление церкви Нигулисте к обороне в конце XIII века вполне понятно, так как город в то время не был еще окружен каменной стеной — работы по сооружению таллинских городских укреплений были закончены лишь в середине XIV века.

Однако церковь Нигулисте в XIII веке не служила только культовым и оборонным целям — помещением над сводами пользовались, по-видимому, также как складом. Что касается других деталей, обнаруженных в ходе реставрационных работ, то можно указать на систему окон; она была отличной от той, которую мы видим ныне: судя по сохранившимся у западного окна северного нефа следам, церковь имела небольшие сдвоенные окна.¹⁴⁹

От первоначальной церкви сохранился украшенный скульптурами северный портал, который теперь расположен в пристроенной в XV веке капелле.¹⁵⁰ С. Карлинг указывает на близость орнаментальных мотивов таллинского портала к скульптурным украшениям портала продольной части церкви в Тофта на о. Готланде, а также к некоторым другим декоративным скульптурам на о. Готланде и в Линчёпингском соборе.¹⁵¹

В источниках есть сведения о капеллах. Капелла Варвары упоминается в 1342,¹⁵² в 1359,¹⁵³ в 1390,¹⁵⁴ в 1391¹⁵⁵ и в 1398¹⁵⁶ гг., капелла Матфия в 1370,¹⁵⁷ в 1394,¹⁵⁸ в 1398¹⁵⁹ и в 1412¹⁶⁰ гг. При

¹⁴⁸ Tuulse, Karja; он же, Försvarskyrkorna.

¹⁴⁹ Rennik.

¹⁵⁰ Karling, Gotland, Fig. 46, 47, 50.

¹⁵¹ Karling, Gotland, 104; он же, Baltikum, 18.

¹⁵² LUB, II, 808.

¹⁵³ Arbusov, Nr. 1040.

¹⁵⁴ Plaesterer, Nr. 1418.

¹⁵⁵ Там же, Nr. 207.

¹⁵⁶ Там же, Nr. 1405.

¹⁵⁷ Notbeck, Das zweitälteste Erbebuch, Nr. 370.

¹⁵⁸ Plaesterer, Nr. 1432.

¹⁵⁹ Там же, Nr. 1405.

¹⁶⁰ Там же, Nr. 479.

упоминании капеллы Матфия в 1370 году указано, что она пристроена к южной стороне церкви. Однако дата сооружения этих капелл неизвестна, равно как и их точное расположение. В XIV веке была, по-видимому, построена и башня: она упоминается в документе 1407 года.¹⁶¹

В XV веке была предпринята коренная перестройка церкви, совершенно изменившая ее первоначальный облик. Работы по реконструкции начались, по-видимому, с башни; об этом свидетельствуют данные источников. В документе 1407 года, на который мы указали выше, говорится о пожертвовании для совершения служб на алтаре девы Марии при башне.¹⁶² Спустя два года, в 1409 году сказано об алтаре девы Марии под башней.¹⁶³ Это, по-видимому, еще старая башня. Однако, уже в 1411 году при упоминании алтаря девы Марии указывается, что он находится перед хором.¹⁶⁴ По-видимому, после 1409 года начались работы по перестройке башни, и алтарь девы Марии, расположенный у башни, был поставлен в помещении хора. В 1423 году магистр ордена обратился к Таллинскому магистрату с просьбой приостановить работы по сооружению башни.¹⁶⁵ По В. Нейману в 1496 году башня была временно покрыта досками.¹⁶⁶ Остается неясным, что происходило в промежуток времени с 1423 по 1496 год. В начале XVI века в башне происходили обширные и требовавшие больших расходов работы.¹⁶⁷ По-видимому, теперь ее перестроили и увеличили ее высоту.

В середине XV века приступили также к работам по перестройке продольной части и хора церкви. В результате этих работ церковь Нигулисте потеряла черты переходного стиля (исключением является лишь северный портал); она получила облик, характерный для построек таллинской школы XV века. Продольная часть сохранила прежнюю ширину, но высота ее была увеличена с перестройкой в виде базилики. Судя по следам на южной, западной и северной стене, высота боковых нефов была увеличена на 3 метра (рис. 55), а средний получил высоту, которую имел до 1944 года. С северной стороны ко второй (с запада) травее была пристроена капелла (притвор), вследствие чего северный портал оказался внутренним; при сооружении притвора, по-видимому, был сломан вимперг портала.¹⁶⁸ Северная стена в

¹⁶¹ Plaesterer, Nr. 428.

¹⁶² «60 mark ryg, de to der vicarie horen vnser vrowen altare to sunte Nyclawese by deme thorne».

¹⁶³ «De behoren to der vicarie vnser leuen vrowen to sunte Niclawese vnder deme thorne» (Plaesterer, Nr. 449).

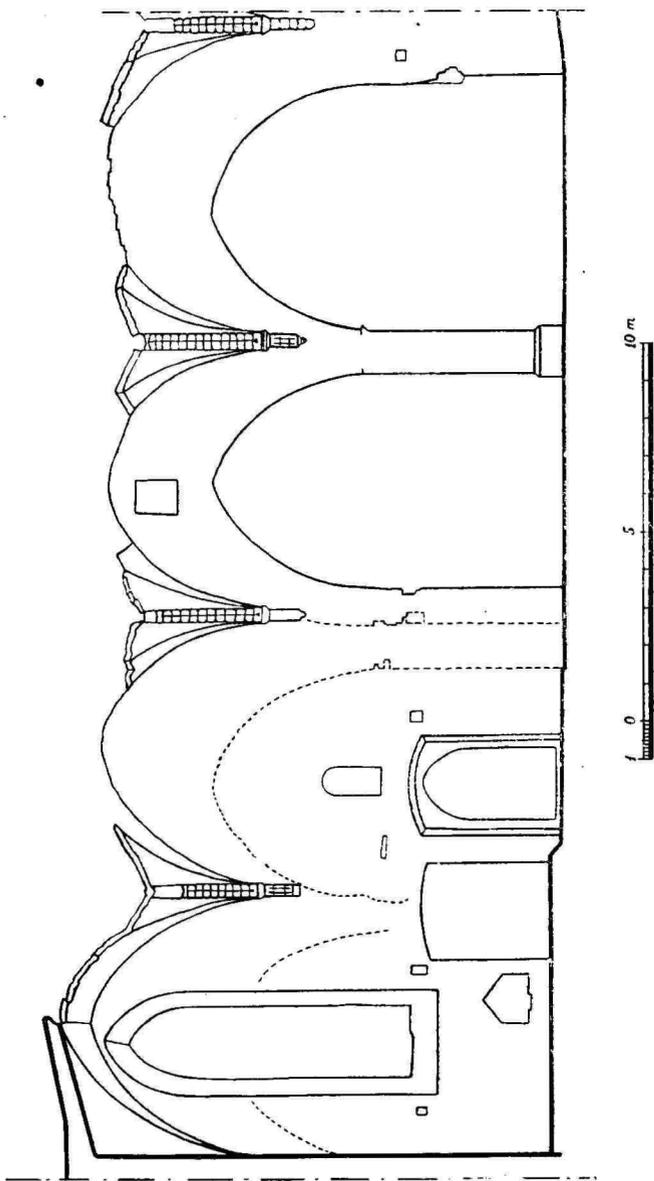
¹⁶⁴ «Und dyt vors. geld horet to der officiacien to unser leven vrouwen altare to sunte Niclawese vor deme kore» (Nottbeck, Das drittälteste Erbebuch, Nr. 641).

¹⁶⁵ LUB, V, Nr. 2704.

¹⁶⁶ Nottbeck — Neumann, II, 64.

¹⁶⁷ Данные о строительных работах имеются в церковной книге с 1465 по 1520 год. Данные эти приведены в труде Hausmann, Silberschatz.

¹⁶⁸ Karling, Gotland, 101.

55. Таллин. Северная стена среднего нефа церкви Нигулисте.

третьей и четвертой травее была пробита сооружением небольшой пристройки к ней. Вместо небольших сдвоенных окон церковь получила высокие готические окна. Старый хор был полностью снесен и на его месте построен обширный многогранный хор с деамбулаторием; ширина хора равна ширине продольной части. С северной стороны к хору была пристроена ризница, под которой имеется подвальное помещение.

Пожар 1433 года не причинил никакого ущерба церкви Нигулисте и не является причиной ее перестройки; данные источники явно противоречат этому предположению. К 1434 году относится сведение о пожертвовании для совершения служб на алтаре Маргариты,¹⁶⁹ в 1437 году упоминается викария в церкви Нигулисте,¹⁷⁰ в том же году опять алтарь Маргариты;¹⁷¹ в 1440 году говорится о пожертвовании денег на алтарь Блазия,¹⁷² в 1447 году о пожертвовании денег для совершения служб на алтаре Варвары.¹⁷³

Как мы уже указали выше, реконструкция была предпринята, по-видимому, потому, что прежнее здание уже не удовлетворяло прихожан. Поскольку богатство бюргеров росло, в денежных средствах не было недостатка. Нужно сказать, что церковь Нигулисте получала огромные доходы в виде пожертвований и из других источников. Доходы эти в конце средневековья увеличивались из году в год. В 1470 году они составляли примерно 300 марок в год,¹⁷⁴ с 1489 по 1499 год поднялись до 530 марок,¹⁷⁵ а с 1499 по 1512 г. составляли 496 рижских марок в год.¹⁷⁶

Работы по перестройке церкви начались, по-видимому, в третьей четверти XV века. В упомянутой выше приходо-расходной книге с 1465 по 1472 год имеются записи о больших расходах на строительные работы.¹⁷⁷ Хотя более старых сведений не сохранилось, можно предположить, что работы начались уже раньше.

Что перестройка происходила именно в третьей четверти XV века, на это указывают и другие обстоятельства: судя по данным той же церковной книги, церковь именно в 70-ых и 80-ых годах расходует значительные суммы на приобретение нового инвентаря; явно, что приход хотел обставить новую монументальную церковь ценным оборудованием и предметами культа. В 1474 году виднейший таллинский золотых дел мастер Ханс Риссенберх старший вычеканил для церкви большую золоченую дароносицу, за

¹⁶⁹ Nottbeck, Das drittälteste Erbebuch, Nr. 1081.

¹⁷⁰ Там же, Nr. 1148.

¹⁷¹ Там же, Nr. 1157.

¹⁷² Nottbeck, Das drittälteste Erbebuch, Nr. 1184.

¹⁷³ Plaesterer, Nr. 980.

¹⁷⁴ Hausmann, Silberschatz, 248.

¹⁷⁵ Там же, 261.

¹⁷⁶ Там же, 262. По подсчетам Гаусмана одна рижская марка равнялась в 1898 году десяти рублям золотом.

¹⁷⁷ Там же, 236.

которую была уплачена 761 рижская марка.¹⁷⁸ В 1476 году в Любеке у известного мастера Хермена Роде был заказан монументальный складной алтарь, который был привезен в Таллин в 1482 году; за него заплатили 1250 марок.¹⁷⁹ В 1481 году было заплачено 500 марок за орган в хоре,¹⁸⁰ в том же году мастер И. Вовсак получил 530 марок за икону Марии, а в 1489 году мастер Херман Стюве из Висмара получил 1575 марок за большой орган.¹⁸¹ Мы упомянули здесь лишь наиболее крупные суммы, которые уплатили за инвентарь.

По сооружении продольной части приступили к постройке новых капелл, так-как при строительных работах некоторые старые капеллы пришлось сломать. В 1489 упоминается капелла Матфия, «расположенная под башней».¹⁸² Это была, по-видимому, капелла, примыкавшая к башне с северной стороны (до перестройки капелла Матфия, как мы видели, была расположена с южной стороны церкви). Капеллы под башней больше нет, но сохранились следы, указывающие на то, что она здесь была. На северной наружной стене башни сохранилась консоль, похожая на консоль на северной стене пристроенной к башне с юга Антониевой капеллы;¹⁸³ обе консоли расположены на одной высоте. Есть основание думать, что капелла Матфия была сходна с Антониевой капеллой и сооружена одновременно с ней.

Можно предположить, что капелла Матфия была сломана в 1505 году, когда началась реконструкция башни и надо было предпринять работы по укреплению фундамента северной стороны башни. В церковной книге имеется запись, которая указывает на это.¹⁸⁴

Не исключена, конечно, и возможность, что капелла Матфия была сломана в конце XVII века, когда в связи с новой реконструкцией башни происходили и работы по укреплению фундамента.

До сооружения капеллы Матфия у северной стороны башни никакой пристройки не было. На это указывает северный портал башни.¹⁸⁵ Этот богатый портал ни в коем случае не мог быть внутренним порталом. Он построен, по-видимому, одновременно с башней — в начале XV века. Нужно сказать, что этот портал является уникальным в средневековой архитектуре Эстонии.

¹⁷⁸ Hausmann, Silberschatz, 232; он же, Monstranz, 165.

¹⁷⁹ Hausmann, Silberschatz, 232.

¹⁸⁰ Там же, 238.

¹⁸¹ Там же, 248.

¹⁸² «belegen under dem kloektoeren» (Hausmann, Silberschatz, 249).

¹⁸³ Guleke, F. IV, T. IX, с.

¹⁸⁴ «Anno [150] 5 14 dage na pinxsten late wy beseyn dat fundament van dem torne an der norden side. De torne licht up dem drecke und licht up eynem vaden na nicht deep up dem fundament- so dat da neyn raet is up to buwende» (Hausmann, Silberschatz, 285).

¹⁸⁵ Guleke, F. IV, T. IX, с.

В 1492 году заканчивается строительство «новой капеллы», пристроенной к южной стене башни; это, по-видимому, капелла, известная под названием Антониевой капеллы.¹⁸⁶

В 1488 году упоминается в источниках капелла Варвары,¹⁸⁷ в 1488 году, в 1516 году капелла Юргена.¹⁸⁸ Возможно, что одно из этих названий носила сооруженная перед северным порталом капелла.

Церковь Олевисте упоминается несколько раз в источниках XIII века — в 1267,¹⁸⁹ в 1283¹⁹⁰ и в 1287¹⁹¹ гг. Однако от этой постройки XIII века до нашего времени, по-видимому, ничего не сохранилось. Современный вид она получила лишь после перестройки в XV и XVI вв.¹⁹² Данные источников проливают известный свет на историю строительства здания в XV и XVI вв.; получить же ясное представление об архитектуре здания до этой перестройки, к сожалению, уже невозможно.

После пожара 1820 года в помещении хора был найден круглый замковый камень с изображением ангела; ангел держит в руках ленту с высеченной на ней датой 1330 (рис. 56). Совершенно обосновано предположение о том, что эта дата знаменует конец важного периода в истории строительства.¹⁹³ С. Карлинг утверждает, что эта законченная (либо перестроенная или достроенная) в 1330 году церковь была трехнефной зальной церковью, продольная часть которой по ширине была равной хору.¹⁹⁴ С мнением С. Карлинга можно полностью согласиться.

В интерьере церкви Олевисте бросается в глаза то обстоятельство, что продольная часть очень плохо связана с хором: между продольной частью и хором находятся два пилона, служащие столбами триумфальной арки; на эти пилоны опираются продольные подпружные арки среднего нефа, а с восточной стороны подпружные арки хора (рис. 58 и 59). Пролеты арок между хором и продольной частью очень узкие: при общей ширине хора в 20 метров, ширина пролетов составляет 13,5 метров. Эти пилоны заслоняют свободный вид из продольной части в хор. Ответ на вопрос, почему построены эти пилоны, дают два рисунка известного таллинского художника К. Унгерн-Штернберга, изобра-

¹⁸⁶ Nottbeck — Neumann, II, 63. Антониева капелла, которая упоминается в 1442 году (LUB, IX, Nr. 911), не была капеллой церкви Нигулисте, как ошибочно указано в труде Нотбека и Неймана (стр. 63), а была расположена вне городской ограды, на Тынисмяги.

¹⁸⁷ Hausmann, Silberschatz, 246.

¹⁸⁸ Там же, 246 и 304.

¹⁸⁹ LUB, I, 404.

¹⁹⁰ LUB, I, 485.

¹⁹¹ LUB, I, 515.

¹⁹² Церковь Олевисте сгорела в пожаре 1820 года, уничтожившем верх башни, крыши, все деревянные части и убранство. Она была восстановлена в 1840 году. Своды хора от пожара не пострадали, но своды среднего нефа и капеллы Марии были возобновлены в прежнем виде (Hansen, 13).

¹⁹³ Nottbeck — Neumann, II, 101; Karling, Marienkapelle, 98.

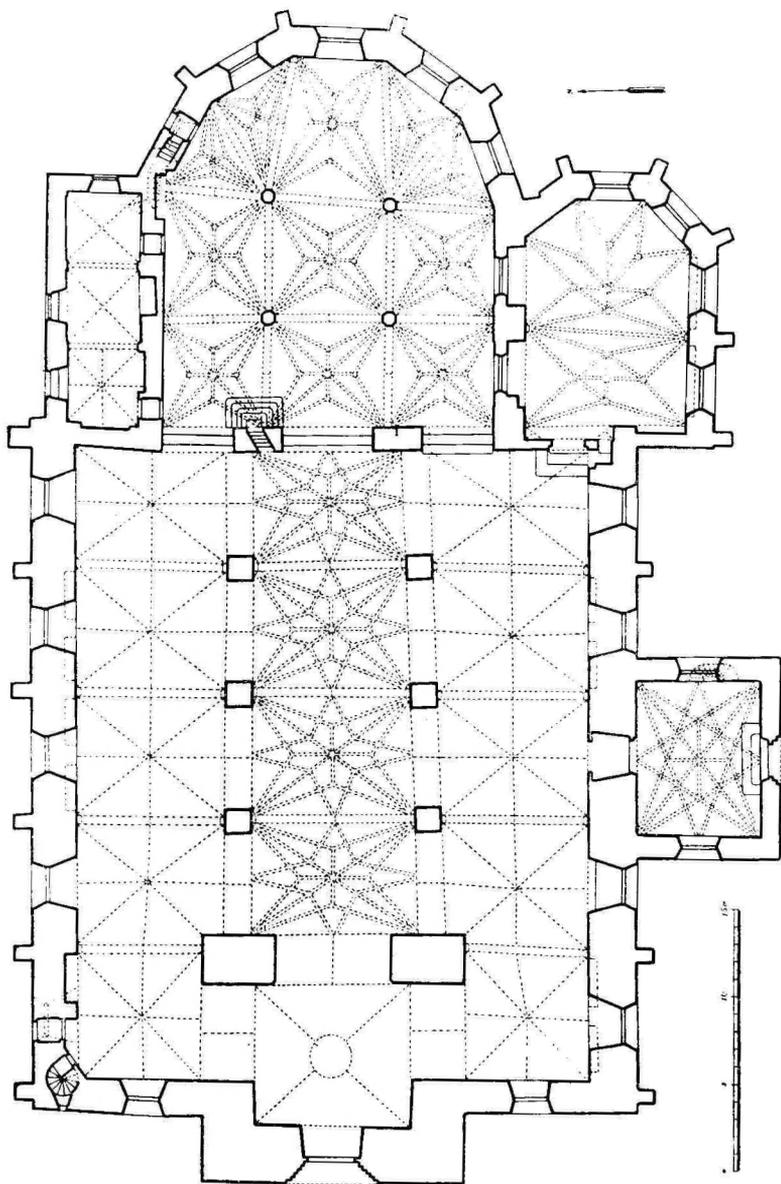
¹⁹⁴ Karling, Marienkapelle, 98.

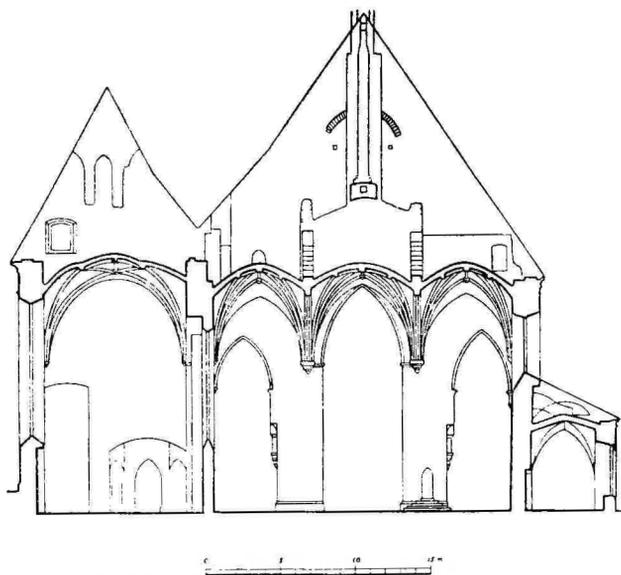
56. Таллин. Замковый камень из церкви Олевисте.

57. Таллин. Замковый камень из церкви Олевисте.

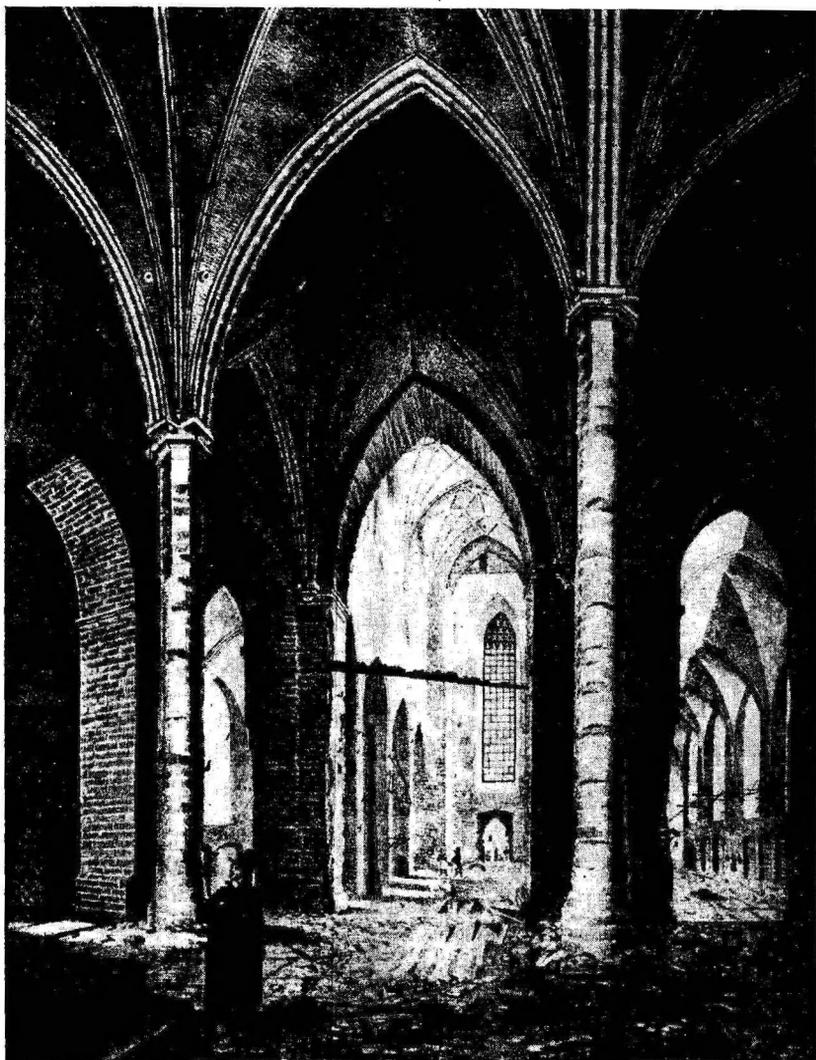
58. Tallinn. План церкви Оленюксте (обмер О. Громана).

59. Таблиц. Поперечный разрез хора и капеллы Марии церкви Олевисте (обмер О. Громана).

жающие интерьер церкви после пожара 1820 года. На одном из них нарисован вид, открывавшийся из хора в средний неф и северный, на другом — вид из северного нефа в хор. Оба рисунка отличаются большей точностью и могут рассматриваться как очень достоверные документы. В пожаре отвалилась покрывавшая стены штукатурка и обнаружилась старая кладка, швы и пазы. Художник зафиксировал их очень детально и добросовестно. На рисунке с изображением хора ясно видно, что оба столба триумфальной арки состоят из двух вертикальных частей. Пролеты арок боковых нефов были вначале, по-видимому, немного более высокими (рис. 60). Судя по рисунку, изображающему вид из северного бокового нефа в хор, такой же шов имелся и в западной стороне столбов триумфальной арки. На рисунке, изображающем северный столб, также видно, что эти две вертикальные части столба прикреплены одна к другой железными пирами (рис. 61).

Эти рисунки указывают на то, что церковь Олевисте в средние века неоднократно перестраивалась. Изображенная на рисунке с видом интерьера хора западная стена несомненно была вначале внешней стеной церкви. Эта первая по времени церковь, которая упоминается уже в 1267 году (см. выше), имела ширину существующего ныне хора (19,8 м). Возможно, что ее длина отвечала длине нынешней продольной части, т. е. отдельные нефы имели длину пяти травей. По схеме она была, конечно,

60. К. Унгерн-Штернберг: Вид из хора церкви Олевисте после пожара 1820 года.

трехнефной зальной церковью. Эта первая церковь, по-видимому, не имела отдельного хорового помещения; на рисунке 1820 года во всяком случае мы не видим ничего, что указывало бы на его существование. Нужно сказать также, что средняя арка ввиду своей чрезвычайной высоты тоже не может считаться триумфальной аркой.

61. К. Унгерн-Штернберг: Вид из северного нефа церкви Олевисте после пожара 1820 года.

Эта сооруженная во второй половине XIII века церковь была перестроена. Восточная стена церкви была пробита с устройством в ней пролетов трех стрельчатых арок; церковь получила с восточной стороны пристройку в виде нового трехнефного хора. Как на это указывают видные на рисунках 1820 года швы, пролеты боковых нефов были значительно шире и выше ныне существующих.

Можно предположить, что эта перестройка церкви Олевисте была закончена в 1330 году. Как будет показано ниже, хор церкви Олевисте был снова перестроен в двадцатых годах XV века. На звездчатых сводах нового хора сохранились украшенные скульптурами замковые камни; они имеются во всех местах, где соединяются лучи звезд. Большинство из них украшено орнаментом растительного и абстрактного мотивов, но имеются и замковые камни с изображениями фигур: «Спаса нерукотворного», символов евангелистов, ангелов, держащих в руках ленту с надписью. Из этих замковых камней несомненно только часть изваяна в начале XV века; большинство из них, по-видимому, украшали старый хор и были использованы при реконструкции церкви в начале XV века.¹⁹⁵ Сюда относится найденный после пожара 1820 года камень с изображением ангела и датой 1330 года (рис. 56) и совершенно идентичный ему камень, который и поныне украшает свод хора (рис. 57). На время около 1330 года указывает камень с семиконечными звездами; такой же мотив встречается в Иоанновской церкви в Тарту, сооружение которой относится к тому же времени. Началом XIV века можно датировать и камень с изображением дубовых листьев и желудей.

В шельге восточной трапеи среднего нефа хора имеется четырехугольный рельеф с изображением норвежского короля Олафа II Гаральдсона («святого»), которому посвящена церковь Олевисте (рис. 62). Этот рельеф уже по своей форме не может считаться замковым камнем. Можно предположить, что он украшал вначале стену (или портал) церкви и лишь впоследствии был использован в качестве замкового камня. Поскольку он изображен бородатым, к началу XIV века его отнести нельзя (см. стр. 61).

По неизвестным нам причинам этот законченный в 1330 году хор в начале XV века был снесен и на его месте был построен новый, сохранившийся до наших дней хор в системе трехнефной зальной церкви. Своды этого просторного и светлого хора опираются на очень стройные восьмигранные столбы. Все детали носят печать специфического таллинского архитектурного стиля. По С. Карлингу новый хор был сооружен около 1400 года.¹⁹⁶ На основании архивных данных имеется возможность уточнить время сооружения хора. В 1422 году строительные работы были уже в полном ходу, как на это указывает запись от 21 августа в книге закладов. По данным этой записи члены городского магистрата Йоган ван деме Холте и Арнд Заффенберх, бывшие старостами церкви Олевисте, жалуются, что строительство церкви требует больших средств, чем те, которые были выделены магистратом; они просят разрешения занять еще 300 рижских марок под заклад цер-

¹⁹⁵ Нужно сказать, что никаких замковых камней начала XV века в Эстонии не сохранилось.

¹⁹⁶ Karling, Marienkapelle, 98.

62. Таллин. Рельеф с изображением св. Олая на своде хора церкви Олевисте.

ковных драгоценностей.¹⁹⁷ Эта очень значительная по тому времени сумма (см. стр. 90) указывает на весьма обширный характер работ. На это указывает и надпись (или примечание) к приведенной записи; в этой надписи говорится о трудной работе: «Церковь святого Олая и опекуны трудных строительных работ».¹⁹⁸ На основании этого документа можно предположить, что работы по сооружению хора начались около 1420 года.

Новый хор был несомненно готов уже в 1425 году. На это указывает письмо любекского магистрата от 5 сентября 1425 года, в котором говорится о надгробной плите любекского ратмана Иоганна Люнебурга. Люнебург умер в Таллине в 1373 году и был погребен в хоре церкви Олевисте. Во время работ по сооружению хора надгробный камень Люнебурга был удален, и по окончании работ не был поставлен в хор; церковный совет требовал повторной уплаты за место погребения. Любекский магистрат в своем письме обращается к таллинскому магистрату с просьбой, чтобы надгробная плита Люнебурга, ввиду его больших заслуг, была поставлена в хор безвозмездно.¹⁹⁹ Вопрос о вод-

¹⁹⁷ Nottbeck. Das drittälteste Erbebuch, Nr. 890.

¹⁹⁸ «Sunte Olavus kerke und vormunder des swaren gebuwetes.»

¹⁹⁹ LUB, VII, 344.

ворении плиты на старом месте не мог, конечно, возникнуть во время строительных работ. Совершенно ясно, следовательно, что в 1425 году сооружение нового хора было закончено.

Постройка нового хора была лишь первым этапом в истории полной реконструкции церкви в конце средневековья. Вскоре после окончания работ по сооружению хора приступили к перестройке продольной части и башни. В отличие от хора новая продольная часть была сооружена в виде обширной базилики с очень высоким средним нефом. Устои здесь не стройные восьмигранные, а довольно массивные четырехгранные столбы.

Полагают, что церковь Олевисте пострадала в пожаре 1433 года и что именно это обстоятельство и послужило толчком к сооружению новой продольной части.²⁰⁰ Это утверждение не обосновано — в пожаре 1433 церковь Олевисте не пострадала. Судя по записи в городской книге закладов 21 августа 1433 года Хинрик Стипелл жертвует деньги на чтение заупокойной молитвы на алтаре Антония,²⁰¹ 16 апреля 1434 года говорится о викаррии для алтаря Доротей,²⁰² 14 июня 1437 года Ханс Герделлаге жертвует 150 марок для службы на алтаре Антония,²⁰³ 12 июля того же года Бертольт Снелле жертвует деньги на чтение молитвы на алтаре Стефана.²⁰⁴ Можно предположить, что к перестройке продольной части решили приступить по тем же причинам, по каким был сооружен и новый хор: первоначальную старомодную небольшую церковь в стиле ранней готики хотели заменить новой, обширной, монументальной постройкой.

Сооружение продольной части происходило, по-видимому, с 1437 по 1450 год. Об интенсивном строительстве именно в эти годы свидетельствуют многочисленные записи и отчеты попечителей церкви; эти отчеты хранились в таллинском городском архиве и были использованы А. Ф. Ховеном в его статье о церкви Олевисте.²⁰⁵ На данные этих источников указывает и С. Карлинг в цитированном выше труде о Мариинской капелле при церкви Олевисте.²⁰⁶ Об этом свидетельствуют и опубликованные источники. В 1439 году Иоган Олдендорпе и его супруга Элзебен жертвуют церкви Олевисте 700 рижских марок,²⁰⁷ в 1442 году Герд ван Линден завещает на строительство церкви Олевисте 150 рижских марок.²⁰⁸

²⁰⁰ Karling, Marienkapelle, 98.

²⁰¹ Nottbeck, Das drittälteste Erbebuch, Nr. 1063.

²⁰² Там же, Nr. 1077.

²⁰³ Plaesterer, Nr. 880.

²⁰⁴ Nottbeck, Das drittälteste Erbebuch, Nr. 1144.

²⁰⁵ Howen, 5.

²⁰⁶ Эти документы (по изданному в 1896 году Г. Ф. Ганзеном печатному каталогу таллинского архива А. d. 13. 5) были в 1944 году увезены в Германию и автор не имел возможности ознакомиться с ними.

²⁰⁷ Plaesterer, Nr. 904.

²⁰⁸ LUB, IX, Nr. 911.

Когда приступили к перестройке хора, по-видимому, не было еще намерения перестроить и продольную часть, так как подпружные арки среднего нефа хора опираются на восточную пару столбов продольной части старой церкви (рис. 58 и 60). Когда же начали сооружение новой продольной части, оказалось невозможным сломать эту последнюю пару столбов среднего нефа, так как своды хора лишились бы опоры. Эти столбы сохранились в качестве столбов триумфальной арки, но к северному столбу пристроили с северной стороны часть, равную по объему столбу; такую же вертикальную часть пристроили и к южному столбу (рис. 58—61). Эти пристроенные части прикрепили пиронами к существовавшим уже столбам. На эти новые пристроенные части триумфальной арки можно было теперь опереть последние аркады сооружаемого среднего нефа, который был таким образом немного расширен по сравнению со старым. Так возникли эти чрезмерно широкие столбы триумфальной арки, которые в значительной мере закрывают вид в хор. Сама триумфальная арка оказалась слишком узкой, и вся пространственная композиция получилась неудовлетворительной. К реконструкции продольной части решили приступить с целью сделать ее более просторной и придать ей монументальный облик. Боковые нефы были расширены, они получили ширину, почти равную ширине среднего нефа, а средний неф построили очень высокий (31 м.). Однако эта высота среднего нефа не гармонирует с его шириной.

План продольной части церкви Олевисте отличается неправильностью: средний неф не имеет одинаковой ширины на всем своем протяжении, а расширяется к западу; разница в ширине превышает метр. Боковые нефы, напротив, суживаются в западном направлении (рис. 58). При сооружении новой продольной части, как мы указали выше, невозможно было увеличить еще больше ширину среднего нефа в восточной части. Придать среднему нефу более просторный вид оказалось возможным только увеличив его ширину в западном направлении.

Архитектурные детали интерьера церкви Олевисте имеют большое сходство с деталями церкви Нигулисте и монастырской церкви в Пирита. Особенно близки детали хора к деталям этой последней церкви.

Одновременно с продольной частью был сооружен притвор с южной стороны церкви, несколько перестроенный при реконструкции церкви после пожара 1820 года.

Башня церкви Олевисте упоминается впервые в 1364 году. Она не имеет, конечно, ничего общего с ныне стоящей башней, сооруженной одновременно с продольной частью. Башня соединена с средним нефом аркой на высоте его свода. Таким образом средний неф и нижняя часть башни, освещенная громадным окном, представляли собой одно обширное помещение (рис. 60); такое устройство, как мы указали выше, является одной из осо-

бенностей таллинской архитектурной школы. Неизвестно, когда были закончены работы по сооружению башни. В XVI веке указывается на покрытие шпиля свинцом.

Последним этапом в истории строительства церкви Олевисте в средние века является сооружение капеллы Марии в 1512—1523 гг. На основании богатого архивного материала С. Карлинг написал исследование об истории постройки этой капеллы, являющейся, по-видимому, уже третьей по времени капеллой, носящей такое название. Капелла Марии при церкви Олевисте впервые упоминается в 1404 году.²⁰⁹ Конечно, она была снесена при реконструкции церкви Олевисте в XV веке, после чего была построена новая капелла. Именно об этой капелле идет речь в написанном на латинском языке документе, выданном по просьбе попечителей церкви двенадцатью кардиналами в Риме 3 мая 1509 года. Кардиналы обещают на известный срок отпущение грехов всем, кто в известные дни будут там молиться, сделают пожертвование или будут заботиться о капелле.²¹⁰

Приведенные здесь отрывки совершенно ясно говорят о капелле Марии как о существовавшей уже в 1509 году; в документе нет ни слова об оказании помощи для сооружения новой капеллы, как утверждает Карлинг.²¹¹ Неизвестно, где была расположена эта (по времени вторая) капелла Марии.

Построенная вестфалийскими мастерами ныне стоящая третья капелла Марии является последним памятником монументальной церковной готической архитектуры в Эстонии. В результате начавшейся несколько лет спустя реформации Ливония отпала от католической церкви. Реформация знаменует собой и конец развития готической архитектуры. Внешняя архитектура капеллы Марии отличается исключительной изысканностью и богатством позднеготических деталей, тонкостью и мастерством обработки, не имеющих никаких аналогий в средневе-

²⁰⁹ Nottbeck, Das drittälteste Erbebuch, Nr. 528.

²¹⁰ «Cupientes igitur capella beate Marie virginis sita in parochiali ecclesia sancti Olavi civitatis Revaliensis... congruis frequentetur honoribus et a christifidelibus jugiter veneretur ac in suis structuris et edificiis debite reparatur, conservetur et manuteneatur, nec non libris, calicibus, luminaribus, ornamentis ecclesiasticis ac rebus aliis divino cultui inibi necessariis decenter muniantur utque christifideles ipsi eo libentius devotionis causa confluant ad eandem ecclesiam recreationem, conservationem manutentionem ac munitionem hujusmodi manus promptius porrigant adjutrices... omnibus et singulis utriusque sexus christifidelibus vere penitentibus et confessis, qui dictam capellam in singulis videlicet assumptionis et presentationis beate semper virginis Marie et sancti Laurentii martiris ac sancti Olavi ipsiusque ecclesie dedicationis festivitatis seu diebus a primis vespers usque ad secundas vespers inclusive devote visitaverint annuatim et ad premissa manus porrexerint adjutrices...» (LUB, Zweite Abteilung, Bd. 3, Nr. 603).

Цветная репродукция этого написанного на пергаменте и богато украшенного фигурами и орнаментами документа имеется в книге: Eesti rahva ajalugu I. Toimetanud: J. Libe, A. Oinas, H. Sepp, J. Vasar. Tartu 1932, Tahv. XXXI.

²¹¹ Karling, Marienkapelle, 106.

ковой архитектуре Эстонии. Однако нужно указать на то, что в истории развития самобытных черт средневековой архитектуры Эстонии капелла Марии никакой роли не играет; она является как бы инородным телом, чем-то наносным, импортированным. Призванные из Германии мастера, работавшие в Таллине недолгое время, не считались с местными традициями. Можно также предположить, что выработанные в XV веке приемы и традиции культовой архитектуры к началу XVI века отжили свой век, устарели, а новых таллинские мастера не были в состоянии создать. Приезжим мастерам не на что было опереться, и они применяли формы и приемы, выработанные у них на родине. Не говорит ли самый факт призвания мастеров извне об ослаблении творческой деятельности в Таллине?

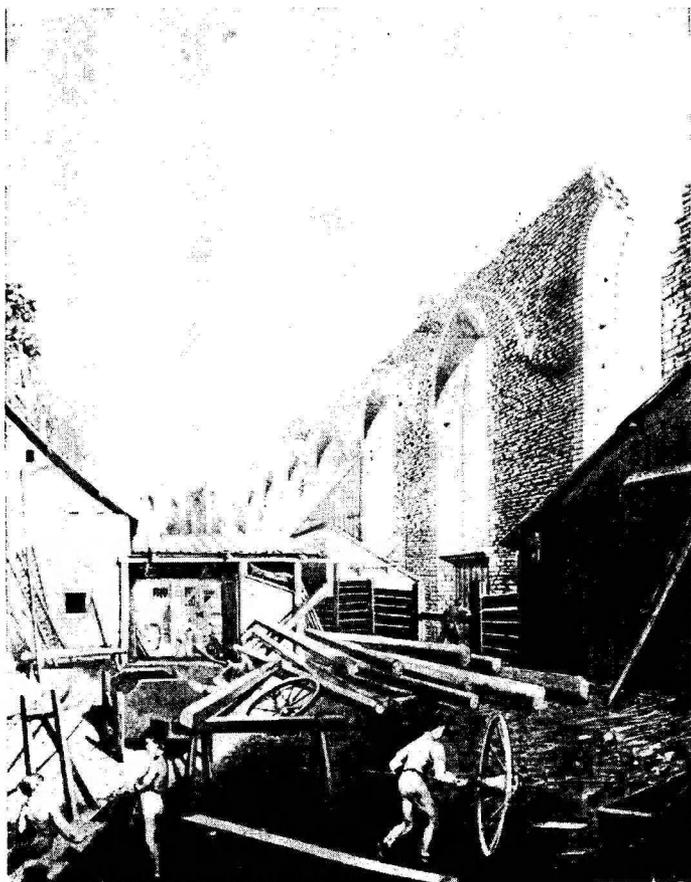
Окончательно обосновавшиеся в 1246 году в нижнем городе монахи построили здесь, по-видимому, уже во второй половине XIII века монастырь доминиканского ордена с Екатерининской церковью. Монастырь неоднократно перестраивался и достраивался уже в средние века и пострадал в пожаре 1531 года. Сохранившиеся остатки были в течение последующих веков частью снесены, частью перестроены, так что получить ясное представление об ансамбле монастырских построек в наши дни уже невозможно. Монастырь был обследован и обмерен в 1924 году Э. Кюнертом (см. Литературу).

От сооруженной во второй половине XIII века монастырской церкви сохранилась небольшая часть южной стены. К XIII веку несомненно относятся два ряда замурованных впоследствии полуциркульных проемов.²¹² От этого времени сохранилась и восточная часть северной стены: и здесь имеются полуциркульные ниши, по размерам и по расположению соответствующие нишам в южной стене церкви. Важно отметить также, что примыкающие к северной стене помещения не связаны с этой стеной; ниши северной стены лежат выше сводов подвала новой пристройки к северной стене и видны из этой пристройки.

В начале прошлого века И. К. Э. Унгерн-Штернбергом был нарисован внутренний вид церковных руин (рис. 63). Судя по этому рисунку все окна южной стены, в том числе и два последних (восточных) имели стрельчатое завершение. Таким образом совершенно ясно, что части двух замурованных оконных проемов в третьем верхнем ряду южной стены²¹³ не относятся к церкви XIII века, а ко времени ее перестройки около 1400 года. Что касается замурованных полуциркульных проемов во втором ряду, то это, конечно, бывшие окна южного нефа церкви XIII века. Незначительная высота этих окон ясно указывает на то, что церковь XIII века была базиликой.

²¹² Kühnert, Abb. II.

²¹³ Там же, Abb. II.

63. К. Унгерн-Штернберг. Вид развалин церкви доминиканского монастыря в Таллине в начале XIX века (акварель).

В конце XIV и начале XV века происходила перестройка всего ансамбля монастырских сооружений. О причинах, побудивших приступить к перестройке, мы ничего не знаем. Сохранившийся от 1397 года документ указывает на то, что очередным вопросом было окончание постройки фасада и сооружение башни и дормитория.²¹⁴ Работы по перестройке монастыря были обширны и продолжительны. Еще в 1414 году работы были в полном ходу, как на это указывает один документ. Этот документ — соглашение между настоятелем монастыря, с одной стороны, и с опекунами вдовы Хинрика Луббеке и ее внучат, — с

²¹⁴ LUB, IV, Nr. 1448.

другой стороны. Согласно этому документу монастырю было разрешено построить в смежном с монастырем саду и во дворе дома вдовы Луббеке восемь контрфорсов как опор стен монастырской церкви.²¹⁵ От контрфорсов до наших дней ничего не сохранилось и неясно, где они были расположены. Неизвестно и время окончания работ по перестройке монастыря.

Можно предположить, что перестроенная в более обширном виде монастырская церковь была трехнефной зальной церковью. На это указывает с одной стороны значительная высота абсиды и равная ей высота боковых нефов (около 15 метров), с другой стороны — не очень большая ширина церкви (18,5 метров).²¹⁶ Что касается устоев, то вряд ли они были квадратные, как полагает Э. Кюнерт.²¹⁷ Они были, конечно, восьмигранные, как и столбы в других сооруженных в начале XV века помещениях — в хоре церкви Нигулисте, в монастырской церкви Пирита, в нарвской церкви и др.

В архитектуре церкви таллинского доминиканского монастыря есть черты типичные для большинства культовых сооружений нищенствующих орденов. Сюда относятся отсутствие трансепта и монументальной башни, а также значительная вытянутость плана. Характерным для церквей доминиканского ордена является очень длинный хор. Это удлинение хора достигалось двумя способами. В первом случае к среднему нефу пристраивали очень длинный хор, где число травей доходило до шести. Другой прием устройства длинного хора состоял в том, что восточную часть среднего нефа отделяли от боковых нефов стенами, то есть хор встраивали в помещение церкви.²¹⁸ Именно такое устройство хора, по-видимому, было в церкви таллинского монастыря.

Можно предположить, что эта церковь принадлежала к числу самых значительных памятников самобытной таллинской архитектурной школы. Особого внимания заслуживают западные порталы.²¹⁹ Главный портал — первый по времени из сохранившихся готических порталов Таллина. По богатству и изяществу деталей, а также по мастерству работы он является самым замечательным из всех таллинских порталов. В 1954 году в impostaх откосов были обнаружены замазанные известью фрагменты скульптурных фризов, состоящих из ряда изображений сказочных зверей.

В 1436 году была закончена постройка монастыря бригиттинского ордена в Пирита. Детальный анализ

²¹⁵ «Dat de prior vnd dat couent und de vormundere leggen möggen und scholen 8 pylre in der vrouwen garden vnd eren hoff vmme stuttynge willen der hilgen kerken to all erem willen» (Plaesterer, Nr. 513).

²¹⁶ Kühnert, Abb. 23.

²¹⁷ Там же, 39.

²¹⁸ Schmitt, II, 400.

²¹⁹ Kühnert, Abb. 3—6.

чрезвычайно сложной истории сооружения этого замечательного памятника дан Б. Бертельсоном (см. Литературу). Церковь монастыря св. Бригиты является самой обширной трехнефной зальной церковью Старой Ливонии и самым монументальным культовым сооружением северной Эстонии. Это вместе с тем постройка, где специфические черты таллинской школы проявляются в особо яркой форме. Об этой самобытности свидетельствует как плановая композиция и оформление фасада, так и детали. В связи с проявлением этой самобытности, независимо можно говорить о сознательной целеустремленности; мы видим здесь какое-то стойкое и упорное желание применять только местные строительные навыки и приемы, следовать только местным традициям, не считаться с приемами других стран, даже в том случае, когда эти приемы являются в какой-то мере обязательными. Кроме монастыря в Вадстене, имеются сведения об архитектуре семи монастырей ордена св. Бригиты. При постройке шести из них более или менее последовательно применялись те же принципы в композиции плана, организации помещений и даже в выработке деталей, как и при сооружении монастыря в Вадстене, т. е. соблюдались требования, предписанные капитулом ордена. Единственным исключением является монастырь в Пирита, строители которого отказались от самых основных предписаний (например, от постройки западного хора).

Можно с уверенностью сказать, что в лице Свальберга мы имеем дело с самым выдающимся зодчим Эстонии в период феодальной раздробленности. Можно предположить, что он играл руководящую роль в процессе создания специфического таллинского позднеготического стиля. Бригиттинский монастырь в Пирита не был, конечно, первой постройкой его в Таллине — ведь немислимо, чтобы сооружение такого обширного здания доверили новичку. Возможно, что он уже руководил работами по перестройке церкви доминиканского монастыря. Ввиду большого сходства церкви бригиттинского монастыря с хором церкви Олевисте можно предположить, что и этот хор строили под его руководством. В начале XV века была построена церковь в Нарве,²²⁰ которую можно считать образцом трехнефной зальной церкви, поскольку здесь все три нефа имели равную высоту и равную ширину. В этой постройке мы находим те же мотивы, что в хоре церкви Олевисте и в церкви в Пирита, но в несколько упрощенном виде. По-видимому, и эту постройку нужно считать памятником школы Свальберга. Среди приходских церквей наиболее ясно черты стиля Свальберга выступают в церкви Виру-Яагупи (см. ниже).

Однако Свальберг работал не только в области культового строительства. Система оформления фасада дома на улице Ни-

²²⁰ Karling, Narva, 93.

гулисте № 1 (т. н. «Епископского дома») идентична с таковой монастырской церкви в Пирита. По-видимому, и это здание нужно приписать Свальбергу. Детали, близкие к деталям фасада «Епископского дома», имеются также на фасаде дома на улице Пикк № 71.

Выработанные Свальбергом формы отчасти бытовали, по-видимому, до последней четверти XV века. Элементы его стиля мы находим еще в архитектуре освященной в 1492 году капеллы Антония при церкви Нигулисте.

Основанная Свальбергом таллинская школа является в истории средневековой архитектуры Ливонии не менее значительной, чем рижская школа XIII века.

Источники проливают некоторый свет на личность этого человека. Судя по данным этих источников, Свальберг был не только одаренным зодчим, но и по тому времени образованным человеком, который обладал умением выступать и заставлять себя слушаться. Как известно, таллинский магистрат и магистр Ливонского ордена были против сооружения бригиттинского монастыря близ Таллина. Магистрат ходатайствовал о том, чтобы монастырь был переведен в глубь страны.²²¹ В 1413 году инициаторы постройки монастыря отправили в Рим Свальберга и еще одного таллинского бюргера. Они должны были добиться у папы распоряжения о том, чтобы монастырь был оставлен на прежнем месте. Папа удовлетворил просьбу магистрата и вдобавок подтвердил таллинскому монастырю право пользоваться теми же привилегиями, которыми пользуется монастырь в Вадстене.²²² То обстоятельство, что именно Свальберга отправили в папскую курию, свидетельствует о его недюжинных качествах — ведь только человеку, обладавшему такими качествами, можно было поручить эту чрезвычайно деликатную и ответственную миссию. Выбор пал на Свальберга быть может и потому, что он уже раньше ездил за границу и что это не была его первая поездка в Италию. Можно предположить, что он владел латинским языком. Поскольку интриги и борьба против монастыря после этой поездки еще не прекратились, Свальберга в 1416 году снова отправили за границу с поручением защитить интересы таллинского монастыря. На этот раз ему пришлось поехать в Констанцу, где заседал вселенский собор.²²³ Имеются сведения о том, что в 1425 году таллинский магистрат опять отправил Свальберга за границу, а именно в Швецию, для переговоров по вопросам, которые на сей раз не имели ничего общего с монастырем.²²⁴

Можно думать, что эти и предполагаемые более ранние поездки Свальберга в Италию, Германию и Швецию имели

²²¹ Liiv, 28.

²²² LUB, IV, Nr. 1946.

²²³ LUB, V, Nr. 2055.

²²⁴ Там же, VII, № 281.

известное значение в формировании и развитии художественного мировоззрения этого мастера. В середине XIV века система зальной церкви получила большое распространение, и именно к началу XV века в Средней и Южной Германии был выстроен ряд замечательных монументальных церквей в этой системе, ознакомление с которыми могло дать решительные импульсы Свальбергу. В начале XV века все монументальные культовые здания Таллина (и северной Эстонии) строились в системе трехнефной зальной церкви; не приходится ли в какой-то мере приписать это влиянию Свальберга? В середине XIV века в истории развития трехнефной зальной церкви начинается второй этап; характерным для него является стремление к созданию свободного, светлого и просторного архитектурного образа.²²⁵ Именно эту особенность видим мы как в церкви в Пирита, так и в хоре церкви Олевисте.

Как церкви Нигулисте и Олевисте, таллинский собор тоже был перестроен в XV веке в виде базилики.²²⁶ От сооруженной в конце XIII века постройки, по С. Карлингу, в ныне стоящем соборе сохранился квадрат хора.²²⁷ В ходе ремонтных работ в 1959 году была удалена штукатурка внутренних стен. При этом были обнаружены детали, указывающие на то, что эта постройка XIII века была трехнефной зальной церковью.

Приходские церкви северной Эстонии

На о. Сааремаа и Мухумаа, равно как и в западной части северной Эстонии полностью доминирует тип однонефной церкви.²²⁸ В восточной части, напротив, преобладают трехнефные зальные церкви, хотя имеются и однонефные постройки. Базилик среди приходских церквей северной Эстонии нет, они здесь, по-видимому, никогда и не существовали.

Из трехнефных зальных церквей XIII века сохранились церкви в Амбла и Коэру. Исследователи указывают на связь этих церквей с архитектурой о. Готланда.²²⁹ Однако по поводу этих церквей не может быть и речи об «импортной» архитектуре, об односторонней имитации готландских построек. В архитектуре этих церквей мы наряду с чертами, свойственными готландским памятникам, видим черты и мотивы, не имеющие ничего общего с архитектурой Готланда. Мастера, стро-

²²⁵ Clasen, *Baukunst*, 156; Schar dt, 424.

²²⁶ V a g a, *tahvel V*.

²²⁷ K a r l i n g, *Domkirche*, 238.

²²⁸ Единственным исключением здесь является двухнефная церковь в Каарма. Однако она была построена в XIII веке в виде однонефной церкви и имела вначале плоский деревянный потолок. В XV веке по продольной оси церкви был сооружен ряд столбов и она была перекрыта сводами (Tuulse, Karja, 182; он же, *Steinsulptur*, 26).

²²⁹ K a r l i n g, *Gotland*, 67.

64. Пилиствере. Скульптура с портала северного притвора церкви.

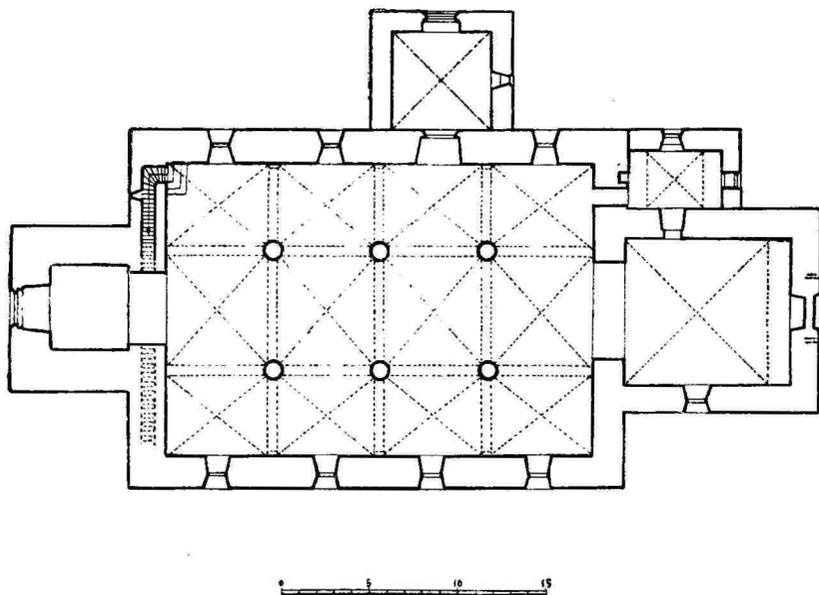
ившие церкви в Амбла и Коэру, получили различные импульсы, но переработали все взятое извне. Архитектура этих церквей в целом носит черты самобытности и является плодом самостоятельного творчества местных мастеров.

Выработанный в XIII веке тип трехнефной зальной церкви с круглыми устоями получил дальнейшее развитие в архитектуре приходских церквей XIV века, которые носят уже черты готического стиля. В самом начале этого века была построена церковь в Пилиствере.²³⁰ Эта церковь не кирпичная постройка, хотя и расположена к югу от границы известнякового грунта. Северный портал этой церкви украшен скульптурами, помещенными в откосе портала на уровне пяты архивольты.²³¹ На левой стороне изображение сказочного зверя (рис. 64), направо — трудно различимые человеческие фигуры. По поводу этих скульптур С. Карлинг указывает на зависимость от скульптурных украшений на западном портале церкви в Далеме и портале нефа церкви в Хёрсне на о. Готланде; готландские скульптуры изваяны анонимным мастером, прозванным Фабулатором.²³² Изображения сказочного зверя, совершенно похожие на

²³⁰ Karling, Gotland, Fig. 28.

²³¹ Там же, Fig. 33.

²³² Karling, Gotland, 87.

65. Пезтри. План церкви (обмер Н. Паульсена).

изображение в Пилистрере, имеются однако и на импостах столбов среднего нефа Маринской церкви в Ростове.²³³ Скульптуры церкви в Пилистрере не являются единственными такого рода произведениями в Эстонии; аналогичные скульптуры имеются и на среднем портале церкви доминиканского монастыря в Таллине, построенном, как мы видели, в конце XIV века.

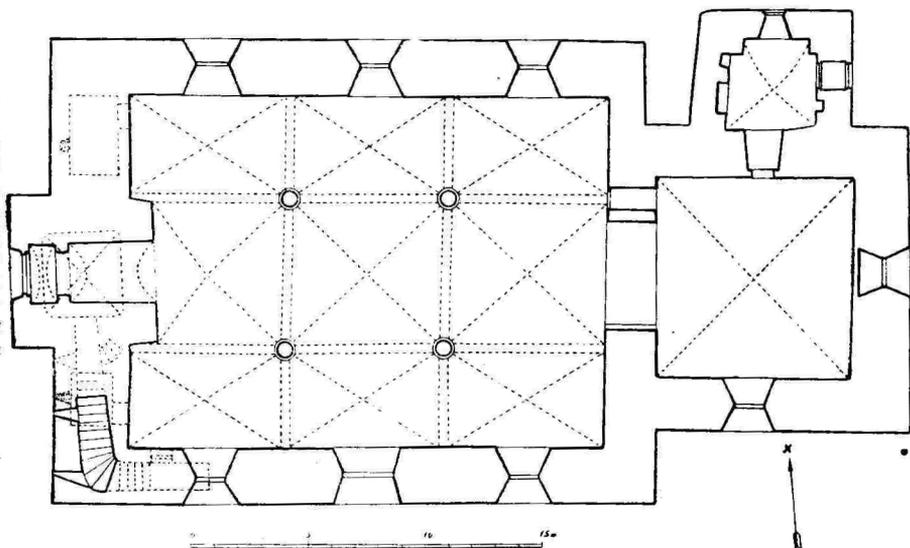
Нужно сказать, что скульптуры северного портала церкви в Пилистрере совсем не вяжутся с общей структурой портала; они несомненно вставлены позднее в его откос, который при этом пострадал. Это обстоятельство тоже указывает на то, что они не изваяны одновременно с сооружением церкви. Первоначальное местонахождение этих скульптур неизвестно.

К началу XIV века относятся упомянутая уже раньше церковь в Тюри, а также церкви в Сууре-Яани и в Лайузе. Скульптурные детали южного портала и капителей столбов в церкви в Тюри²³⁴ указывают на связь с замком Вильянди.²³⁵ Хотя церковь в Сууре-Яани расположена южнее от границы известнякового грунта, при ее сооружении наряду с валунами пользовались не кирпичом, а известняком. Церковь лишилась сводов, но, судя по некоторым сохранившимся деталям, можно предполо-

²³³ Schlie, I, II, 12.

²³⁴ Karling, Gotland, Fig. 36.

²³⁵ Tuulse, Kapiteelid. 763.

66. Вяйке-Маарья. План церкви (обмер Я. и Э. Армолик).

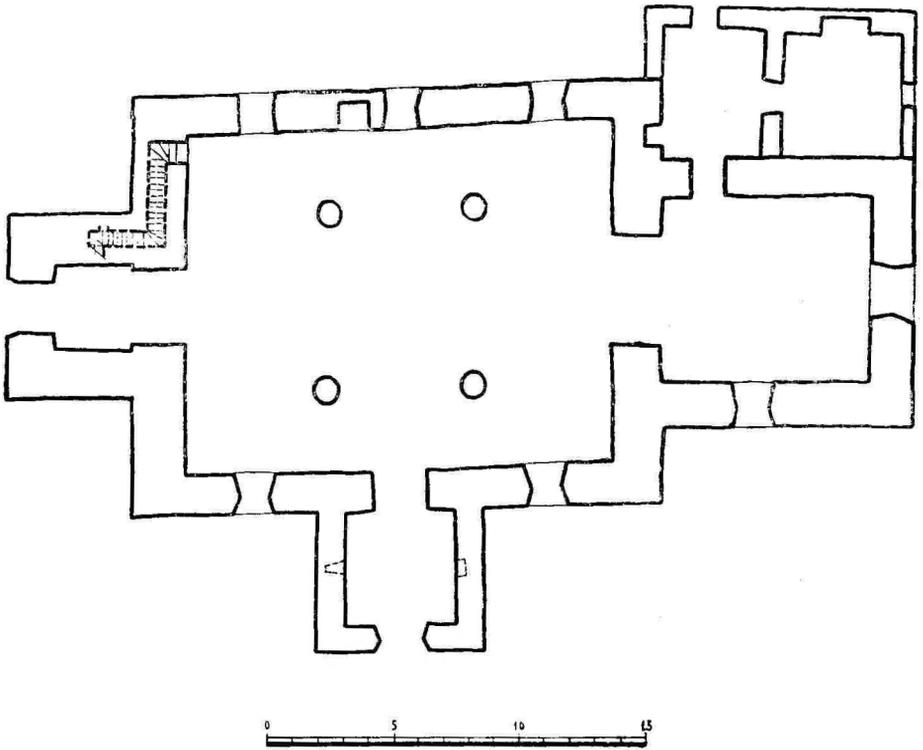
жить, что она была трехнефной зальной церковью с круглыми столбами. Церковь в Сууре-Яани была приспособлена к обороне²³⁶.

Церковь в Лайузе потеряла свои своды и очень изменена поздними перестройками. По-видимому, сохранились все же стены средневековой церкви, по плану совершенно идентичной церкви в Сууре-Яани.

Немного более поздними являются церкви в Пеэтри, Вяйке-Маарья и Виру-Нигула. Церковь в Пеэтри (рис. 65) построена около 1330 года.²³⁷ Значительно более поздней нужно считать церковь в Вяйке-Маарья, которая служила оборонным целям. Западная стена церкви очень массивная — 3,3 метра. В толще стены устроены две небольшие камеры. Эти камеры не могли иметь другой цели, кроме оборонной. В стене обеих камер было по одному щелевидному отверстию, которые теперь замурованы (рис. 66). Эти щелевидные отверстия не окна, а бойницы. Такие же щелевидные отверстия-бойницы имеются и на четырех ярусах башни. Обширные проемы окон новые; в начале их подоконники были расположены значительно выше, как почти во всех церквях-крепостях XIII—XIV вв. Церковь в Вяйке-Маарья имеет связь с архитектурой Таллина. На это ясно указы-

²³⁶ Tuulse, Försvarskyrkorna, 233.

²³⁷ Kjellin, Hallenkirchen, 27; Karling, Gotland, 91.

67. Виру-Нигула. План церкви. (обмер М. Мууга).

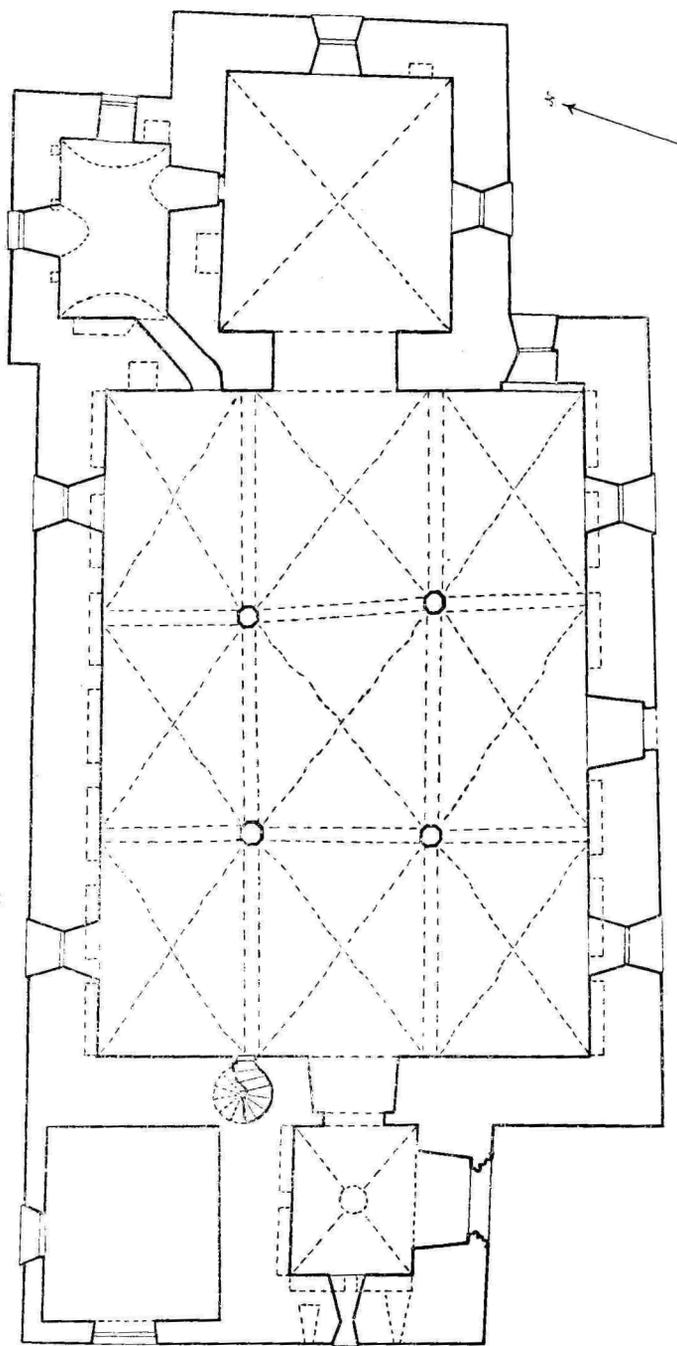
вает восьмигранная башня. Такая же восьмигранная башня «Стюр ден Керл» была сооружена после 1371 года на юго-восточном углу предзамкового укрепления орденового замка;²³⁸ в конце XIV века были построены восьмигранные башни церкви Пюхавайму и ратуши.

Церковь в Виру-Нигула была, по-видимому, построена тоже еще в XIV веке (рис. 67). Она пострадала во время военных действий 1656 года, но ее своды сохранились. Что касается столбов, то они потеряли свой первоначальный облик: для усиления их устойчивости и мощности увеличили их толщину.²³⁹ Церковь в Виру-Нигула была приспособлена к обороне. Северный притвор церкви двухэтажный. Второй этаж служил убежищем в случае опасности: в него можно было попасть при помощи приставной лестницы.

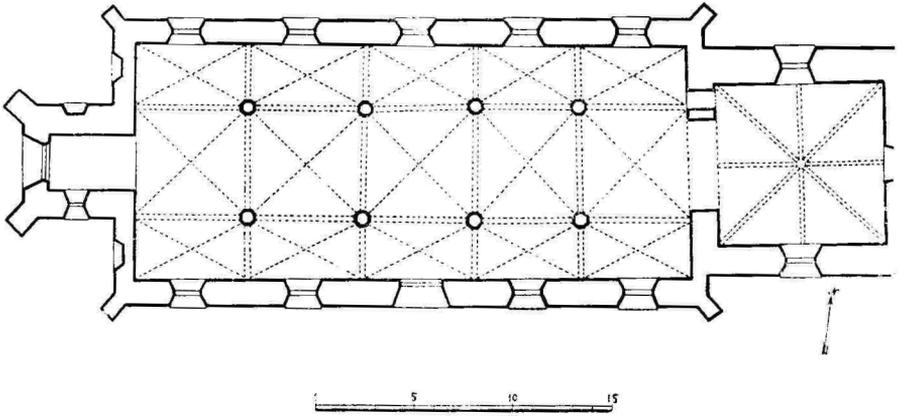
В XIV веке была построена также трехнефная зальная церковь в Йыеляхтме. Неправильная в плане продольная часть

²³⁸ Tuulse, Burgen, 171.

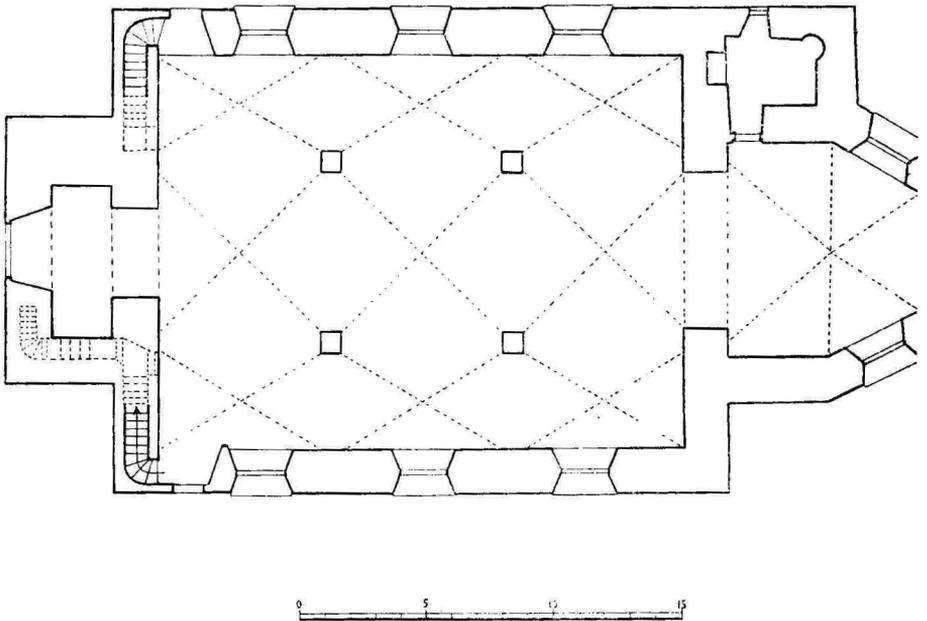
²³⁹ Он же, Monument, 154.

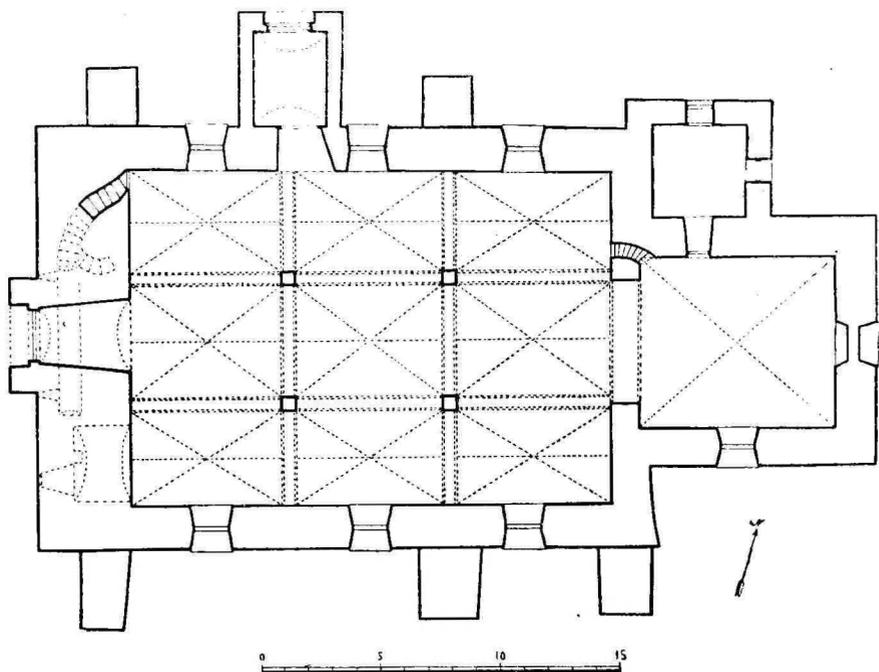
68 Халъята. План церкви (обмер Я. и Э. Армолик).

69. Виру-Яагупи. План церкви (обмер Я. и Э. Армолик).

70. Раквере. План церкви (обмер Н. Паульсена).

71. Кадрина. План церкви. (обмер Я. и Э. Армолик).

этой небольшой церкви приближается к квадрату. Неизвестно, какой вид имели в средние века опорные столбы. Восьмигранную форму они получили во время перестройки 1878 года, когда была сооружена и башня. Церковь в Йыеляхтме была тоже приспособлена к обороне, как на это указывает лестница в толще северной стены продольной части.

Трехнефные зальные церкви XV века северной Эстонии были, по-видимому, все сооружены по образцу таллинских построек; нередко их строили таллинские мастера, и мы можем отнести эти постройки к таллинской школе XV века. Из них церкви в Хальяла и Виру-Яагупи имели восьмигранные устои, церкви в Раквере и Кадрина — четырехгранные. В церкви в Хальяла (рис. 68) на зависимость от Таллина указывают не только восьмигранные столбы и восьмигранная башня, но и замечательный портал, расположенный в южной стене башни. Церковь была приспособлена к активной обороне.²⁴⁰ Уже упомянутая выше церковь в Виру-Яагупи (рис. 69), которую можно непосредственно отнести к школе Свальберга, была перестроена

²⁴⁰ Tuulse, Försvarskyrkorna, 235.

в 1877—1878 гг. Церковь имела вначале длину трех травей; с западной стороны примыкала квадратная башня. При перестройке эта башня была снесена, и продольная часть увеличена пристройкой двух травей в каждом нефе. Тогда была построена и псевдоготическая башня. Подпружные арки нефов и нервюры хора имеют типичную для таллинской архитектуры форму двух валиков заостренного профиля.

Церковь в Раквере потеряла свои своды и очень изменена поздними перестройками. По-видимому, сохранились все же старые квадратные устои (рис. 70). Церковь была построена в 1427 году уже упомянутым выше таллинским мастером Андреасом. Церковь в Кадрина была приспособлена к обороне. Западная стена церкви очень массивная, ее толщина 3,8 метра (рис. 71). На эту стену опирается небольшая башня, которая выступает из стены только на один метр. В толще стены выложена лестница, которая ведет в узкий проход, устроенный непосредственно над входом в церковь. В стенах этого прохода, в углах между башней и стеной, имеются щелевидные отверстия — бойницы. Небольшие бойницы имеются и на четырех ярусах башни. Оборонным целям служила, по-видимому, и камера в южной части западной стены.

Продольная часть церкви в Симуне совершенно перестроена в 1886 году, но сохранилась средняя часть башни. Судя по старому плану, церковь в Симуне была очень сходна с церковью в Кадрина. Башня церкви в Симуне имела также оборонный характер, как на это указывают бойницы в ее западной стене.

Заключение

При анализе истории развития строительства храмов типов базиликального и трехнефной зальной церкви мы пришли к выводам, во многом отличных от общераспространенного до сих пор мнения по этому вопросу. Мы должны констатировать, что трехнефная зальная церковь вовсе не доминировала в архитектуре Ливонии до 1400 года. В отношении городских церквей южной части Ливонии (т. е. области кирпичного строительства) можно утверждать даже противоположное: здесь полностью доминировала базилика.

В истории архитектуры Латвии (и отчасти южной Эстонии) в XIII веке в качестве прообраза и образца большое значение имел рижский собор. Эта первая и в течение долгого времени единственная монументальная постройка Ливонии, пленявшая и заказчиков и мастеров своей грандиозностью, была базиликой. Как мы показали, собор мог существовать в виде трехнефной зальной церкви лишь в течение очень короткого времени — это был эпизод, который не мог иметь большого значения. В течение этого времени, когда рижский собор имел вид трехнефной

зальной церкви, он не мог оказать сколько нибудь значительного влияния на развитие архитектуры Ливонии и служить образцом. То обстоятельство, что здание вскоре вновь было перестроено в виде базилики, ясно указывает на непопулярность типа трехнефной зальной церкви в территориальной зоне кирпичного строительства.

При распространении пространственной формы базилики в XIII веке существенное значение имел и пример другой монументальной рижской постройки — Петровской церкви.

В XIII веке базиликальная схема получила распространение не только при сооружении городских церквей Латвии и южной Эстонии (Яковлевской церкви в Риге, церквей в Цесисе, Валмиере и Пярну); ее применяли и при строительстве приходских церквей (в Руене, Буртниеки, Урвасте). Однако при строительстве приходских церквей систему трехнефной зальной церкви все же начали предпочитать базилике, и начиная с XIV века на территории Латвии и Эстонии не было, по-видимому, построено ни одной приходской церкви в виде базилики.

В области кирпичного строительства и в XIV веке все городские храмы продолжали сооружаться в формах базилики. По-видимому, уже в первой половине XIV века была начата реконструкция хора рижской Петровской церкви в виде базилики. Эту пространственную форму получили и тартуские храмы XIV века — продольная часть собора, Иоанновская и Мариинская церкви. Базиликой была и сооруженная по образцу тартуских построек церковь в Вильянди.

Иначе обстояло дело в северной Эстонии — области тесано-го камня. Из монументальных церковных построек XIII века в Таллине по крайней мере три несомненно были трехнефными зальными церквами (собор, церкви Олевисте и Нигулисте).

Кульминационным периодом в истории строительства трехнефных зальных церквей является начало XV века. В северной Эстонии при сооружении или перестройке городских церквей (хора церкви Олевисте, церкви доминиканского монастыря, Нарвской церкви) применяли эту систему. Интересно отметить, что церковь бригиттинского монастыря в Пирита, запланированная в начале, по-видимому, в виде базилики, была выстроена по схеме трехнефной зальной церкви. В Тарту к этому времени нужно отнести сооружение по схеме трехнефной зальной церкви как нового хора собора, так и церкви доминиканского монастыря. Единственным исключением является хор Петровской церкви в Риге; но это объясняется тем, что в 1408—1409 гг. было лишь завершено начатое уже раньше строительство и изменить первоначальный план здесь было невозможно.

Тип трехнефной зальной церкви исчезает в архитектуре городских церквей Ливонии в середине XV века. Именно в это время в Таллине начинается перестройка церквей по схеме базилики. Интересно отметить, что это происходит с близкими

к фанатизму рвением и последовательностью. Об этом свидетельствует например реконструкция продольной части церкви Олевисте. Просто, легко, логично и целесообразно было построить новую продольную часть по схеме трехнефной зальной церкви как продолжение уже существовавшего зального хора. Однако этого не сделали. Продольная часть была сооружена в виде базилики, несмотря на то, что для этого нужно было преодолеть большие строительные трудности. Результат получился явно неудовлетворительным — хор очень плохо композиционно связан с продольной частью.

В Риге во второй половине XV века продольная часть Петровской церкви была тоже перестроена в виде базилики.

Нужно заметить, что именно этот момент — последовательное применение базиликальной схемы начиная с середины XV века — является наиболее проблематичным обстоятельством в истории средневековой архитектуры Ливонии. Ведь в XV веке трехнефная зальная церковь стала в Германии (и в Скандинавии) подлинной носительницей позднеготической пространственной идеи; теперь это был тип монументальной церковной постройки *par excellence* как в западной, так и в восточной части Германии.

Как объяснить эти специфические особенности в истории развития архитектуры периода феодальной раздробленности Ливонии: почти полный отказ от схемы трехнефной зальной церкви при сооружении городских культовых построек в области кирпичного строительства и абсолютное преобладание базиликального типа в городской архитектуре во всей стране начиная с середины XV века? Нам кажется, что одной из причин нужно считать слабую связь с немецкой архитектурой и большую независимость местных мастеров. Отдельные фазы в развитии немецкой архитектуры не находили всегда непосредственного отражения в зодчестве Ливонии; закономерности развития немецкой архитектуры не были всегда полностью действующими в Латвии и Эстонии. При изучении памятников средневековой архитектуры Ливонии приходится нередко констатировать, что местные мастера обращаются свободно с заимствованными извне формами и мотивами, перерабатывают их самостоятельно и применяют иногда в одной и той же постройке наряду с модными формами уже устаревшие формы. Важно отметить и то, что в Ливонии распространялись влияния не какой-нибудь одной, а различных немецких школ, и при этом одновременно. Не надо забывать, что Ливония не была исконная немецкая провинция, т. е. страна, заселенная полностью только немцами, которая в течение долгого и непрерывного исторического развития совершенно органически срослась с другими частями Германии. Это была отрезанная от Германии страна, соединенная с ней главным образом водными путями, страна, завоеванная в кровавой борьбе, это была колония, где царил непримиримый анго-

гоним между состоящим из отдельных народностей коренным населением и очень малочисленными захватчиками.

Возможно, что именно отсутствие тесного и постоянного контакта с Германией в какой-то мере обусловило и кажущуюся хаотичность и непоследовательность балтийской архитектуры. У местных мастеров, проживавших здесь в изолированном положении, не могло быть ясного и полного представления о проблемах, стоявших на очереди дня в Германии, они стояли в стороне от борьбы нового со старым и относились к этой борьбе пассивно. С достижениями немецкой архитектуры они зачастую имели возможность ознакомиться с опозданием: они перенимали уже готовые, созревшие формы и принципы. Именно так могли возникнуть памятники, где мы видим новые формы наряду со старыми, уже устаревшими в Германии. Сущность борьбы, которая в Германии происходила между формами базилики и трехнефной зальной церкви, по-видимому, во многом оставалась непонятной как для мастеров, так и для заказчиков Ливонии; поэтому эта борьба может быть и находила или запоздалое отражение или вообще не оказывала никакого влияния на развитие ливонской архитектуры. Ливонские мастера проявляли большую свободу (и отсутствие последовательности) не только при применении отдельных мотивов и деталей, но и при применении той или другой пространственной формы.

При анализе причин, обусловивших непоследовательность и особые пути развития пространственной формы в Ливонии, хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство. Носители идеи трехнефной зальной церкви в поздней стадии ее развития в Германии были главным образом широкие слои буржуазии, которая таким образом и в области церковного строительства как бы противопоставляла себя высшему духовенству и аристократии. Говоря о позднеготической архитектуре, Ж. Дюпон и К. Гнуди указывают на то, что в это время «трехнефная зальная церковь стала чем то вроде символа городской демократии».²⁴² Совершенно отлично было положение в Ливонии, где большинство городского населения состояло из ливов, латышей и эстонцев. Их отделял от всех немцев, а именно и от горожан немецкого происхождения не только классовый антагонизм, но и национальная ненависть. В этих специфических условиях колониальной страны и отношения между немцами — бюргерами с одной стороны и немцами — рыцарями и духовниками с другой были отличными от того, что мы видим в Германии. Г. Дегио указывает на обстоятельство, что двухнефные залы таллинских общественных зданий (ратуши, Большой Гильдии, Гильдии Оледи) прямо напоминают рефектории замков Ливонского ордена, и пишет: «В этом находит архитектурное проявление тот

²⁴² «La Hallenkirche est devenu en quelque sorte le symbole de la démocratie urbaine» (Dupont — Gnudi, 81.)

социологический факт, что в этой колониальной стране буржуазия тоже чувствовала себя аристократичной».²⁴³ Отсутствие последовательности, которое мы констатировали при применении двух пространственных форм в Латвии и Эстонии, кроме изложенного выше было отчасти обусловлено также и тем, что отношения национальностей здесь были другие, чем в Германии, что всех членов господствующих классов отделяли от эксплуатируемых кроме прочего также разница в национальном происхождении и языке.

²⁴³ «Es ist der architektonische Ausdruck für die soziologische Tatsache, dass in diesem Koloniallande auch das Bürgertum sich aristokratisch fühlte» (G. Dehio, Geschichte, II, 339).

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Центральный государственный военно-исторический архив.
Планы.
Фундаментальная библиотека Академии наук Латвийской ССР.
Brotze, J. Chr., Sammlung verschiedener livländischer Monumente, Prospective, Münzen, Wappen ect.

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Гартман К. О., История архитектуры, II, М., 1938 (Гартман).
Захватович Ян, Польская архитектура до половины XIX столетия. Институт польской архитектуры, Варшава 1956 (Захватович).
История русского искусства. Под общей редакцией И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова и В. Н. Лазарева, II. Академия Наук СССР. Институт истории искусств, М., 1954 (История).
Adler, Friedrich, Mittelalterliche Backsteinbauwerke des preussischen Staates, I, Berlin 1862 (Adler).
Arbusow, L., Das älteste Wittschobuch der Stadt Reval (1312—1360). Archiv für Geschichte Liv-, Est- und Curlands. III. Folge, Bd. I. Revaler Stadtbücher I. Reval 1888 (Arbusow).
Arends, P., Die St.-Petri-Kirche in Riga, Riga 1944 (Arends).
Berthelson, Bertil, Studier i birgittinerordens byggandskick. I. Anläggningsplanen och dess tillämpning. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar, del 63, Stockholm, Lund 1947 (Berthelson).
Burmeister, Werner, Norddeutsche Backsteindome. Aufgenommen von A. Renger — Patzsch, Berlin 1930 (Burmeister).
Clasen, Karl-Heinz, Grundlagen baltendeutscher Kunstgeschichte. Heinz Löffler zum Gedenken. Ostbaltische Frühzeit. Herausgegeben von C. Engel. Baltische Lande. Herausgegeben von A. Brackmann und C. Engel. I Bd., Leipzig 1939 (Clasen).
Clasen, Karl-Heinz, Die gotische Baukunst. Baukunst des Mittelalters. Handbuch der Kunstwissenschaft begründet v. F. Burger, herausgegeben v. A. E. Brinckmann, Wildpark — Potsdam 1930 (Clasen, Baukunst).
Dehio, Georg, Geschichte der deutschen Kunst. Des Textes zweiter Band, Berlin — Leipzig 1923 (Dehio, Geschichte).
Dehio, Georg, Handbuch der deutschen Kunstdenkmäler, Bd. II. Nordostdeutschland, Berlin 1906 (Dehio, Handbuch).
Dupont, J. et Gnudi, C., La peinture gothique, Genève — Paris — New-York 1954 (Dupont — Gnudi).
Ederma, B. ja Jaik, Asta. Eesti evangeeliumi luteriusu kirikud, Tartu 1939 (Ederma—Jaik).
Eichholz, Paul u. Hoppe, Willy, Die Kunstdenkmäler des Kreises Angermünde, Heft II. Die Stadt Angermünde, Berlin 1927. Die Kunstdenk-

- mäler der Provinz Brandenburg. Bd. III, Teil 3. Kreis Angermünde, Berlin 1934 (Eichholz—Hoppe II).
- Eichholz, Paul u. Hoppe, Willy, Die Kunstdenkmäler des Kreises Angermünde, Heft III, Kloster Chorin, Berlin 1927; Die Kunstdenkmäler der Provinz Brandenburg, Bd. III, Teil 3. Kreis Angermünde, Berlin 1934 (Eichholz—Hoppe III).
- Die Evangelisch—Lutherischen Gemeinden in Russland, II. Bd. Der Livländische, Estländische und Kurländische Konsistorialbezirk, St. Petersburg 1911 (Gemeinden).
- Frey, Johannes, Die St. Johanniskirche zu Dorpat, ein interessantes Denkmal mittelalterlicher Baukunst. Erweiterter Separatabdruck aus der «Monatschrift für Gottesdienst und kirchliche Kunst» VII. Jahrg., Göttingen 1902 (Frey).
- Frey, O., Lõpuaruanne kaevamiste kohta Tartu Doomevaremete piirkonnas. «Ajalooline Ajakiri», 1927 (Frey, Lõpuaruanne).
- Frey, O., Meie arhitektuuri ajaloo senistest saavutistest. «Ajalooline Ajakiri», 1930 (Frey, Saavutistest).
- Frey, O., Ulevaade Tartu Doomevaremete kaevamistöist aastail 1924 ja 1925. «Ajalooline Ajakiri», 1926 (Frey, Ulevaade).
- Genewein, Anton, Vom Romanischen bis zum Empire. Eine Wanderung durch die Kunstformen dieser Stile, I—II, Leipzig 1905, 1911 (Genewein).
- Girgensohn, Joseph, Zur Baugeschichte der Petri-Kirche in Riga. Mittheilungen aus der livländischen Geschichte XIV, 2, Riga 1910 (Girgensohn).
- Greiffenhagen, Otto, Das Revaler Bürgerbuch 1409—1624. Publikationen aus dem Revaler Stadtarchiv Nr. 6. Tallinna kodanikkuderaamat 1409—1624. Tallinna Linnaarhiivi väljaanded Nr. 6, Reval 1932 (Greiffenhagen).
- Gruber, Karl u. Keyser, Erich, Die Marienkirche in Danzig. Die Baudenkmäler der freien Stadt Danzig. Erster Teil. Die kirchlichen Bauwerke, Bd. I, Berlin 1929 (Gruber-Keyser).
- Guleke, Reinhold, Alt-Livland. Mittelalterliche Baudenkmäler Liv-, Est-, Kurlands und Oesels, Leipzig 1896 (Guleke).
- Hansen, Gotthard v., Die Kirchen und ehemaligen Klöster Revals, Reval 1873 (Hansen).
- Hansen, Gotthard v., Katalog des Revaler Stadtarchivs, Reval 1896.
- Hausmann, R., Studien zur Geschichte der Stadt Pernau. Sitzungsberichte der Altertumforschenden Gesellschaft zu Pernau 1903—1905, IV Bd., Pernau 1906 (Hausmann).
- Hausmann, R., Die Monstranz des Hans Ryssenberg in der K. Ermitage zu St. Petersburg. Mittheilung aus der livländischen Geschichte, Bd. XVII, Heft 2, Riga 1899 (Hausmann, Monstranz).
- Hausmann, R., Der Silberschatz der St. Nikolaikirche zu Reval. Mittheilungen der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands, Bd. XVII, Heft 2, Riga 1899 (Hausmann, Silberschatz).
- Hirsch, Th., Töppen, M. u. Strehlke, E., Scriptorum rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft, Bd. I—V, Leipzig 1861—1874 (Scriptores rerum Prussicarum).
- Holst, Niels von, Baltenland. Deutsche Lande Deutsche Kunst, herausgegeben von B. Meier, Berlin 1942 (Holst).
- Holst, Niels von, Deutsche Kunst im Baltenland, ein Stieckind der deutschen Kunstforschung. Kunstgeschichtliche Gesellschaft Berlin. Sitzungsberichte 1937/38 (November 1937 bis Mai 1938), s. I. et a. (Holst, Deutsche Kunst).
- Kampe, P. Rigas Sv. Pēterā baznīcas būvēsture. Senatne un māksla 1939 III, s. I. et a. (Kampe).
- Karling, Sten, Baltikum och Sverige. Antikvariska studier III. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar 65, Stockholm 1948 (Karling, Baltikum).

- Karling, Sten, Zur Baugeschichte der Domkirche zu Tallinn. Litterarum Societas Esthonica 1838—1938. Liber saecularis. Opetatud Eesti Seltsi Toimetused. Commentationes Litterarum Societatis Esthonicae XXX, Tartu 1938 (Karling, Domkirche).
- Karling, Sten, Riga domkyrka och mästaren från Köln. Ett bidrag till Baltikums äldsta konsthistoria. Konsthistorisk tidskrift 1941, V, Stockholm 1941 (Karling, Domkyrka).
- Karling, Sten, Gotland och Estlands medeltida byggnadskonst, Rig 1939 (Karling, Gotland).
- Karling, Sten, Die Marienkapelle an der Olaikirche in Tallinn und ihr Bildwerk. Opetatud Eesti Seltsi aastaraamat 1935, Tartu 1937 (Karling, Marienkapelle).
- Karling, Sten, Narva. Eine baugeschichtliche Untersuchung, Tartu 1936 (Karling, Narva).
- Kiše, E., Plauciņš, L., Rigas architektūras pieminekļi, Rīgā 1956 (Kiše—Plauciņš).
- Kjellin, Helge, Die Kirche zu Karris auf Oesel und ihre Beziehungen zu Gotland, Lund 1928 (Kjellin).
- Kjellin, Helge, Die Hallenkirchen Estlands und Gotland. Kungl. Humanistiska Vetenskapssamfundets Årsberättelse. Bulletin de la Société Royale des Lettres de Lund 1928—1929, I, Lund 1928 (Kjellin, Hallenkirchen).
- Kronqvist, I., Die mittelalterliche Kirchenarchitektur in Finland. Jälkenjäätneitä tutkielmia. Suomen Muinasmuistoyhdistyksen Aikakauskirja — Finska Fornminnesföreningens tidskrift XLVIII:1, Helsinki 1948 (Kronqvist).
- Kronqvist, I., Keskiakaisen kirkkokaluston muistoja. Suomen Museo XLV 1938. Suomen Muinainmuistoyhdistys, Helsinki 1938 (Kronqvist, Kirkkokaluston).
- Laakmann, H., Das mittelalterliche Kirchenwesen Neu-Pernaus. Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1922, Dorpat 1923 (Laakmann).
- Liiv, O., Piriita kloostri kroonika — Piriita kloosters krönika. Piriita klooster — Birgittaklostret vid Tallinn 1436—1936. Koguteos — Festschrift. Piriita Kaunistamise Seltsi väljaanne Nr. 11, Piriita 1936 (Liiv).
- Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. 15 Bände, Reval—Riga—Moskau, 1853—1914 (LUB).
- Ludorf, A. u. Döhmann, Die Bau- und Kunstdenkmäler des Kreises Steinfurt. Bau- und Kunstdenkmäler von Westfalen, bearbeitet von A. Ludorf, Münster i. W. 1904 (Ludorf—Döhmann).
- Lundberg, Erik, Byggnadskonsten i Sverige. Sengotik och renässans 1400—1650, Stockholm 1948 (Lundberg).
- Löwis of Menar, Karl von, Burgenlexikon für Alt-Livland, Riga 1922 (Löwis of Menar).
- Neumann, Wilhelm, Der Dom zu St. Marien in Riga. Baugeschichte und Baubeschreibung, Riga 1912 (Neumann, Dom).
- Neumann, Wilhelm, Das mittelalterliche Riga. Ein Beitrag zur Geschichte der norddeutschen Baukunst, Berlin 1892.
- Nottbeck, Eugen von, Das zweitälteste Erbebuch der Stadt Reval (1360—1383). Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands. III. Folge. II. Band. Revaler Stadtbücher II, Reval 1890 (Nottbeck, Das zweitälteste Erbebuch).
- Nottbeck, Eugen von, Das drittälteste Erbebuch der Stadt Reval (1383—1458). Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands. III. Folge. III. Band. Revaler Stadtbücher III, Reval 1892 (Nottbeck, Das drittälteste Erbebuch).
- Nottbeck, Eugen von u. Neumann, Wilhelm, Geschichte und Kunstdenkmäler der Stadt Reval. Bd. II. Die Kunstdenkmäler der Stadt, Reval 1904 (Nottbeck — Neumann).

- Otto, Richard, Ueber die Dorpater Klöster und ihre Kirchen. Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. XXII, Bd. II. Heft, Dorpat 1910 (Otto).
- Plaesterer, Artur, Das Revaler Pergament Rentenbuch 1382—1518. Publikationen aus dem Revaler Stadtarchiv Nr. 5. Tallinna pärgamentne rendiseraamat 1382—1518. Tallinna linnaarhiivi väljaanded Nr. 5, Reval 1930 (Plaesterer).
- Rennik, H., Niguliste kiriku restaureerimisest. «Õhtuleht» 4. IV 1959, nr. 80, lk. 3 (Rennik).
- Schardt, Alois J., Die Kunst des Mittelalters in Deutschland. Berlin 1941 (Schardt).
- Schlie, Friedrich, Die Kunst- und Geschichts-Denkmäler des Grossherzogtums Mecklenburg-Schwerin. I—V. Schwerin i. M. 1896—1902 (Schlie).
- Schmitt, Otto, Reallexikon zur deutschen Kunstgeschichte I, II, Stuttgart 1937, 1943. (Schmitt).
- Schrade, Hubert, Zur frühen Kunstgeschichte in den Baltischen Landen. Ostbaltische Frühzeit. Herausgegeben von C. Engel. Baltische Lande. Herausgegeben von A. Brackmann u. Engel, Leipzig 1939 (Schrade).
- Schröder, Hans, Riga im Wandel der Zeiten, Tilsit—Leipzig—Riga 1941 (Schröder).
- Sēna Rīga, Gleznās, zīmējums un gravūras. Atlēlu sakopojums. F. Baloža un R. Snores redakcija, Rīgā 1937 (Sena Rīga).
- Steenberg, Jan, Studier i dansk og nordtysk Tegelstensarkitektur i 13. Aarhundrede, København 1935 (Steenberg).
- Stiehl, Otto, Backsteinbauten in Norddeutschland und Dänemark, Stuttgart 1923 (Stiehl).
- Tuulse, Armin, Die Burgen in Estland und Lettland, Tartu 1942 (Tuulse, Burgen).
- Tuulse, Armin, Om konstförbindelserna Estland-Finland under medeltiden. Finskt Museum 1953, Helsingfors 1953 (Tuulse, Estland-Finland).
- Tuulse, Armin, Försvarskyrkorna i Estland. Fornvännen. Meddelanden från K. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien och Svenska Fornminnesföreningen. Under redaktion av. S. Curman. 1945. Årgång 40 (Tuulse, Försvarskyrkorna).
- Tuulse, Armin, Die Kirche zu Karja und die Wehrkirchen Saaremaas. Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat 1938, Tartu 1940 (Tuulse, Karja).
- Tuulse, Armin, Monument und kunstverk, som förstörts i Estland 1941—1944. Antikvariska studier III. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar, del 65. Stockholm 1948 (Tuulse, Monument).
- Tuulse, Armin, Die mittelalterliche Steinskulptur in Estland und Lettland. Suomen Muinasmuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Finska Fornminnesföreningens Tidskrift XLIX:1, Helsinki — Helsingfors 1948 (Tuulse, Steinskulptur).
- Tuulse, Armin, Viljandi ordulossi kapiteelid. Litterarum Societas Esthonica 1838—1938. Liber saecularis. Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused. Commentationes Litterarum Societatis Esthonicae XXX, Tartu 1938 (Tuulse, Kapiteelid).
- Ulbrich, A., Kunstgeschichte Ostpreussens von der Ordenszeit bis zur Gegenwart, Königsberg i. Pr. 1932 (Ulbrich).
- Ungewitter, G., Lehrbuch der gotischen Konstruktion. II Bd., Leipzig 1903 (Ungewitter).
- Eine Untersuchung über einen während des Mittelalters an der St. Olai-Kirche stattgehabten Umbau, sowie einige andere Mitteilungen über diese Kirche. Auszug aus dem Vortrage des Herrn A. v. Howen am 22. Januar 1904 in der Sektion zur Erhaltung einheimischer Altertümer (Separatdruck aus der «Rev. Zeit.») (Howen).
- Vaga, Voldemar, Eesti kunst. Kunstide ajalugu Eestis keskajast meie päevini, Tartu—Tallinn [1940] (Vaga).

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИИ

	Стр.
1. Рига. Капитель угловой колонки в хоре Яковлевской церкви . . .	11
2. Рига. Капитель угловой колонки в хоре Яковлевской церкви . . .	12
3. Рига. Капитель угловой колонки в хоре Яковлевской церкви . . .	13
4. Рига. База угловой колонки в хоре Яковлевской церкви . . .	13
5. Цесис. План Иоанновской церкви	15
6. Цесис. Продольный разрез Иоанновской церкви (обмер А. и Л. Плауцня, Е. Шмита и В. Закиса)	16
7. Цесис. Поперечный разрез Иоанновской церкви	17
8. Валмиера. План Симеоновской церкви (обмер А. Биркхана, А. Плауцня и Е. Шмита)	18
9. Валмиера. Поперечный разрез Симеоновской церкви (обмер Р. Легддия, А. Чуйбе и Э. Тедериса)	19
10. Валмиера. Продольный разрез Симеоновской церкви (обмер Р. Легддия, А. Чуйбе и Э. Тедериса)	20
11. Пярну. План Николаевской церкви (обмер Э. Кюнерта)	22
12. Пярну. Поперечный разрез Николаевской церкви (обмер Э. Кюнерта)	23
13. Пярну. Средний неф Николаевской церкви	24
14. Пярну. Продольный разрез Николаевской церкви (обмер Э. Кюнерта)	25
15. Пярну. Свод пристройки к южному нефу Николаевской церкви	27
16. Урвасте. План церкви (обмер Е. Саадре)	28
17. Нью. План церкви (обмер О. Громана)	29
18. Нью. Поперечный разрез церкви (обмер О. Громана)	30
19. Нью. Западный фасад церкви (обмер О. Громана)	32
20. Нью. Восточный фасад церкви (обмер О. Громана)	33
21. Тарту. План Иоанновской церкви (обмер Я. и Э. Армолик)	36
22. Тарту. Капитель Иоанновской церкви	37
23. Тарту. Деталь капители Иоанновской церкви (рисунок В. Вага)	38
24. Тарту. Продольный разрез Иоанновской церкви (обмер Я. и Э. Армолик)	39
25. Тарту. Поперечный разрез Иоанновской церкви с видом к востоку (обмер Я. и Э. Армолик)	40
26. Тарту. Вид среднего нефа Иоанновской церкви к востоку после пожара 1944 года	41
27. Тарту. Распятие над триумфальной аркой Иоанновской церкви	42
28. Тарту. Вид среднего нефа Иоанновской церкви к западу после пожара 1944 года	43
29. Тарту. Поперечный разрез Иоанновской церкви с видом к западу (обмер Я. и Э. Армолик)	44
30. Тарту. Капитель в Иоанновской церкви	46
31. Тарту. Капитель в Иоанновской церкви	47
32. Тарту. Северный фасад Иоанновской церкви (обмер А. и Э. Армолик)	48
33. Тарту. Продольный разрез южного нефа Иоанновской церкви (обмер Я. и Э. Армолик)	49
34. Тарту. Продольный разрез южных пристроек Иоанновской церкви (обмер Я. и Э. Армолик)	50

35. Тарту. Вид Иоанновской церкви с северо-западной стороны	52
36. Тарту. Западный фасад Иоанновской церкви (обмер Я. и Э. Армолик)	53
37. Тарту. Западный портал Иоанновской церкви	54
38. Тарту. Деталь портала Иоанновской церкви	55
39. Тарту. Терракотовая скульптура с фриза на западном фасаде Иоанновской церкви	56
40. Тарту. Вид Иоанновской церкви с северной стороны	57
41. Тарту. План Иоанновской церкви по рисунку И. Х. Бротце	58
42. Тарту. План Марининской церкви по рисунку 1763 года ЦГВИА, ф. 3 л. оп. 12. 4656.	64
43. Тарту. Продольный разрез Марининской церкви по рисунку 1763 года (вид южной стены среднего нефа)	65
44. Тарту. Продольный разрез Марининской церкви по рисунку 1763 года (вид северной стены среднего нефа)	66
45. Тарту. Продольный разрез западного притвора собора. Вид северной стены (обмер Я. и Э. Армолик)	68
46. Тарту. Вид среднего нефа собора	70
47. Тарту. Деталь западной стены среднего нефа собора	72
48. Тарту. Продольный разрез среднего нефа собора (обмер Я. и Э. Армолик)	73
49. Пайсту. План церкви (обмер Е. Саадре)	76
50. Хельме. План церкви (обмер Е. Саадре)	78
51. Ранну. План церкви (обмер Е. Саадре)	79
52. Карула. План церкви (обмер Е. Саадре)	80
53. Пылва. Западный фасад церкви	81
54. Таллин. План раскопок в церкви Нигулисте (обмер Н. Паульсена)	86
55. Таллин. Северная стена среднего нефа церкви Нигулисте	89
56. Таллин. Замковый камень из церкви Олевисте	93
57. Таллин. Замковый камень из церкви Олевисте	93
58. Таллин. План церкви Олевисте (обмер О. Громана)	94
59. Таллин. Поперечный разрез хора и капеллы Марии церкви Олевисте (обмер О. Громана)	95
60. К. Унгерн-Штернберг: Вид из хора церкви Олевисте после пожара 1820 года	96
61. К. Унгерн-Штернберг: Вид из северного нефа церкви Олевисте после пожара 1820 года	97
62. Таллин. Рельеф с изображением св. Олая на своде хора церкви Олевисте	99
63. К. Унгерн-Штернберг. Вид развалин церкви доминиканского монастыря в Таллине в начале XIX века (акварель)	104
64. Пилествере. Скульптура с портала северного притвора церкви	109
65. Пеэтри. План церкви (обмер Н. Паульсена)	110
66. Вяйке-Маарья. План церкви (обмер Я. и Э. Армолик)	111
67. Виру-Нигула. План церкви (обмер М. Мууга)	112
68. Хальяла. План церкви (обмер Я. и Э. Армолик)	113
69. Виру-Яагупи. План церкви (обмер Я. и Э. Армолик)	114
70. Раквере. План церкви (обмер Н. Паульсена)	114
71. Кадрина. План церкви (обмер Я. и Э. Армолик)	115

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Андреас, мастер, 85, 113
 Барклай де Толли, фельдмаршал, 60
 Бертельсон, Б., 106
 Бротце, И. Х., 9, 59
 Вовсак, И., живописец, 91
 Гаусманн, Р., 74
 Герделлаге, Ханс, бюргер, 110
 Гиргензон, И., 8
 Герман Вартбергский, хронист, 76
 Гулеке, Р., 9, 33, 69
 Дамеров, см. Дитрих III Дамеров
 Дитрих III Дамеров, епископ тартуский, 74
 Заффенберх, Арнд, бюргер, 98
 Иоганн I фон Луне, архиепископ рижский, 14, 17
 Кампе, П., 7, 8
 Карл IV, император т. н. Священной Римской империи, 74
 Кралинг, С., 3, 4, 5, 7, 34, 87, 92, 98, 100, 102, 108, 109
 Класен, К. Х., 3, 5, 7, 17, 19, 61, 69, 71
 Краузе, И. В., архитектор, 63
 Крунквист, И., 7
 Кюнерт, Э., 103, 105
 Лаакманн, Х., 26
 Линден, Герд ван, бюргер, 100
 Луббеке, Хинрик, бюргер, 104, 105
 Люнебург, Иоганн, ратман, 99
 Матвеев, капитан-поручик, 63
 Миних, Б. К., генерал-фельдмаршал, 59
 Нейман, В., 5, 6, 9, 10, 88, 92
 Ниггельс, мастер, 85
 Никельс, см. Ниггельс
 Никлас, см. Ниггельс
 Николаус, см. Ниггельс
 Олаф II Гарольдсон, король норвежский, 98
 Олдендорпе, Иоганн, бюргер, 100
 — Элзебен, супруга бюргера, 100
 Отто, Р., 75
 Парлер, П., мастер, 74
 Петр I, император, 59
 Плэстерер, А., 82
 Ринне, Ю., 70
 Риссенберх, Ханс, старший, золотых дел мастер, 90
 Роде, Хермен, живописец, 91
 Румешоттель, И., мастер, 8
 Свальбарт, см. Свальберг
 Свальберг, Генрих (Хинрик), мастер, 84, 106, 107, 108, 115
 Свальберх, см. Свальберг
 Симон, мастер, 84
 Снелле, Бертольт, бюргер, 100
 Стипелл, Хинрик, бюргер, 100
 Стюве, Херман, мастер, 91
 Туулсе, А., 26, 27, 51, 70
 Унгерн-Штернберг, И. К. Э., 92, 103
 Фабулятор, скульптор, 109, 110
 Фрей, И., 35
 Фреймут, О., 3, 4, 69, 71
 Ховен, А. Ф., 100
 Холте, Иоган ван деме, бюргер, 98
 Хольст, Н., 3, 5, 72
 Челлин, Х., 3, 5, 7, 34
 Шраде, Х., 5
 Штетхаймер, Г., 74
 Эндорп, Виллекин фон, магистр Ливонского ордена, 14, 17

УКАЗАТЕЛЬ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ

- Амбла, церковь, 108, 109
 Альт-Гаартц (Германия), церковь, 31
 Ангермюнде (Германия), церковь
 францисканского монастыря, 69
 Бартошич (Польша), церковь, 62
 Беллиц (Германия), церковь, 62
 Бургштейнфурт (Германия), т. н.
 «Малая церковь», 81
 Буртнеки, церковь, 14, 21, 117
 Вадстена (Швеция), бригиттинский
 монастырь, 106, 107
 Валмиера, Симеоновская церковь, 14,
 17, 19, 21, 117
 Вальяла, церковь, 87
 Вена (Австрия), церковь монахов-от-
 шельников августинского ордена, 69
 Вестерос (Швеция), собор, 69
 Вильянди, городская церковь, 75, 117
 — орденский замок, 34, 110
 Виру-Нигула, церковь, 110, 112
 Виру-Яагупи, церковь, 106, 115
 Висмар (Германия), Маринская цер-
 ковь, 67
 — — церковь Юрге-
 на, 67
 Вайке-Маарья, церковь, 111, 112
 Гданьск (Польша), Маринская цер-
 ковь, 69
 — — Екатеринбургская
 церковь, 69
 Гюстров (Германия), собор, 31
 Далем (Швеция), церковь, 109
 Добран (Германия), цистерцианский
 монастырь, 8
 Зийтов (Германия), церковь, 31
 Икшкиле, церковь, 21
 Иyselaxтme, церковь, 112, 115
 Каарма, церковь, 87, 108
 Кадрина, церковь, 115, 116
 Камбе (Германия), церковь, 31
 Карузе, церковь, 81
 Карула, церковь, 79, 80, 87
 Карья, церковь, 34
 Квидзынь (Польша), церковь, 31
 Кирбла, церковь, 81
 Кихельконна, церковь, 87
 Колга-Яани, церковь, 34, 76
 Коэру, церковь, 108, 109
 Кревезе (Германия), церковь, 10
 Кроне (Германия), церковь, 72
 Кяйна, церковь, 81
 Лайузе, церковь, 110, 111
 Лиичелинг (Швеция), собор, 87
 Маарья-Магдалена, см. Ярве
 Марзов (Германия), церковь, 31
 Мартна, церковь, 81
 Местлин (Германия), церковь, 31
 Михкли, церковь, 87
 Мьярьмаа, церковь, 87
 Нарва, церковь, 105, 106, 117
 Ноароотси, церковь, 81
 Новгород, церковь Николы на Липне,
 31
 Нью, церковь, 9, 29, 30, 31, 32, 34, 75,
 76, 77, 87
 Олива (Германия), церковь, 72
 Пайсту, церковь, 76, 77
 Паламусе, церковь, 33, 75
 Пельплин (Германия), церковь, 72
 Пеэтри, церковь, 111
 Пилиствере, церковь, 34, 109, 110
 Плау (Германия), церковь, 31
 Пуухя, церковь, 77
 Пыльва, церковь, 80, 81
 Пюхалепа, церковь, 87
 Пярну, городская стена, 26, 27
 — Николаевская церковь, 8, 21,
 22, 23, 26, 27, 28, 87, 117
 — Орденский замок, 26, 27
 Раквере, церковь, 85, 115, 116
 Ранну, церковь, 77, 79, 80
 Рёбель (Германия), Маринская цер-
 ковь, 10, 31
 — — Николаевская цер-
 ковь, 31
 Рига, Алексеевская церковь, 14
 — орденский замок, 85
 — Петровская церковь, 3, 7, 8,
 117, 118.
 — собор, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 14, 17,
 19, 21, 29, 30, 34, 116, 117.
 — церковь бывшего женского ци-
 стерцианского монастыря, 12, 14.
 — Яковлевская церковь, 8, 9, 10,
 11, 12, 14, 26, 29, 31, 34, 74, 117.
 Росток (Германия), Маринская цер-
 ковь, 8, 110
 — — Яковлевская цер-
 ковь, 62
 Руена, церковь, 21, 117.
 Саласпилс, церковь, 87
 Сангасте, церковь, 77
 Симуна, церковь, 116
 Старгард (Польша), Маринская цер-
 ковь, 67
 Сууре-Яани, церковь, 34, 87, 110
 Таллин, бригиттинский монастырь в
 Пирита, 75, 82, 83, 84, 101, 105, 106,
 107, 108, 117.
 — городская стена, 26, 85, 87.
 — дом на улице Нигулисте № 1
 (т. н. Епископский дом), 107
 — дом на улице Пикк № 1, 107
 — доминиканский монастырь,
 82, 103, 104, 105, 106, 107, 110, 117.

- Таллин, женский цистерцианский монастырь, 82
 — здание Большой Гильдии, 82, 119
 — здание Гильдии Олевн, 82, 119
 — орденский замок, 85, 112
 — ратуша, 82, 112, 119
 — собор, 34, 82, 83, 108, 117
 — церковь Нигулисте, 22, 81, 82, 83, 85, 87, 88, 90, 91, 92, 101, 105, 107, 108, 117
 — церковь Олевнсте, 81, 92, 93, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 106, 108, 117, 118.
 — церковь Пюхавайму, 82, 112
 Тарвасту, церковь, 77
 Тарту, главное здание университета, 63.
 — дом на Ньуюкоуде вяляк № 18, 60
 — доминиканский монастырь, 75, 117
 — Иоанновская церковь, 35, 37, 38, 41, 43, 45, 46, 47, 51, 53, 55, 56, 59, 60, 61, 62, 63, 72, 75, 98, 117
 — Маринская церковь, 35, 63, 67, 75, 117
 Тарту, собор, 11, 35, 67, 69, 70, 71, 72, 74, 75, 117
 — университетская библиотека, 63
 Тофта (Швеция), церковь, 87
 Триката, церковь, 14, 21
 Турку (Финляндия), доминиканский монастырь, 85
 — — собор, 70, 71, 85
 Тюрн, церковь, 34, 110.
 Урвасте, церковь, 28, 29, 75, 117
 Хаапсалу, капелла епископского замка, 17, 87
 Хальяла, церковь, 115
 Хелмно (Польша), церковь, 69
 Хельме, церковь, 77
 Хёрсне (Швеция), церковь, 109
 Хорин, церковь цистерцианского монастыря, 71
 Цесис, Иоанновская церковь, 8, 10, 14, 17, 19, 23, 26, 29, 31, 34, 117
 Шверин (Германия), собор, 8
 Штральзунд (Германия), Маринская церковь, 69
 Ярва-Мадисе, церковь, 34
 Ярве, церковь, 33, 34.

RUUMIVORMI PROBLEEM LÄTI JA EESTI KESKAEGSES ARHITEKTUURIS

V. Vaga

NSV Liidu ajaloo kateeder

R e s ü m e e

Kodakiriku osatähtsust Läti ja Eesti keskaegse arhitektuuri arenguloos on mõnede uurijate poolt tugevasti ülehinnatud; on oletatud, et see ruumivormi tüüp domineeris Baltikumis umbes kuni aastani 1400. Nagu aga näitab üksikasjalikum analüüs, on ka enne a. 1400 ehitatud arvukalt basiilikaid.

Riia toomkiriku kohta on avaldatud arvamust, et see valmis XIII sajandil kodakirikuna ja alles XV sajandil ehitati ümber basiilikaks. Tegelikult pärineb aga praegune basilikaalne kesklööv umbes ajajärgust 1300, nagu näitab rida detaile: valgmiku ümaraknad, ümarvööt nende palestikus, ümarakendega vahelduvate petikute kuju; ka on kesklöövi roiete profiilid sarnased külglöövide roiete profiilidega. Torn on lõpetatud samuti umbes a. 1300; siin näeme samu vorme kui valgmiku akende ja petikute juures. Riia toomkiriku koolkonda kuuluv Peetri kirik on samuti ehitatud XIII sajandi lõpul basiilikana, nagu seda näitavad piilariprofiilide kohal kerkivad liseenid. Peetri kiriku koor pole ehitatud tervikuna a-l 1408—1409. Koori alumine osa ehitati juba XIV sajandi esimesel poolel basilikaalse skeemi alusel, kuid lõpule viidi koori ehitus tunduvalt hiljem — XV sajandi alguses. XV sajandi teisel poolel toimus pikihoone ümberehitus, jällegi basiilikana. Ka teine Riia koolkonna mälestis — Jakobi kirik — ehitati XIII sajandi lõpul basiilikana: kõrgseinal olid veel möödunud sajandi lõpul säilinud samasuguse ümarakaarelise friisi fragmendid, nagu seda omavad külglöövid. Kõrgseina akende palestikus oli näha samasuguseid ümarkeppe nagu toomkiriku valgmiku akendes ja umbes a. 1300 ehitatud Nõo kiriku akendes. Kesklöövi vöödekaarte ja roiete profiilid sarnanevad külglöövi profiilidega. Ekslik on ka arvamus, et Jakobi kiriku torn olevat ehitatud XV sajandil. Torni teisel korrusel näeme friisi, mis koosneb ükssteisega ristuvatest ümarkaartest; see on romaani arhitektuuris esinev motiiv, mis on olemas ka

XIII sajandil ehitatud Riia toomkiriku transeptil. Kolmandal korrusel näeme friisi üksteisega ristuvatest teravkaartest; järelikult ehitati XV sajandil ainult kolmas ja neljas korrus.

Riia toomkiriku koolkonda kuuluv kirik Cēsises ehitati alates a. 1283 basiilikana, sest võlviroided on kõigis lõõvides ühesugused. Ka ühel ajal Cēsise kirikuga rajatud Valmiera kirik on basiilika, nagu näitab mögasroieta esinemine nii kesklõõvis kui ka külglõõvides. Samuti olid basiilikad nüüd tugevasti ümberehitatud kirikud Burtniekis ja Rūjenas.

Riia toomkiriku koolkonna ehitustest Eesti alal ehitati Pärnu Nikolai kirik XIII sajandi lõpul basiilikana, nagu näitab asjaolu, et ristikujulised piilarid on väga massiivsed (2,2 m) ja arkaadid väga madalad (5 m). Teine selle koolkonna ehitus — Urvaste kirik — oli samuti basiilika: kõrgseinal (külglõõvide katuse all) on säilinud tugipiitade jäljed, mis on vajalikud ainult basiilika juures. Riia ehitustest on sõltuv umbes a. 1300 ehitatud Nõo kirik, mis on aga kodakirik. Suhetest Riiaga tunnistavad ka Viljandi linnuse skulpturaalsed detailid, Türi kirik ja Järva-Madise kirik.

XIV sajandil püstitati Lõuna-Eesti (s. t. telliskivi ala) keskuses Tartus rida silmapaistvaid hooneid. 1944. a. tulekahjus tulid Jaani kirikus avalikuks krohviga kaetud ülirikkalikud skulptuurid ja detailid, mis näitavad, et kirik on ehitatud basiilikana umbes a. 1330. Nagu nähtub a. 1763 valmistatud joonistest, oli Tartu Maarja kirik sama tüüpi basiilika nagu Jaani kirik, kuigi pisut suurem. Tartu toomkiriku basilikaalse pikihoone ümberehitust alustati arvatavasti juba XIV sajandi esimesel veerandil ja lõpetati sama sajandi teisel poolel. Kodakiriku süsteemis koor pole ehitatud mitte XV sajandi lõpul, vaid arvatavasti sama sajandi algul. Nagu näitab XVII sajandi plaanidele joonistatud Tartu dominiiklaste kloostri plaan, oli see kodakirik, ehitatud arvatavasti XV sajandi algul. Viljandi linnakirik sarnaneb põhiplaanilt täiesti Tartu Jaani ja Maarja kirikuga ja on arvatavasti ehitatud Tartu meistrite poolt basiilikana.

Tugevasti ümberehitatud Lõuna-Eesti XIV sajandi maakirikud (Paistus, Tarvastus, Helmes ja Sangastes) olid kodakirikud, arvatavasti osaliselt Nõo kiriku eeskujul ehitatud. Peale ühelõõvilise Puhja kiriku olid XV sajandi maakirikud (Rannus, Karulas ja Põlvas) lühikesed, ruudule läheneva põhiplaaniga kodakirikud.

Põhja-Eesti (s. t. paekivi ala) keskuses Tallinnas arenes intensiivne ehitustegevus juba XIII sajandil, mil ehitati rida suuri kirikuhooneid. Eriti hoogustus ehitamine XV sajandil, mil Tallinnas kujunes omapärase ilmega arhitektuuri koolkond. Enamik vanaid kirikuid ehitati ümber monumentaalses laadis. Ümberehitamise põhjuseks ei olnud mitte 1433. a. tulekahju (mille ulatust on tugevasti liialdatud), vaid soov näha vanade hoonete asemel uusi, suurejoonelisi. Kesket tähtsust Tallinna koolkonna meistrite seas omab H. Swalberg.

Tallinna Niguliste kirik ehitati esialgsel kujul XIII sajandi lõpul laia, kuid madala kodakirikuna, mis täitis ka kaitseülesandeid. Hoone ehitati ümber basiilikana XV sajandi teisel poolel. 1433. a. tulekahju ei kahjustanud kirikut, sest a-ist 1434, 1437 ja 1440 on andmeid jumalateenistuse kohta mitmel altariil. Oleviste kirik valmis arvatavasti juba a. 1267 lühikese, ilma koorita kodakirikuna. A. 1330 pikendati seda kirikut kolmelöövilise koori juurdeehitamisega; sellest ajast pärineb enamik praeguse koori võlvide päiskive. See praegune koor valmis umbes a. 1425, kuna uus basiilikaalne pikihoone ehitati a-il 1437—1450. Ka siin ei põhjustanud ümberehitamist 1433. a. tulekahju, sest a-ist 1433, 1434 ja 1437 on andmeid jumalateenistuse kohta mitmel altariil. Dominiiklaste kloostri kirik ehitati XIII sajandi teisel poolel basiilikana, kuid kirik ehitati umbes a. 1400 ümber kodakiriku süsteemis. Piriita kloostri kiriku ehitamist alustati nähtavasti basiilika skeemis, kuid valmis ehitati hoone monumentaalse kodakirikuna, mis on Tallinna XV sajandi koolkonna suurim meistriteos. Sõltuvus Vadstena emakloostri eeskujust on tähtsusetu. Tallinna toomkirik on esialgsel kujul ehitatud kodakirikuna, kuid samuti XV sajandil basiilika kujul ümber ehitatud.

XV sajandil ehitatud Narva kirik — kaheksatahuliste piilariatega kodakirik — kuulub Tallinna koolkonda.

Mis puutub Põhja-Eesti maakirikutesse, siis ehitati selle läänepoolse osas ainult ühelöövilisi kirikuid; idaosas domineerivad aga kodakirikud. XIII sajandil ehitatud Ambla ja Koeru kirik omavad ümarpiilareid. Sama tüüpi on ka XIV sajandi algul ehitatud Pilistvere, Türi, Suure-Jaani ja Laiuse kirik. Pisut hiljem on ehitatud Peetri, Väike-Maarja, Viru-Nigula ja Jõelähtme kirik. XV sajandi kirikutest kuuluvad Tallinna koolkonda Rakvere, Viru-Jaagupi, Kadrina, Simuna ja Haljala kirik; viimased kolm olid kindluskirikud.

Kokkuvõttes võib märkida, et ruumivormi areng toimub Baltikumis erinevalt arengust Saksamaal. Saksa arhitektuuri ajaloo seaduspärasused ei ole Lätis ja Eestis täiel määral kehtivad. Kodakiriku tüüp, mis Saksamaal oli alates XIII sajandist omandanud suure populaarsuse, ei domineeri sugugi Baltikumi ehituskunstis aastani 1400. Kodakirikud olid küll ülekaalus Põhja-Eesti (s. t. paekivi ala) linnade arhitektuuris, kuid Lätis ja Lõuna-Eestis (s. t. telliskivi alal) see tüüp ei levinud. Kõik linnakirikud on siin aastani 1400 basiilikad ja basiilika skeemi rakendatakse algses osaliselt ka maakirikute ehitamisel; hiljemini aga maakirikuid basiilika kujul enam ei ehitata. XV sajandil oli kodakirik Saksamaal saanud tõeliseks hilisgooti ruumi-idee kandjaks ja peamiseks monumentaalse kirikuhoone tüübiks. Baltikumis seevastu püstitatakse monumentaalehitusi alates XV sajandi keskpaigast ainult basiilika süsteemis. Nagu teiste probleemide, nii ka vormiprobleemi lahendamisel võime konstateerida Baltikumi arhitektuuris iseseisvust, sõltumatust ja omapära. Selle põhjusi tuleb kahtlemata

otsida ka Baltikumi sotsiaalpoliitilise olukorra ja rahvuslike vahekordade eripärasuses. Kodakiriku mõtte kandjad selle hilisemas arengus olid Saksamaal peamiselt linnakodanluse laiad kihid, kes end ka sel alal teatud mõttes vastandasid kiriklikule ja ilmalikule aristokraatialle; kodakirik oli muutunud mingiks linliku demokraatia sümboliks. Läti ja Eesti linnades aga eraldas liivlasi, lätlasi ja eestlasi («mittesakslasi») saksa päritoluga kodanikest mitte ainult terav sotsiaalne vastuolu, vaid ka rahvustik viha. Neis spetsiifilistes tingimustes oli muidugi vahekord sakslastest linnaelanike ja sakslastest rüütlite vahel tunduvalt erinev. Need olukorrad leiavad teatud kajastuse ka ehituskunstmis.

DAS PROBLEM DER RAUMFORM IN DER MITTELALTERLICHEN BAUKUNST LETTLANDS UND ESTLANDS

V. Vaga

Zusammenfassung

Die Bedeutung der Hallenkirche in der Entwicklungsgeschichte der mittelalterlichen Baukunst Lettlands und Estlands ist von einigen Forschern stark überschätzt worden; man hat behauptet, dass dieser Raumformtypus bis ums Jahr 1400 im Baltenlande der vorherrschende war. Doch wie eine mehr eingehendere und detailliertere Untersuchung zeigt, sind auch vor 1400 zahlreiche Basiliken gebaut worden.

Es ist behauptet worden, dass der Dom zu Riga im XIII. Jahrhundert als Halle gebaut und erst im XV. Jahrhundert in eine Basilika umgewandelt worden ist. In Wirklichkeit stammt aber das jetzige basilikale Mittelschiff aus der Zeit um das Jahr 1300; davon zeugt eine Reihe von Einzelheiten: die Rundfenster des Obergadens, der Rundstab in den Laibungen dieser Fenster sowie die Art der Blendbogen des Obergadens. Auch sind die Rippenprofile des Mittelschiffes denen der Seitenschiffe ähnlich. Auch der Turm ist um das Jahr 1300 vollendet worden; hier sehen wir dieselben Formen wie bei den Fenstern und Blendbogen an den Aussenwänden des Obergadens.

Die zur Schule der Rigaer Domkirche gehörende Petrikerche ist ebenfalls Ende des XIII. Jahrhunderts als Basilika erbaut worden, was durch das Vorhandensein von Lisenen über den Profilen der Pfeiler belegt wird. Der Chor der Petrikerche ist nicht als Ganzes in den Jahren 1408—1409 aufgeführt worden. Die unteren Teile des Chores sind schon in der ersten Hälfte des XIV. Jahrhunderts nach dem basilikalischen Schema gebaut worden, doch wurde der Bau des Chores erst bedeutend später, am Anfang des XV. Jahrhunderts, zu Ende geführt. In der zweiten Hälfte des XV. Jahrhunderts ist das Langhaus in Basilikenform erneuert worden. Auch das zweite Denkmal der Schule des Rigaer Doms, die Jakobikerche in Riga, wurde gegen Ende des XIII. Jahrhunderts als Basilika er-

richtet: an den Aussenwänden waren noch Ende des vorigen Jahrhunderts Fragmente eines Rundbogenfrieses zu sehen, der dem Frieze an den Aussenwänden der Seitenschiffe ähnlich sieht. In den Fensterlaibungen des Obergadens waren Rundstäbe aufgestellt, wie sie die Fenster in den Aussenwänden des Obergadens des Rigaer Domes und die Fenster der um das Jahr 1300 errichteten Kirche zu Nõo besitzen. Die Profile der Gurtbögen und Gewölberippen des Mittelschiffes sind den Profilen in den Seitenschiffen ähnlich. Irrtümlicherweise ist behauptet worden, dass der Turm der Jakobikirche im XV. Jahrhundert erbaut worden sei. Am zweiten Stockwerk sehen wir einen Fries, der aus sich überkreuzenden Rundbogen gebildet ist; dieses für den romanischen Stil charakteristische Motiv verziert auch das Querschiff der Rigaer Domkirche. Am dritten Stockwerk sehen wir einen Fries aus sich überkreuzenden Spitzbögen; folglich stammen aus dem XV Jahrhundert nur das dritte und das vierte Stockwerk.

Die der Schule des Rigaer Domes angehörende Kirche in Cēsis wurde ab 1283 ebenfalls als Basilika errichtet; auch hier sind die Gewölberippen des Mittelschiffes denen der Seitenschiffe ähnlich. Eine Basilika ist auch die gleichzeitig mit der Kirche in Cēsis gestiftete Kirche zu Valmiera, deren Gewölbe in allen Schiffen mit Wulstribben versehen sind. Basiliken waren auch die jetzt stark umgebauten Kirchen in Burtnieki und Rūjiena.

Von den Bauten der Schule der Rigaer Domkirche auf dem estnischen Gebiete ist die Nikolaikirche in Pärnu Ende des XIII. Jahrhunderts als Basilika erbaut worden, was durch die grosse Massivität der kreuzförmigen Pfeiler (2,2 m) wie auch durch die geringe Höhe der Arkaden (5 m) zur Genüge belegt ist. Ein anderer Bau dieser Schule in Estland — die Kirche zu Urvaste — ist ebenfalls als Basilika errichtet worden: an den Aussenwänden der Obermauer (unter dem Dache der Seitenschiffe) sind Spuren von Strebepfeilern erhalten, die ja nur bei einer Basilika notwendig waren. In Abhängigkeit von den Rigaer Bauten ist die um das Jahr 1300 erbaute Kirche zu Nõo entstanden, die aber eine Halle ist. Von Rigaer Einflüssen zeugen auch die Skulpturen der Burg zu Viljandi, die Kirchen zu Tūri und Järva-Madise.

Im XIV. Jahrhundert sind in der grössten Stadt Südostlands (d. h. des Backsteingebietes), in Tartu, einige bemerkenswerte Bauten errichtet worden. Als die Johanniskirche im Jahre 1744 abbrannte, kamen überreiche Skulpturen und Baudetails zum Vorschein, die früher von Mörtel und Tünche bedeckt waren; durch diese Funde wurde unzweideutig belegt, dass die Kirche um das Jahr 1330 als Basilika erbaut worden ist. Eine Zeichnung aus dem Jahre 1763 zeigt, dass die Marienkirche in Tartu eine Basilika von demselben Typus war wie die Johanniskirche, nur etwas grösser. Der Umbau des basilikalischen Langhauses der Domkirche zu Tartu wurde wahrscheinlich schon im ersten Viertel des XIV. Jahrhunderts begonnen und in der zweiten Hälfte desselben Jahrhunderts

vollendet. Der Hallenchor ist nicht am Ende des XV. Jahrhunderts errichtet worden, sondern wahrscheinlich am Anfang desselben Jahrhunderts. Den Grundriss der Kirche des Dominikanerklosters in Tartu sieht man auf den Stadtplänen des XVII. Jahrhunderts; nach diesem Grundrisse zu urteilen, war es eine Halle, wahrscheinlich am Anfang des XV. Jahrhunderts erbaut. Der Grundriss der Stadtkirche zu Viljandi ist den Grundrissen der Johanniskirche und der Marienkirche in Tartu durchaus ähnlich; der Bau ist wahrscheinlich von Tartuer Meistern als Basilika aufgeführt worden.

Die stark umgebauten Landkirchen des XIV. Jahrhunderts in Südostland (in Paistu, Tarvastu, Helme und Sangaste) waren alle Hallenkirchen, wohl nach dem Vorbilde der Kirche zu Nõo gebaut. Mit Ausnahme der einschiffigen Kirche zu Puhja waren auch die Landkirchen des XV. Jahrhunderts (in Rannu, Karula und Põlva) kurzrechteckige, dem Quadrat sich nähernde Hallenkirchen.

In der grössten Stadt Nordostlands (d. h. des Kalksteinbaugebietes), in Tallinn, entwickelte sich eine rege Bautätigkeit schon im XIII. Jahrhundert, als eine Reihe von grossen Kirchen gebaut wurde. Einen ausserordentlichen Aufschwung nahm die Bautätigkeit im XV. Jahrhundert, als sich in Tallinn eine Bauschule bildete, die den Stempel unleugbarer Eigenart und Selbständigkeit trug. Die Mehrzahl der älteren Kirchen wurde nun auf monumentale Art umgebaut. Der Umbau alter Kirchen wurde nicht durch den Brand im Jahre 1433 veranlasst (der Umfang des Brandes ist stark übertrieben worden), sondern durch den Wunsch, anstatt veralteter Tempel neue und grossartigere zu haben. Der bedeutendste Meister der Tallinner Bauschule ist H. Swalberg.

Die Nikolaikirche in Tallinn ist in ihrer ursprünglichen Gestalt Ende des XIII. Jahrhunderts als niedrige Halle erbaut worden, die auch Wehrzwecken diente. Die Kirche wurde in der zweiten Hälfte des XV. Jahrhunderts zu einer Basilika umgebaut. Durch den Brand von 1433 hatte sie nicht gelitten, denn es gibt Angaben über Gottesdienste an mehreren Altären in den Jahren 1434, 1437 und 1440. Die Olaiikirche ist vermutlich schon im Jahre 1267 als kurze chorlose Hallenkirche errichtet worden. Im Jahre 1330 wurde diese Kirche durch den Anbau eines dreischiffigen Chores verlängert; aus dieser Zeit stammen die meisten Schlusssteine im Chor. Der noch heute stehende Chor ist aber erst um das Jahr 1425 erbaut worden, während das neue basilikale Langhaus aus den Jahren 1437—1450 stammt. Auch hier gab nicht der Brand von 1433 den Anlass zum Umbau, denn wir besitzen Angaben über Gottesdienste an mehreren Altären aus den Jahren 1433, 1434 und 1437. Die Kirche des Dominikanerkloster entstand in Gestalt einer Basilika in der zweiten Hälfte des XIII. Jahrhunderts, doch wurde sie um das Jahr 1400 in eine Halle umgewandelt. Wahrscheinlich wurde auch die Klosterkirche in Pirita in Basilikenform begonnen, später jedoch

als eine monumentale Halle vollendet und gilt heute als das grösste Meisterwerk der Tallinner Bauschule des XV. Jahrhunderts. Die Abhängigkeit von der Architektur des Mutterklosters in Vadstena ist belanglos. Die Domkirche war ursprünglich eine Halle, doch wurde sie ebenfalls im XV. Jahrhundert in Basilikenform umgebaut.

Die im XV. Jahrhundert erbaute Kirche zu Narva — eine Halle mit achteckigen Stützen — gehört zu der Tallinner Bauschule.

Was die Landkirchen Nordestlands anbetrifft, so wurden im westlichen Teil nur einschiffige Kirchen gebaut; im östlichen Teil dominieren die Hallenkirchen. Die im XIII. Jahrhundert erbauten Kirchen in Ambla und Koeru haben runde Stützen. Denselben Typus vertreten die im Anfang des XIV. Jahrhunderts erbauten Kirchen in Pilstvere, Türi, Suure-Jaani und Laiuse. Etwas später sind die Kirchen in Peetri, Väike-Maarja, Viru-Nigula und Jõe-lähtme erbaut worden. Von den Kirchen des XV. Jahrhunderts gehören zu der Tallinner Bauschule die Kirchen in Rakvere, Viru-Jaagupi, Kadrina, Simuna und Haljala; die drei letztgenannten waren Wehrkirchen.

Zusammenfassend ist zu bemerken, dass die Entwicklung der Raumform im Baltikum andere Wege geht als in Deutschland. Die Gesetzmässigkeiten der deutschen Architekturgeschichte sind in Lettland und Estland nicht in vollem Umfange gültig. Der Hallentypus, der sich in Deutschland schon im XIII. Jahrhundert einer grossen Beliebtheit erfreute, ist im Baltikum bis zum Jahre 1400 gar nicht vorherrschend. Die Hallen waren wohl unter den Stadtkirchen Nordestlands (d. h. im Gebiete des Kalksteinbaues) in der Überzahl, doch in Lettland und in Südestland (d. h. im Backsteingebiet) fand dieser Typus keine Verbreitung. Bis zum Jahre 1400 wurden hier nur Basiliken gebaut. Anfänglich fand dieses Schema sogar beim Bau einiger Landkirchen Anwendung, doch später wurden Landkirchen in Basilikenform nicht mehr errichtet. Im XV. Jahrhundert ist die Halle zum wahren Träger des spätgotischen Raumgedankens und zur herrschenden Form des monumentalen Kirchenbaues geworden. Im Baltikum dagegen wurden Monumentalbauten seit der Mitte des XV. Jahrhunderts nur in Basilikenform aufgeführt. Wie bei der Lösung anderer Probleme, so kann man auch bei der Lösung des Problems der Raumform im Baltikum von einer unleugbaren Selbständigkeit und Unabhängigkeit sprechen. Die Gründe dieser Erscheinung sind zweifellos in der spezifischen sozialpolitischen Lage des Baltikums und in der Eigenart der hiesigen nationalen Verhältnisse zu suchen. Die Träger des Hallengedankens in seiner Spätentwicklung waren in Deutschland hauptsächlich die breiten Schichten der Stadtbewohner, die sich auch auf diesem Gebiete gewissermassen der kirchlichen und weltlichen Aristokratie entgegenstellten; die Hallenkirche wurde zu einer Art Symbol der städtischen Demokratie. In den Städten Lettlands und Estlands waren die Liven, Letten und

Esten («die Undeutschen») von den Bürgern deutscher Abstammung nicht nur durch einen scharfen sozialen Gegensatz, sondern auch durch den nationalen Hass getrennt. Unter diesen spezifischen Bedingungen war auch das Verhältnis der deutschen Stadtbewohner zur deutschen Ritterschaft anderer Natur als in Deutschland. Diese Sachlage hat auch in der Baukunst ihren Widerhall gefunden.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Церковная архитектура Латвии	4
Значение латвийских (рижских) построек в развитии архитектуры Эстонии	21
Церковные постройки Тарту и Вильянди	35
Приходские церкви южной Эстонии	75
Церковные постройки Таллина и Нарвы	81
Приходские церкви северной Эстонии	108
Заключение	116
Неопубликованные источники	121
Печатные источники и литература	121
Перечень иллюстраций	125
Именной указатель	127
Указатель архитектурных памятников	128
Ruumivormi probleem Lätis ja Eestis keskaegses arhitektuuris. <i>Resümee</i>	139
Das Problem der Raumform in der mittelalterlichen Baukunst Lettlands und Estlands. <i>Zusammenfassung</i>	135

Тартуский гос. университет
Тарту, ул. Юликооли, 18.
Ученые записки ТГУ

В. Вага. Проблема пространственной формы в средневековой архитектуре Латвии и Эстонии

На русском, эстонском и немецком языках

Отв. редактор Э. Эберберг
Корректор Л. Брафманн

Сдано в набор 17 XI 1959. Подписано к печати
29 IV 1960. Бумага 60×92, ¹/₁₆. Печ. листов 8,75.
Тираж 1000 экз. МВ-03022. Заказ № 4978.

Типография им. Ханса Хейдеманна, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19.

Цена 5 р. 15 к.